

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД 2(5)/2005

МОСТЫ

журнал переводчиков

Читайте в этом номере:

Последнее слово Мастера:

В.Н. Комиссаров

"Ложные грузы" переводчика
в структуре английского
высказывания

Е.К. Масловский

"Блеск и нищета научно-
технического перевода"

В.А. Иовенко

Дон Кихот о переводе

М. Берди

Lincoln's Gettysburg Address:
The Song of Abraham

В.К. Ланчиков

Памятник за языковым барьером

МОСТЫ

журнал переводчиков

№ 2(6)/2005

выходит 4 раза в год

Издатель:
ООО «Р.Валент»

Главный редактор:
З.В. Зарубина

Редакционная коллегия:
Мишель Берди
Линн Виссон

Д.И. Ермолович

М.А. Загот

И.В. Зубанова

Б.Н. Клизо

В.К. Ланчиков

А.И. Никольская

П.Р. Палажченко

К.В. Петренко

И.И. Убин

М.Я. Цвиллинг

А.П. Чужакин

Н.Г. Шахова

Зав. редакцией:
В.Р. Колесниченко

Редакторы:
Н.Г. Богомолова

В.П. Кочин

Корректор
А.И. Никифорова

Подготовка макета
Т.И. Родионова

Идея обложки:
Д.И. Ермолович

Адрес редакции:

105062, Москва,

ул. Покровка, д. 38а

105062, Москва,

Подсосенский пер., д. 23

Тел./факс: 916-67-03

e-mail: rvalent@online.ru

www.rvalent.ru

ISBN 5-93439-170-4

Номер подписан в печать 23.06.05

Цена свободная

Тираж 1000 экз.

Заказ № 1438

Отпечатано в ОАО «КТС»

Калуга, ул. Московская, 256

Перепечатка материалов – только
с разрешения «Р.Валент»

©ООО «Р.Валент» 2005

В номере:

От редакции 2

Ирина Воробейкина

Отвечает М.И. Зайцева 3

М.Я. Цвиллинг. Памяти Татьяны Сергеевны Ступниковой 9

А.Васильев

Т.С. Ступникова. Ничего кроме правды
(Отрывки из книги) 11

В.Н. Комиссаров. «Ложные друзья» переводчика
в структуре английского высказывания
(К постановке проблемы) 14

Ирина Воробейкина

Л. Виссон. Несколько фраз из повести Достоевского
(Продолжение) 18

Ирина Воробейкина

Речь Линкольна на церемонии освящения
Национального кладбища жертв Гражданской войны
в Геттисберге, 19 ноября 1863 года 21

М. Берди. Lincoln's Gettysburg Address: The Song of Abraham 23

В.К. Ланчиков. Памятник за языковым барьером 30

С.А. Алексеев. Геттисбергское «противостояние»:
оригинал vs. перевод 39

Ирина Воробейкина

Е.К. Масловский. Блеск и нищета
научно-технического перевода 46

Ирина Воробейкина

Ю.А. Фролова. Малагу можешь ты не пить, но что-то знать
о ней обязан (Гидам и переводчикам
об испанских терминах виноделия) 55

Ирина Воробейкина

Д.И. Ермолович. Так что же упустила переводчица
в «Трудностях перевода» 60

Ирина Воробейкина

В.А. Иовенко. Дон Кихот о переводе 65

Синдроганович

И.В. Квасюк. Снова на фронт 69

А.П. Бересневич. Размышления в наушниках 72

Ирина Воробейкина

А.П. Чужакин. Политико-переводческий алфавит 77

Д.И. Ермолович. Переводчик в эпицентре мировой катастрофы 81

Ирина Воробейкина

Об авторях 92

От редакции

Отгремел майский праздничный салют, вновь идут чередой трудовые будни, но надолго останутся в памяти Красная площадь, парад и трогательные до слез в своей мужественности ветераны — в машинах времен Отечественной... Земной вам поклон, воины!

С праздником и вас, ветераны-переводчики, наши старейшины! Мы поздравляем вас с великим праздником — наверное, единственным столь общечеловеческо-государственным, когда по-настоящему осознаешь себя частицей страны! Живите еще много-много лет, чтобы успеть передать переводчикам нашего времени хоть крупицу тех несметных сокровищ, что хранит ваша память!

Удивительные люди — переводчики! Беседуешь с представителями старой переводческой гвардии — и не устаешь удивляться молодому их задору, цепкой переводческой памяти, прекрасному сочному юмору, правильному родному языку! Пусть кто-то из них уже отошел от дел китучих, а кто-то до сих пор активно участвует в переводческой жизни страны, им всем есть о чем рассказать молодым коллегам. На страницах этого журнала вы встретите материалы, написанные нашими ветеранами или о них самих.

Когда верстался номер, пришло трагическое известие о кончине В.Н. Комиссарова — одного из основоположников и корифеев отечественной науки о переводе, блестящего педагога и синхрониста, ветерана Великой Отечественной войны, а для кого-то из наших старейшин — просто любимого друга. Вилен Наумович очень интересовался нашим журналом, верил в то, что мы делаем нужное дело. Он написал для «Мостов» статью — как оказалось, последнюю. Всей жизнью своей Мастер переброшил надежный мост — к тем, кто будет продолжать его дело...

We try to bringe the communication gap!

Слово переводчику – ветерану Великой Отечественной Войны

На вопросы редакции отвечает кандидат философских наук, полковник Мария Ильинична Зайцева

Фото А. Фурсова

– Считаете ли вы закономерным, что стали переводчиком?

– Нет, это произошло чисто случайно. Я очень хотела учиться. Безумно хотела учиться. Я закончила школу в Курске. Училась отлично, правда, никаких особых предпочтений не было, в том числе и в отношении иностранных языков, да и изучались они в те времена в школах не очень серьезно. Единственное, что я точно знала: моя профессия должна быть связана с гуманитарными предметами. В те годы в Курске была организована приемная комиссия по приему в вузы. В случае успешной сдачи документ об этом можно было рассылать в любые вузы страны... Так я и попала в МИНЯ¹ и закончила переводческий факультет, французское отделение. Именно в институте и началось серьезное изучение языков – сначала французского, а потом – в течение жизни – и остальных четырех: испанского, английского, итальянского, немецкого (его я выучила позже

других, в 42 года поэтому я знаю его хуже других, говорю по-немецки плохо, но понимаю все, и у меня есть даже перевод социологической книги). На всех остальных языках я говорю совершенно свободно. В институте оказалось, что у меня есть немалые способности к языкам. И это стало делом моей жизни.

– Кто был ваш первый учитель?

– Мадам Уэнн, Мария Августовна, мой первый преподаватель французского языка. Она привила любовь к языку, чувство языка. Заставить человека говорить на чужом для него языке – это очень трудно. Нет, по-русски мы с носителями языка не говорили.

– А из переводчиков?

– Нет, к сожалению, не могу назвать. В начале пути я много работала в одиночку. Я человек военный, и у меня было не много возможностей общаться с гражданскими переводчиками.

– Расскажите о начале своего переводческого пути.

¹ Московский институт новых языков (позже МГПИИЯ им. М.Тореза, ныне – МГЛУ).

— Я окончила институт в 1934-м. В тот год, когда я оканчивала институт, надо было одновременно писать диплом и сдавать государственные экзамены. Потом уже было что-то одно: или госэкзамены или диплом. Я госэкзамены сдала на отлично и готовилась писать диплом. Но меня вызвали в Наркоминдел (ныне Министерство иностранных дел) и предложили поехать работать за границу. Мне устроили экзамен, дали перевести ноту, что я и проделала успешно, и тогда мне сказали: «Мы посылаем вас в Уругвай. И основной язык там — испанский». А испанский мы совсем недолго изучали, и его я практически не знала. «Это не страшно, — успокоили меня, — вся дипломатическая переписка там традиционно ведется на французском...» Я уехала в Уругвай и действительно три месяца писала по-французски, однако потом полпред решительно заявил: «Хватит. Мы живем в стране, которая говорит по-испански, значит нам надо переходить на испанский». Тут и началась моя мука. Однако я все преодолела. А через два года Уругвай разорвал с нами дипломатические отношения. Хорошо помню свои ощущения в тот исторический момент, когда наши советники всю ночь писали ноту, буквально обсасывая каждое слово, каждую формулировку — и я уже отчетливо понимала, что самое главное в том, как я, именно я, переводчик, сумею передать это на испанском. Ведь читать-то будут мой текст. Это было обостренное чувство ответственности.

Потом я вернулась в Москву в 1936 году и защитила диплом. Хотя в дипломе — год выпуска 1934. И уже записан не только французский, но и испанский язык. И итальянский. Затем были изучены английский и немецкий. Со всеми этими языками я активно работала, переводила с русского на иностранный и с иностранного на русский — и письменно, и устно, и последовательно, и синхронно, кроме, пожалуй, немецкого, с ним я работала не так активно. Так как я знала несколько язы-

ков, то была очень удобным для международных конференций человеком. Стоило послать меня одну, и вопрос с переводчиками был решен. Свободно я говорила на трех языках: французском, испанском, английском. А переводила с пяти.

— Вы военное образование получали отдельно?

— Да, это были специальные курсы. Военно-учетная специальность — переводчик. Сейчас я полковник.

— А какой самый трудный случай в вашей практике?

— Ну, таких было немало. Вот один из них. Происходило это в Испании. Я участник гражданской освободительной войны. В те годы там было три силы: коммунистическая партия Испании, наши советники и руководство интербригад. Все они существовали независимо друг от друга, однако в решающий момент должны были координировать свои усилия и согласовывать действия. Обстановка была крайне сложная. И вот однажды было одно из таких совместных заседаний, важнейшее и с точки зрения политических, и с точки зрения военных отношений. Решался вопрос о дальнейшем ходе событий. От нас — главный советник Штерн Григорий Михайлович (он был в Испании под псевдонимом Григорович). У него-то я и была переводчиком. Французы-интербригадovцы и их руководитель Андре Марти не знали ни русского, ни испанского; испанцы не знали ни русского, ни французского; Штерн не знал ни французского, ни испанского. А я знала все три языка и поэтому переводила следующим образом: если говорил Штерн, я переводила его слова на испанский и тут же — на французский. Выступления Марти я переводила на испанский и на русский, а речи испанцев — на русский для Штерна и на французский для интербригадovцев. А переводить нужно было все до тонкостей. Шло это заседание шесть с половиной часов. Вы не можете себе представить, какое это было напряжение! Когда все закон-

чилося и сели ужинать, то для разрядки стали перекидываться репликами и шутками. Вот тут я уже воспротивилась: «Теперь как хотите общайтесь. Я не произнесу ни одного слова». Я была не в силах...

Мы со Штерном все время напряженно работали в Испании, но однажды не спали подряд трое суток. И вот на третьи сутки, когда пришлось выполнять очень ответственный перевод о планировании военной операции, я поняла, что уже почти ничего не соображаю, не держу в голове, как обычно, большой отрезок переводимого текста, а думаю лишь о том, чтобы поставить правильный падеж. Вдруг Штерн восклицает: «Боже мой, вы же спите!» «Да, — соглашаюсь, — сплю, но перевожу я правильно». Я не знаю, с точки зрения физиологии, наверное, трудно объяснить, но в моем мозгу усилием воли бодрствовал какой-то участок, который отвечал за перевод. Когда мы со Штерном сели в машину, он закурил, и я впервые попросила папиросу, но Штерн не дал ее мне. Много позже в ответ на мой упрек («Ведь вы же видели, в каком я была состоянии!») объяснил, что не хотел, чтобы я начала курить, а когда закуливаешь в такой напряженный момент, бросить потом невозможно. И я прошла все войны, так и не закурив, и это помогло мне не раз. Как офицер, я получала махорку и меняла ее на дрова и многое другое. А когда в 1939 году у меня родился ребенок (а в те годы женщине до родов давалось 29 дней и после родов — месяц!), и я через месяц вышла на работу и сильно недосыпала, то, делая вид, что курю, выходила вместе с курящими на пять минут каждый час — им такое право предоставлялось. А я за эти минуты хоть как-то приходила в себя.

Это вообще были трудные времена. Как вы знаете, Сталин работал по ночам, и все его окружение работало по ночам, а наше управление выходило непосредственно на Сталина, и в любой момент к нам могли обратиться. Поэтому мы работали допоздна. И когда я обратилась с просьбой к начальнику управления разре-

шить мне уходить в шесть часов, в связи с тем, что я кормящая мать, он в резкой форме ответил, что в Уставе ничего не написано о праве офицера уходить на кормление. Вы офицер, было сказано мне, живете по Уставу и будете уходить в одиннадцать. Молоко перегорало, ребенок орал от голода... *(Мария Ильинична умолкает)*

— А про испанскую войну вы можете рассказать?

— Еще бы. Я была там с октября 1936 по ноябрь 1937. Тринадцать месяцев фронта — это много. А в Испанию я попала так. Я как раз обучалась на военных курсах. Меня вызвали в час ночи и стали интересоваться, какие я языки знаю. Я сразу же догадалась, зачем меня спрашивают. В Испанию посылали очень много квалифицированных в военном деле специалистов, но никто из них не знал ни слова по-испански. Вообще тех, кто знал испанский, буквально по крохам собирали по всему Советскому Союзу. Конечно, я была готова отправиться в Испанию, но только одно обстоятельство меня огорчало. И когда военком почувствовал сомнения у меня в голосе, то удивился: «Что-то вы очень равнодушны, вот когда мы на Гражданскую шли...» И мне пришлось объяснить, что я только две недели назад вышла замуж. — «А кто ваш муж? — Он лейтенант, танкист. — Ну тогда он поедет вместе с вами...» И 16 октября 1936 года мы отправились в Испанию.

Как часто я кляла себя, что потянула его за собой. На фронте нельзя быть рядом с родным человеком. Я видела, как на моих глазах факелом горят пять танков. И я не знала, там мой муж или нет. Вечером говорят: погибли столько-то танкистов, а я не знала, есть ли среди них мой муж или нет...

Сколько раз мне приходилось переводить во время бомбежек, а рядом сыпались осколки. Я и не подозревала до той поры, что они горячие... *«Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне»*, — писала Юлия Друнина.

Это действительно так. На войне страшно. Всем. И Жукову было страшно. Просто у кого-то есть сила воли преодолеть этот страх. Я смогла. Стояла и невозмутимо переводила под бомбежкой.

Конечно, было страшно, но что делать. Надо было работать. А когда нас с моей подругой-переводчицей вызвал Ворошилов и говорил с нами, это долго было предметом моей гордости. Я была горда, что не кого-либо, а именно нас, переводчиков, отметил сам Ворошилов. Сейчас я уже никому не рассказываю об этом. Но тогда я не знала, какова его роль в репрессиях. К счастью, в моей семье никто не пострадал, но в силу своей деятельности я была связана с целым рядом высокопоставленных военных, многие из них были расстреляны. Это прошло через мое сердце. В их честности и порядочности я никогда не сомневалась, даже когда они были объявлены врагами народа. Был расстрелян и Штерн...

В Испании моя деятельность началась с того, что я должна была помогать Родимцеву Александру Ильичу (впоследствии Герою Сталинградской битвы) в организации школы пулеметчиков. Набрали ребят-испанцев — слесарей, токарей... Вначале я не знала названий частей пулемета, ни по-русски, ни по-испански, чем Родимцев очень возмущался. Но тут началось наступление Франко на Мадрид, и уже было не до школы. А пулемет пришлось осваивать в бою, в том числе и мне. Сначала я спрашивала у русских, как называется та или иная часть пулемета, а потом шла к испанцам и спрашивала то же у них. Так что через пару часов я уже знала все, что нужно. Это пригодилось мне много позже, в Москве, когда по приказу Сталина все политработники должны были сдавать экзамены по военному делу на уровне, на котором работают, так как на фронте в случае гибели командиров их должны были заменить политработники, а они очень часто были людьми невоенными. Например, комис-

сар полка должен был сдавать экзамен за командира полка. Я же работала на уровне батальона и сдавала экзамен за командира батальона. Военные, которые меня обучали собирать винтовку, полевую пушку, очень удивлялись, что я так хорошо знаю пулемет. Не хвастаясь скажу, что я единственная — а все остальные были мужчины, — из всех политработников моего округа получила пятерку и благодарность командующего округа. Это был 1942 год.

— А чем вы занимались во время Великой Отечественной войны?

— Я работала в Генштабе, уже была капитаном, и очень просилась на фронт. По роду деятельности я знала, что готовится военная операция, где нужен переводчик. Однако у меня был маленький ребенок (сын родился в октябре 1939-го), а муж был на фронте, и я ничего не знала о его судьбе. Но мне сказали: «Вы должны сберечь ребенку хотя бы мать» и отправили с сыном в эвакуацию. А 14 апреля 1942 года погиб мой муж.

(Мы рассматриваем фотографии, на которых они вместе с мужем — такие молодые и такие счастливые ...)

— А какой самый поучительный случай в вашей практике?

— Я вам расскажу очень интересный случай. В Голландии проходила важная международная конференция, в числе советских делегатов были академики, доктора наук, но никто не знал иностранного языка. Только я и еще один аспирант. И мы вдвоем выполняли работу переводчика. Работа конференции была организована следующим образом: в одном зале целый день шло пленарное заседание (этот зал был радиофицирован, в будке находился переводчик и шел синхронный перевод), в другом, нерадиофицированном, — шло заседание организационного комитета этого конгресса. Там просто сидел переводчик и переводил. Так как нас, переводчиков, было всего двое, то один день я сидела в будке, а мой напарник переводил в зале, а на следующий день мы менялись.

Рядом с нами находились будки ООНовских переводчиков. Квалификация — выше отличного. Они работали так: 20 мин один работает, затем его сменяет другой, а первый в это время отдыхает, потом отдохнувший сменяет работающего, и т.д. И так до шести часов. Всё. Рабочий день окончен. Мы же работали так: нас будили в шесть утра и просили внести необходимые коррективы в предстоящие доклады, в 9 начиналось заседание, в 6 вечера кончалось. После ужина — неформальное общение, но и это было очень ответственным, так как было пронизано антикоммунистическим духом, и требовалось тщательно переводить бесконечные нападки на нас. Это продолжалось до часа — половины второго ночи. И мы, переводчики, все время были на посту.

Вдруг подходит ко мне француз-переводчик и спрашивает: «Вы что, сюда *подыхать* приехали? (Именно так он сказал!) Вы почему *так* работаете? Мы работаем совсем по-другому. У нас есть профсоюз, который следит за тем, чтобы не нарушались наши права». Переводчик к тому же не знал о том, что мы получали только командировочные суточные — 2,5 доллара, в то время как им платили 25 долларов в день. Конечно, дома я могла критиковать то или иное, однако здесь, за рубежом, я была советским гражданином и защищала все, что касалось моей страны. «Почему вас так волнует наша судьба? — спросила я достаточно резко. «А как же! Нам скажут: вот, русские могут так работать, и изменят условия в худшую сторону. Вы нам ставите подножку». «Не волнуйтесь, — успокоила я его, — объясните своим хозяевам, что мы не переводчики, а сотрудники Института философии (по сути это была правда). Мы знаем иностранные языки и помогаем своим товарищам, которые его не знают».

— А чем вы еще занимались в мирное время?

— Я преподавала испанский язык в военных вузах. Долгое время работала в Институте философии, а потом в Институте

социологии АН СССР. Работая в Академии наук, я продолжала ездить переводчиком на симпозиумы, конференции, и только когда защитила кандидатскую диссертацию, ездила уже в качестве делегата. Конечно, человек, знающий несколько языков, очень удобен. Я говорила с итальянцами на итальянском с испанцами на испанском, с французами на французском. Однажды один из делегатов удивленно спросил меня: «Мадам, сколько же языков вы знаете?» Было очень приятно.

— А самый смешной случай в вашей практике?

— На одной из конференции я переводила с английского на французский и с французского на английский. К концу заседания я устала, и вдруг слышу хохот в зале. Оказывается, я стала переводить на французский речь выступающего француза.

— Это был синхронный перевод?

— Нет, последовательный, для синхронного нужно, чтобы зал был оборудован специально. Что касается синхронного перевода, то я считаю, что это самый тяжелый вид труда. Это невероятно тяжелый вид труда. Попробуйте просто, даже по-русски, параллельно со мной говорить... Степень напряжения несравнимая с переводом линейным. Это обычная работа.

— А что вы можете сказать по поводу словарей?

— Нужно иметь максимум справочной литературы. Вы подойдите к моему столу: словари на всех языках, с которыми я работала. Словари с языка и на язык, и фразеологические, и толковые, и этимологические — любые. И нельзя думать, что достаточно пользоваться маленькими словарями. Надо любить работать с чужим языком.

— А самая первая ваша книга?

— «Любовник леди Чаттерлей» я прочитала по-английски в оригинале, а потом по-французски — «Терезу Ракен». Удивительное чувство, когда читаешь и понимаешь сам оригинал!

— Что вам дала профессия переводчика?

— Прежде всего то, что я объездила весь мир, была практически во всей Европе: в Польше, Болгарии, Германии, Чехословакии, во Франции, Бельгии, Испании, Голландии, в Италии, в Швейцарии, а также в Уругвае.

— К сожалению, иногда говорят о пренебрежительном отношении к переводчикам, о том, что это «обслуга» и пр. Было ли у вас в жизни хоть раз подобное ощущение?

— Никогда! Всегда было чувство острой востребованности! Я очень нужна! Без меня никак не обойдутся! Ну а кроме того, у меня опубликованы переводы, в основном социологические, с разных языков: с французского, английского, немецкого. С испанского я переводила очень сложную философскую работу, а вот с итальянского — только для журналов. Я очень люблю язык и очень обеспокоена его засорением в последнее время. Меня волнует не столько лексическое, сколько словообразовательное замусорение. Вот например. К нам техника в значительной степени приходит из Америки, а технику сопровождают термины. Термины — это совершенно определенное явление со своими особенностями. Это слово, имеющее только один перевод. Не имеющее никаких синонимов, никаких образований. У нас в языке свои законы словообразования, не свойственные ни английскому, ни его американскому варианту. Нельзя допускать чуждые русскому языку словообразования, например, Левадоцентр. «Спасо-хаус» — это естественно для американского языка, но не для нас. Можно сказать: «Центр Юрия Левады, Левадовский центр». Ну и много другого. С моей точки зрения, это унижает наш язык. На нашем языке можно выразить что угодно.

(Затем Мария Ильинична показывает многочисленные ордена и медали, советские и испанские, среди них орден Боевого Красного Знамени, — награды, которыми удостоен Переводчик.)

— А что бы вы хотели пожелать молодым переводчикам?

— Во-первых, надо научиться мыслить на иностранном языке. На каком языке ты говоришь, на таком и мыслишь. С самого начала требуется понять, что перевод не есть перевод слов — это перевод мыслей. И очень часто так бывает, что самый верный перевод может не содержать ни одного адекватного слова из переводимого языка. Это очень важно, но усваивается не сразу. Об этом очень хорошо написал Чуковский в замечательной своей книге «Живой как жизнь». Эту книгу надо обязательно прочитать всем переводчикам.

И второе, самое главное, надо усвоить, начав изучать иностранный язык, что это огромный, титанический труд, требующий колоссальной усидчивости, внимания, напряжения. И когда вам говорят, что какие-то курсы готовят переводчиков за полгода, не верьте. Только многочасовой многолетний (не менее четырех лет или для самых способных, *minimum minimum* — трех) труд... Надо сказать, что наша школа переводчиков, если не лучшая, то одна из лучших, а старшее поколение переводчиков — принадлежит к самой лучшей переводческой школе в мире.

— Низкий вам поклон, Мария Ильинична, от имени всех переводчиков благодарим вас за беседу и еще раз поздравляем с Днем Победы!

— У меня была мечта — поскольку я человек военный — дожить до парада в честь 60-летия. Эта мечта сбылась — и я смотрела этот парад с таким упоением, с таким наслаждением...

Беседа состоялась 13 мая 2005 года

Памяти Татьяны Сергеевны Ступниковой

М.Я. Цвиллинг

Еще одна тяжелая утрата постигла наше переводческое сообщество. Первого февраля 2005 г. на 82-м году жизни скончалась Татьяна Сергеевна Ступникова, многосторонний и высокоодаренный мастер переводческого искусства, человек незаурядной судьбы, настоящий русский интеллигент, яркая и цельная личность, один из достойнейших представителей уходящего поколения активных участников Великой Отечественной войны.

Избрав в качестве своей основной специальности библиотечное дело, Татьяна Сергеевна в силу жизненных, а точнее — исторических, обстоятельств, в течение всей жизни совмещала свою профессиональную работу (на ведущих библиотечно-ведческих должностях в Библиотеке им. Ленина и ВГБИЛ) с активной переводческой деятельностью. Немецким языком она овладела еще в детстве, в Германии, во время длительной научной командировки ее отца, выдающегося ученого-химика Сергея Даниловича Ступникова. После возвращения на родину она продолжала учиться в известной школе им. Карла Либкнехта, из стен которой, между прочим, вышло немало число переводчиков и преподавателей немецкого языка. Но суровые события 1937–38 годов тяжелым катком прошли по семье Ступниковых: родители арестованы, школа закрыта, на руках несовершеннолетней Тани — маленькая сестренка, во всем полная неустроенность и нужда. Однако в этих почти нечеловеческих условиях Татьяна не пала духом и не озлобилась, она не только держалась сама, но активно помогала жертвам репрессий, рискуя собственной свободой, а, возможно, и жиз-

нью. Многие эпизоды ее тогдашнего бытия звучат прямо-таки фантастически, но «так это было на земле».

В военные годы осужденный по 58-й статье С.Д. Ступников был привлечен к разработке научных проблем государственной важности в пресловутой «шарашке», и в награду за успешное завершение работ был помилован и освобожден. Печать «дочери врага народа» закрывала Тане путь к активному участию в борьбе с напавшими на нашу страну фашистскими полчищами, но теперь это препятствие было хоть частично устранено, и ее зачислили в ряды РККА в качестве курсанта разведшколы при Военном институте иностранных языков. Через несколько недель новоиспеченный лейтенант Ступникова была направлена на фронт, где и началась ее нелегкая в своем повседневном героизме служба в качестве офицера армейской разведроты. Так, самым привычным для нее делом стали разведывательные задания в ближнем тылу противника, где она, ежеминутно рискуя быть разоблаченной, под видом беженки из Прибалтики высматривала и выводила все, что могло представлять интерес для нашего командования. Бывали, конечно, и остро-драматические моменты, так, в последние месяцы войны ей удалось спасти от верной гибели небольшую группу советских воинов, на которую неожиданно вышло пробиравшееся из полуокружения крупное подразделение эсэсовцев. Только благодаря убедительности и искренности ее спонтанного обращения, деморализованные гитлеровцы предпочли не ввязываться в новое кровопролитие. Война для нее закончилась в Праге, где боевые действия

продолжались еще несколько дней после официального подписания акта о капитуляции. Там же, в Чехословакии, ей довелось принять самое непосредственное участие в операции по задержанию генерала Власова.

Как один из наиболее квалифицированных фронтовых переводчиков Т.С. Ступникова была прикомандирована к штабу Главнокомандующего Советскими оккупационными войсками и Главноначальствующего Советской военной администрации в Германии Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Здесь ей приходилось переводить во время ответственных переговоров и совещаний, на которых обсуждались принципиальные вопросы послевоенного устройства в советской зоне оккупации, будущей ГДР.

Когда в конце 1945 г. в Нюрнберге начался процесс по делу главных военных преступников, и для его обслуживания была сформирована группа переводчиков-синхронистов, Татьяна Ступникова вошла в ее состав и с достоинством выполняла эту не только трудную, но совершенно новую и непривычную для того поколения переводчиков работу. Спустя много лет она описала этот период своей жизни и связанные с ним переживания в книге «Ничего кроме правды. Нюрнбергский процесс». Именно нюрнбергские переводчики по праву считаются родоначальниками профессиональной корпорации советских синхронистов, и нынешние представители этой профессии фактически являются их последователями и учениками (или учениками их учеников). Сама Татьяна Сергеевна, при всем многообразии своих творческих и научных интересов, оставалась верной этому благородному делу не один десяток лет, пока позволяло здоровье. Многие из младших коллег не без доброй улыбки вспоминают ее ярко эмоциональную речь, доносящуюся из немецкой кабины, да и некоторые забавные курьезы, неизбежные в напряженной обстановке синхрона. Кстати, нервный стресс, сопровождающий работу синхрониста, Татьяна Сергеевна умудрялась уравновешивать ... вязанием. Пока органы слуха и речи сосредотачивались на

выступлении и его переводе, руки «в автоматическом режиме» набирали петли очередного шарфа или свитера. Свитера эти, впрочем, заслуживают особого упоминания, они были отражением ее души. Так, на одном из них были вышиты колючая проволока и названия фашистских лагерей, на другом — одно из ее любимых изречений «Tiere sind die besseren Menschen» («Животные — лучшие люди»). Нужно ли говорить, что она была страстной собачницей, а несколько лет у нее даже был свой собственный ослик!).

Т.С. Ступникова оставила след не только в синхронном переводе — из-под ее пера вышли переводы нескольких произведений немецкой художественной литературы, немало сил она также отдала переводу кинофильмов. Еще задолго до первых московских международных кинофестивалей она переводила и отбирала (для последующего показа И.В. Сталину) трофейные ленты, собранные в знаменитом киноархиве в Белых Столбах. Есть в ее переводческой биографии и работа с делегациями, посещавшими Советский Союз. Так, известный немецкий гуманист и меценат Курт Кёрбер в книге о своем путешествии с глубоким уважением и благодарностью отзывается о сопровождавшей его по стране переводчице Татьяне.

Заметный след Татьяна Сергеевна оставила и в библиотковедении — она является автором нескольких монографий и многих журнальных публикаций по этой проблематике, внесла большой личный вклад в развитие сотрудничества между библиотеками нашей страны и Германии.

До последних дней жизни, обреченная недугом на заключение в четырех стенах своей небольшой, забитой книгами квартиры, Татьяна Сергеевна продолжала живо интересоваться всем происходящим, сопереживать жертвам террористических актов и стихийных бедствий, помогать друзьям хотя бы добрыми советами. Она до конца своих дней верила в добро и в торжество человечности и справедливости, в чем ее укрепляла искренняя христианская вера.

Вечная ей память!

Ничего кроме правды

(Отрывки из книги¹)

Т.С. Ступникова

Переводчики

Домой, домой! Мне так сильно хотелось домой летом 1946 года. Душевное перенапряжение постепенно перешло в глубокую физическую усталость. К тому же объем работы немецкого переводчика-синхрониста на процессе был непомерно велик. Точно определить его было трудно. Да в этом и нет никакой необходимости. Достаточно сказать, что мы переводили на наш родной русский язык немцев-подсудимых, немцев-адвокатов и свидетелей, большинство которых тоже составляли немцы.

Добавьте к этому и перевод немецких документов. Этих документов было великое множество. Наши добросовестные коллеги — письменные переводчики — не всегда справлялись с работой, тем более всегда срочной. Обычно вновь поступивший документ надо было перевести к утру следующего дня. Потому-то после работы у микрофона в зале суда мы нередко переключались на письменный перевод. Мы диктовали перевод нашим машинисткам, которые в Нюрнберге всегда были в боевой готовности и ждали нас, заготовив

бумагу с копиркой и положив пальцы на клавиши своих пишущих машинок. Работа в таких условиях начиналась мгновенно, и переводчику необходимо было выдерживать задаваемый машинисткой темп, не теряя при этом качества перевода.

Нашим английским синхронистам тоже приходилось нелегко, но всё же объем работы у них был меньше, чем у «немцев». Они переводили американских и английских обвинителей и судей, в том числе и председателя суда Лоренса, который требовал к себе особого внимания, ибо часто вклинивался в любую речь или в любой диалог своими спокойно произносимыми, но весьма категоричными замечаниями и репликами. Те, к кому они были обращены, предпочитали не возражать мистеру Пинкину. В случае необходимости английские синхронисты тоже переводили документальные материалы.

Что же касается наших французских коллег, то им повезло. Французский язык звучал в зале суда значительно реже, чем немецкий или английский, и они, хотя и сидели вместе с нами в «аквариуме», чаще всего молчали, ожидая, когда в наушники поступит французская речь.

Вот как раз этому-то, как показала вся наша последующая жизнь, не надо было завидовать. Для начинающего синхронис-

¹ Ступникова Т.С. Ничего кроме правды. Нюрнбергский процесс. Воспоминания переводчика. 2-е изд. — М.: Возвращение, 2003.

та нет ничего полезнее, чем постоянная длительная практика в переводческой кабине с наушниками на голове и микрофоном в руках. Для синхрониста с немецким или английским языком лучшей практики, чем Нюрнбергский процесс, как по объему работы, так и по содержанию не придумаешь.

Признаюсь: иногда нам приходилось очень трудно. Ведь нас, советских переводчиков с немецким, английским и французским языками, письменных, устных и синхронных, было всего 40 человек, в то время как у американцев работало в общей сложности 640 переводчиков. Я привожу приблизительные цифры, к тому же эти цифры всё время менялись, но для сопоставления они годятся.

Скажу одно: вся наша переводческая братия работала не щадя живота своего. Мы, советские, не были приучены жаловаться. Однако это не означает, что Москва не имела никакого представления о наших переводческих затруднениях. Время от времени в наши ряды поступало пополнение. Правда, после нашего приезда это были, как правило, только письменные переводчики.

Вспоминается такой эпизод. Однажды из Москвы прислали очень милую даму средних лет, преподавателя немецкого языка на юридическом факультете МГУ. Первый шок она пережила на улицах Нюрнберга, услышав везде и всюду баварский диалект, который без привычки понять невозможно. Мы сумели ее как-то успокоить, уверяя, что немцы, приезжающие в Нюрнберг из Берлина и других городов, тоже испытывают значительные затруднения с местным говором.

Но уберечь преподавательницу МГУ от второго удара мы при всем желании не смогли. Он был нанесен адвокатом Геринга доктором Штамером. Сидя в зале суда по гостевому билету, наша соотечественница и коллега вдруг услышала ответ

адвоката на вопрос председателя о том, сколько времени ему потребуется на представление документов и заключительную речь по делу его подзащитного. Последовал четкий ответ: «Доктор Стамер — зибен стунден» (Доктор Ста-мер — семь часов).

Явные фонетические ошибки доктора Штамера привели нашу преподавательницу в полное смятение. И напрасно мы твердили ей, что адвокат действительно нарушил незыблемое правило фонетики немецкого языка, по которому сочетание букв *st* следует произносить как *шт* (Штамер, штунден), что адвокат заговорил на своем родном северном диалекте, потому что волновался, так как не был уверен в том, что суд даст ему испрашиваемое время. Слушая эти объяснения, наша соотечественница всё время повторяла: «За такую ошибку я ставлю студентам двойки».

* * *

Как я была Заукелем²

Допрос Заукеля заместителем главного обвинителя от США Томасом Доддом пришелся на мою смену. Я сидела в нашем «акварнуме» вместе со своими двумя коллегами, один из которых переводил с английского на русский Додда, я переводила с немецкого на русский Заукеля. Третий переводчик с французского молчал, так как ему переводить было нечего.

Я сидела рядом с английским переводчиком, и мы, как всегда, пользовались одним маленьким переносным микрофоном, по мере надобности передавая его друг другу.

Надо иметь в виду, что допрос Заукеля происходил в конце мая 1946 года. К этому времени ежедневный синхронный перевод в зале суда дал переводчикам возможность накопить определенный опыт и

² Фриц Заукель — генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, поставщик рабочих для военной промышленности и сельского хозяйства нацистской Германии.

привыкнуть к условиям работы. Поэтому в тот майский день, который мне было суждено запомнить на всю жизнь, всё, что касается перевода, шло своим чередом. Переводчики в данном случае не испытывали никаких трудностей, если не считать обычного напряжения, к которому привыкнуть нельзя.

Казалось, ничто не предвещало каких-либо неожиданностей, хотя мы и должны были их ожидать, как и любой переводчик, в особенности синхронный, который должен уметь преодолевать затруднения незаметно для окружающих.

Но именно на допросе Заукеля обвинителем Доддом случилось нечто невероятное и необъяснимое. Подсудимый разволновался и стал кричать, что он ни в чем не виноват и что его обманул Гитлер, что он всегда был идеалистом, защищающим справедливость.

А Додд представлял суду и Заукелю все новые и новые доказательства виновности подсудимого, и упрямство последнего разбудило в обвинителе праведный гнев. Возмущенный упорным отрицанием Заукеля перед лицом неопровержимых доказательств его бесчеловечности и жестокости по отношению к иностранному рабочим, американский обвинитель жестко и беспощадно бросил в лицо Заукелю: «Вас надо повесить!»

Заукель в ответ закричал, что его не надо вешать, что он сам честный рабочий и моряк.

Такой эмоциональный диалог невольно захватил нас с коллегой. Всё это мы исправно и быстро переводили, и перевод бесперебойно поступал в наушники сидевших в зале русскоязычных слушателей.

И вдруг с нами произошло что-то непонятное. Когда мы очнулись, то, к своему великому ужасу, увидели, что мы вскочили с наших стульев и, стоя в нашем переводческом аквариуме, ведем с коллегой громкий резкий диалог, под стать диалогу обви-

нителя и подсудимого. Но мало этого: я почувствовала боль в руке. Это мой напарник крепко сдавил мою руку выше локтя и, обращая ко мне столь же громко, как и взволнованный обвинитель, только по-русски, повторял: «Вас надо повесить!» А я вся в слезах от боли в руке вместе с Заукелем кричала ему в ответ: «Меня не надо вешать! Я — рабочий, я — моряк!»

Все присутствующие в зале обратили к нам свои взоры и следили за происходящим.

Не знаю, чем бы это кончилось, если бы не председатель суда Лоренс, добрым взглядом мистера Пиквика смотревший на нас поверх своих съехавших на кончик носа очков. Не долго думая, он спокойно сказал: «Что-то там случилось с русскими переводчиками. Я закрываю заседание».

Всё обошлось как будто бы без последствий, если не считать синяка на моей руке. Однако вскоре мне по секрету сообщили, что кто-то из дремлющих проинформировал представителей компетентных органов, что я проявила сочувствие к подсудимому Заукелю и даже оплакивала его судьбу. Сведения были верными, однако никаких оргвыводов из этого доноса не последовало. А я старательно демонстрировала свои синяки — истинную причину моих горьких слез.

Чтобы совсем покончить с этим случаем и отдать долг справедливости ушедшему от нас автору доноса, скажу, что за несколько дней до своей смерти, последовавшей через много лет в Москве от тяжелого заболевания, этот человек позвонил мне. Умиравший попросил у меня прощения за свою «ошибку». Бог его простит, раз у него хватило решимости покаяться.

Ушёл из жизни Вилен Наумович Комиссаров – последний из классиков науки о переводе XX века. Он не только был одним из тех учёных, кто в 60–70-е годы прошлого столетия создал в нашей стране новую дисциплину – лингвистическую теорию перевода, – он постепенно стал признанным главой отечественной школы переводоведов. Им написано более сотни трудов, а его монографии от первой («Слово о переводе», 1974 г.) до последней («Современное переводоведение», 2002 г.) вошли в золотой фонд русской и мировой лингвистики. Без ссылок на работы Комиссарова не обошлось до сих пор и наверняка не сможет обойтись в будущем ни один уважающий себя исследователь проблем перевода.

В этой краткой заметке, посвящённой памяти В.Н. Комиссарова, я не буду перечислять основные вехи его жизненного и творческого пути. О них он рассказал сам в интереснейшем интервью, которое дал журналу «Мосты» накануне своего 80-летия, отмечавшегося в прошлом году.¹ Скажу здесь о том, о чём в той публикации, естественно, не могло быть сказано, но что было известно его знакомым и коллегам по университету: в течение последних лет Вилен Наумович мужественно боролся с неизлечимой болезнью, которая медленно, но верно отнимала у него физические силы, но оказалась бессильной хоть на йоту ослабить его блестящий, ироничный ум, глубочайшую эрудицию, цепкую память.

Все понимали, какого неимоверного напряжения требуют от Вилена Наумовича чтение лекций, руководство кафедрой и аспирантами, написание книг и статей, рецензирование чужих трудов, выступления на учёных советах и конференциях. Даже поездки на работу и с работы домой были для него испытанием, и в последнее время он уже не мог совершать их без сопровождения. Когда его спрашивали: «Как ваше здоровье, Вилен Наумович?», он с горькой иронией отвечал: «Здоровье? Было когда-то».

Однажды я прямо задал ему вопрос, которым задавались многие: «Вилен Наумович, а стоит ли подвергать себя такому напряжению сил? Почему вы не снимете с себя часть нагрузки?». И услышал в ответ: «А ты знаешь, когда я работаю – читаю лекции, например, – у меня даже как-то получается забывать о болезни».

Но болезнь всё-таки нанесла ему свой удар – весной этого года В.Н. Комиссаров получил тяжёлую травму, после которой оказался прикован к постели. И всё равно его острый, творческий ум учёного требовал для себя пищи, деятельности. В период, когда он почувствовал себя чуть-чуть лучше, Вилен Наумович позвонил мне и попросил привезти ему новую книгу по переводу и экземпляр последних «Мостов» (это был пятый номер журнала, незадолго до этого вышедший из печати). Я приехал к нему, сел у его постели. Его физическое состояние произвело на меня тяжёлое впечатление. Болезнь и травма ещё больше иссушили его, речь стала трудной.

Первым делом Вилен Наумович извинился, что не сможет присутствовать на важном для меня обсуждении. Конечно, я заверил его, что ему не нужно об этом беспокоиться, а про себя в который раз отметил столь редкую в наши дни интеллигентность этого человека, переживающего, что он может доставить кому-то неудобство, по таким поводам, на которые в своем положении он мог бы вообще не обращать внимания. И думаю, здесь уместно будет сказать, что, хотя Вилен Наумович обладал внешне сдержанной манерой поведения и даже кому-то мог показаться холодноватым, это был внутренне очень мягкий, а главное, высоко порядочный человек. Он редко обременял других просьбами, но сам не отказывал в помощи, если мог её оказать.

Я передал книжки. Мы поговорили о них, затем Вилен Наумович попросил меня подойти к его письменному столу и найти там несколько скреплённых листков с отпечатанным текстом. «Эту статью я хочу отдать в «Мосты», – сообщил он. – Неплохой журнал». Те, кто знал Вилена Наумовича, согласятся со мной, что он был крайне сдержан на похвалы, и в его устах это была высокая оценка. А из нашего дальнейшего разговора стало ясно, как он полон творческих замыслов, как по-прежнему сильно ему хочется работать, невзирая ни на болезнь, ни на возраст.

Мы с энтузиазмом стали готовить к публикации работу В.Н. Комиссарова, радуясь, что в этом номере, посвящённом 60-летию Великой Победы, появится ещё одна статья не только крупнейшего лингвиста, но и ветерана Великой Отечественной войны. Увы, автору не довелось увидеть свою статью напечатанной в журнале, для которого он специально её написал. В июне 2005 года его не стало.

Публикуемая ниже статья – последняя работа Вилена Наумовича Комиссарова. Она стала его прощальным посланием коллегам, ученикам и всем читателям журнала. И это послание ценно не только тем, что содержит интересные научные идеи, но и тем, что оно порождено потрясающей силой воли, духа и интеллекта. Когда есть такие образцы, жить легче.

Д.И. Ермолович

¹ В.Н. Комиссаров. Перевод – важная часть моей жизни. – «Мосты», №3, 2004.

«Ложные друзья» переводчика в структуре английского высказывания

(К постановке проблемы)

В.Н. Комиссаров

В современном переводоведении явление, получившее название «ложные друзья переводчика», неоднократно было предметом исследования и прочно вошло в курсы теории и практики перевода при подготовке будущих переводчиков. Изучение «псевдонтернациональных» слов помогает переводчику избежать многих ошибок, вызванных сходством формы слов при различии в их содержании. Однако остается несистематизированным и недостаточно изученным другой вид «ложных друзей», где причиной ошибки служит не слово, а целое высказывание, неправильно понятое переводчиком. Смысловая структура высказывания кажется ему вполне очевидной, но на самом деле оно имеет совсем иное содержание, противоречащее его когнитивным стереотипам. Обнаруживается, что английское высказывание как будто специально направляет переводчика в ложном направлении.

Вот простая английская поговорка: *It is a long lane that has no turning*. На русский язык она, казалось бы, легко переводится дословно: «Это длинная дорога, которая нигде не сворачивает». Но этот простой перевод оказывается «ложным другом». Англичанин таким странным для русского переводчика способом выражает совсем другую мысль: «Дорога, которая

нигде не сворачивает, была бы такой длинной, что на самом деле она и существовать не может». Попросту говоря, всякая дорога когда-нибудь да свернёт. И говорится это в утешение: примерно тот же смысл имеют русские поговорки «Будет и на нашей улице праздник» и «Перемелется — мука будет».

Аналогичным образом направляет переводчика по ложному пути и другая английская поговорка: *It is a good horse that never stumbles*. На первый взгляд, перевод элементарен: «Это — хороший конь, который никогда не споткнется». На самом деле смысл здесь таков: конь, который никогда не спотыкается, должен быть таким хорошим, что подобных коней вообще не бывает. Иначе говоря, любой конь когда-нибудь да споткнется. Говорится это в оправдание ошибки, а по-русски в таких случаях говорят: «Конь о четырёх ногах — и то спотыкается».

Своеобразно семантизируются и английские высказывания типа *If you want to go there you cannot be too careful*. Здесь в главном предложении опять весьма сложным для русского языкового мышления способом выражается мысль, что при указанном условии, как бы вы ни были осторожны, это никогда не будет «слишком». То есть вам советуют быть как можно

осторожнее. А «ложный друг» подсказывает более простое толкование: «Вы не можете (или даже не должны) слишком осторожничать». В основе английского высказывания лежит особое ударение на понятии «слишком». В той же роли может выступать и понятие «достаточно», с помощью которого создаётся вариант подобного «ложного друга». Например, английской хозяйке дома надоели засидевшиеся гости, и для неё They cannot go fast enough. То есть, как бы скоро они ни ушли, это не будет для неё достаточно быстро. Дело не в том, что гости не могут быстро двигаться, а просто за этим «ложным другом» скрывается пожелание: «Скорей бы они ушли».

Не столь часто направляет по ложному пути мысль переводчика фраза типа I do not think much of him, которая «на поверхности», казалось бы, сообщает, что вы о ком-то не много (не часто!) думаете, а фактически означает: «Я о нем невысокого мнения».

Разумеется, опытный переводчик знает, что public house — это не «публичный дом», а всего-навсего чисто британская разновидность пивной, а public school — вовсе не публичная, т.е. общедоступная, школа (ср. *публичная библиотека*), а, напротив, привилегированная частная школа в Британии. Однако и его может озадачить английское высказывание типа: I am satisfied that I alone am guilty of the disaster, поскольку выражение to be satisfied он во многих случаях переводил «быть удовлетворённым, довольным» и не встречал его в значении «быть убеждённым, уверенным».

Нередко подводят переводчика и высказывания с хорошо знакомыми ему союзами и предлогами. Дело не только в том, что они, как правило, многозначны и могут обозначать разные отношения между знаменательными словами (например, *as* может быть союзом времени, причины, сравнения). С их помощью в английском языке создаётся целый ряд высказываний,

которые как будто существуют для того, чтобы играть роль «ложных друзей».

Вот фраза: He was as liberal with his money as any other officer in the British army. Казалось бы, это должно означать, что все английские офицеры отличаются такой же щедростью (или расточительностью), как тот, о котором идет речь. На самом деле имеется в виду, что он не уступал в щедрости никому из них, хотя, может быть, и не был более щедрым.

В крайнем случае, можно назвать его по-русски «одним из самых», но структура as ... апу как будто предназначена для того, чтобы переводчик решил, что речь идет о всеобщем равенстве какого-то признака.

Роль «ложного друга» неплохо выполняет и сходная английская структура as they go или as she goes, например: This is a small room as classrooms go. Логично было бы предположить, что в высказывании речь идёт об общем признаке, т.е. что вообще классы обычно размещаются в таких небольших комнатах, как эта. На самом же деле высказывание имеет почти противоположный смысл: «Эта комната мала для классной, обычно классные комнаты бывают больше».

Мы знаем, что good — это «хорошо», но as good as вовсе не означает сравнение двух положительных признаков, а может просто выражать равенство или подобие любых признаков — положительных или отрицательных (ср. He was as good as dead). В некоторых случаях as good as фактически означает as bad as — например, в поговорке a miss is as good as a mile, где утверждается, что слегка промахнуться — это ничуть не лучше, чем промахнуться на целую милю (ср. *чуть-чуть не считается*). Любопытно, что само по себе as bad as не употребляется для обозначения простого равенства, и во всех случаях bad — это «плохо». Можно подумать, что союз as стремится если не быть в составе высказывания, которое играет роль «ложного друга», то всегда быть готовым «помочь» переводчику любым способом, например,

простым изменением порядка слов. Ср. As it was dark I could not see her face — *Так как было темно, я не видел ее лица* и Dark as it was I could see her pale face — *Хотя было темно, я мог различить её бледное лицо.*

Как видно из приведённых примеров, английское высказывание может направить мысль переводчика по ложному пути либо всем своим содержанием в целом, либо вследствие наличия в нем каких-то слов или словосочетаний, которые переводчик привык понимать совсем иначе. Подобными «недругами» могут быть как знаменательные, так и служебные слова. Как мы уже видели, такую роль может играть союз as. Не менее «вредным» может оказаться и союз if, который прежде всего связан с русским если, т.е. со значением условия. А между тем с его помощью создаётся добрый десяток типов английских высказываний, не имеющих отношения к условию или переводимых без участия «если». Вот группа эмфатических высказываний: She is sixty if a day! — *Да ей же все шестьдесят!*; It is a wonderful day if there ever was one — *День сегодня действительно великоленный.* Или группа эмоциональных восклицаний: If it isn't too wonderful for words! — *Как это замечательно!* Просто нет слов!; If it isn't Mr. Smith! — *Да ведь это сам г-н Смит!* А ведь ещё этот английский союз может иметь уступительное (It is an interesting custom, if obsolete — *Это интересный обычай, хоть и устаревший*), усилительное (He will not be here till tomorrow, if then — *Он будет не раньше завтрашнего дня*) и несколько других значений в составе высказывания, что, естественно, и переводится отнюдь не придаточными условия.

Во многих случаях трудности переводчика, связанные с попытками использовать в переводе наиболее привычное соответствие, не подходят под самое широкое определение «ложных друзей». Вообще, возможно, следует различать влияние формы слова или высказывания на ошибочное понимание и перевод, с одной

стороны, и ограниченную связь между единицами двух языков, как бы создающую у переводчика его собственный круг «недрузгов», свидетельствующих о недостаточной профессиональной компетенции, — с другой стороны.

По-видимому, в любой паре языков можно обнаружить высказывания, в той или иной степени создающие переводческие трудности в связи с полным или частичным сходством — формальным или смысловым — с другими высказываниями, имеющими совершенно иное значение. Поиск и описание таких высказываний будут небезынтересны для теории и практики перевода.

Вячеслав Иванов
(1866—1949)

ПЕРЕВОДЧИКУ

Будь жаворонок нив и пажитей — Вергилий,
Иль альбатрос Бодлэр, иль соловей Верлэн
Твоей ловитвою, — все в чужеземный плен
Не заманить тебе птиц вольных без усилий,

Мой милый птицелов, — и, верно, без насилий
Не обойдешься ты, поэт, и без измен,
Хотя б ты другом был всех девяти Камен,
И зла ботаником, и пастырем идиллий.

Затем, что стих чужой — что скользкий бог
Протей:
Не улучшить его охватом ни отвагой.
Ты держишь рыбий хвост, а он текучей влагой

Струится и бежит из немощных сетей.
С Протеем будь Протей,
вотрь каждой маске — маской!
Милей досужий люд своей забавить сказкой.

Несколько фраз из повести Достоевского

(Продолжение)

Л. Виссон

**“Я человек больной... Я злой человек.
Непривлекательный я человек.”¹**

As we have seen, these three seemingly simple sentences, the opening lines to Dostoevsky's “Записки из подполья”, have caused major problems for translators working from Russian into English, French and German.² The issues here are stylistic, syntactic and structural as well as lexical and semantic, and all of these elements are extremely significant for both the translator and the literary scholar seeking to grasp the sense of Dostoevsky's tale.

The narrator bursts into the reader's consciousness, spitting his staccato phrases onto the page. As he warms to his subject (himself!) he begins to speak in longer sentences. In rendering the first three sentences nearly all the translators have opted for a fairly neutral, colloquial style. Two of the English translators (MacAndrew, Kentish) opt for the colloquial form “I'm” rather than “I am,” and MacAndrew uses the contraction “There's” (“There's nothing attractive about me”).³ Two of the four German translations drop the pronoun “I” in the last two of the

three sentences: “bin ein schlechter/boshafter Mensch... bin ein abstossender Mensch.”⁴ The brevity of the declarative sentences does not leave the translators much room for stylistic maneuvering.

The word order of all three sentences is different, however, and the translators must decide how to render these distinctions within the syntactic boundaries of English, French and German. All three Russian sentences consist of three words, the first person singular pronoun (“я”), a noun (“человек”), and an adjective (“больной”, “злой”, “непривлекательный”). In the first two sentences “я” is in first place, and in the third phrase it is in second place. The adjective moves from third place in the first sentence (Я человек больной), to second place in the second sentence (я злой человек), to first place in the third sentence (Непривлекательный я человек). Moving up the adjective serves to underscore its importance and highlight the three negative epithets through which Dostoevsky's narrator introduces himself to the reader.

The rules of English syntax do not provide the English-language translators with broad options for reversing the word order here. “An unattractive man am I” would sound affectedly literary, almost like a line

¹ Ф.М. Достоевский. Записки из подполья. Полное собрание сочинений в 30 т. Ленинград: Наука, 1973. Т. V. С. 99.

² Л. Виссон, Несколько фраз из повести Достоевского. Мосты 1(5) 2005. С. 41–46.

³ Andrew MacAndrew. Notes from Underground. New York: New American Library, 1961; Jane Kentish. Notes from Underground and The Gambler. Oxford: Oxford University Press, 1991.

⁴ Bernd Liepold-Mosser, cited in <http://www.tlentscout.com/article-crzaehl.html>; Jutta Miller and Horst Dinter, cited in <http://members.aol.com/hutchi/buchangaenge.htm>.

Анализ практики

parodies both in Russian and in English. Soon after the tale's publication, in a pamphlet entitled "Стрижи", Mikhail Saltykov-Schedrin wrote of a tale in which

Записки ведутся от имени больного и злого стрижа. Сначала он говорит о разных пустяках: о том, что он больной и злой, о том, что все на свете коловратно, что у него поясницу ломит, что никто не может определить, будет ли предстоящее лето изобильно грибами...⁷

By turning the narrator into a bird Saltykov-Schedrin belittles and mocks the suffering psyche of Dostoevsky's human character. In the twentieth century, the American humorist Woody Allen parodied the initial utterances of Dostoevsky's narrator in a well-known essay, "Notes from the Overfed (After reading Dostoevski and the new 'Weight Watchers' magazine on the same plane trip)." In this merger of Dostoevskian self-loathing with the psychobabble of an obese individual, Allen makes fun of both the American craze for Freudian-style self-analysis in vogue in the 1960s, and the national obsession with dieting:

I am fat. I am disgustingly fat. I am the fattest human I know. I have nothing but excess poundage all over my body. My fingers are fat. My wrists are fat. My eyes are fat. (Can you imagine fat eyes?) I am hundreds of pounds overweight.⁸

Allen's parody of Dostoevsky later came out in Russian translation in a collection of the humorist's essays published in St. Petersburg:

Я жирный. Я отвратительно жирный. Жирнее не придумаешь. Все мое тело – избыток жира. Жирные пальцы. Запястья. Даже глаза! (Можете себе представить себе жирные глаза?) Во мне сотни избыточных фунтов жира.⁹

While the Russian translation chooses to ignore several elements of Dostoevsky's style that would easily lend themselves to parody,

⁷ Ф.М. Достоевский. Записки из подполья. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. V. С. 382.

⁸ Woody Allen. Notes from the Overfed, Getting Even. New York: Random House, 1968.

⁹ Вуди Аллен. Записки обжоры: после чтения в самолете Достоевского и свежего номера журнала «Диета». Перевод А. Захаревича. Записки городского невротика. Санкт Петербург: Симпозиум, 2002. С. 65.

such as the use of the pronoun "я" in all three sentences, translating Allen's specifically "New York neurotic" English is such a daunting job that the translator can hardly be blamed for taking liberties with the Russian text. And Allen's parody serves to illustrate how, more than a century after it was written, the opening lines of "Записки из подполья" still resonate with modern readers, prompting contemporary writers to imitate the narrator's growl as his persona intrudes on the reader's consciousness.

Патрик Лихи

ФБР завалено непереуведенными пленками с разговорами террористов

«Гардиан» 29 сентября 2004 г.

В Бюро расследований скопились необработанные записи переговоров длительностью свыше 120 тысяч часов.

Согласно официальному докладу главного инспектора министерства юстиции США Гленна Файна, с момента терактов 11 сентября в ФБР скопились записи перехваченных разговоров лиц, подозреваемых в терроризме, длительностью свыше 120 тысяч часов. Эти записи так и не были переведены из-за нехватки в ФБР переводчиков. В докладе также сообщается, что записи многих важных сеансов перехвата были автоматически стёрты из памяти устаревших компьютеров ФБР в целях экономии места на жестких дисках.

В восемнадцатистраничном резюме доклада утверждается, что ФБР, критикуемое за неспособность выследить заговорщиков из «Аль-Каиды» до совершения ими терактов в Нью-Йорке, так и не освоилось со своей новой ролью антитеррористической организации. Доклад внес некоторый диссонанс в предвыборную кампанию Джорджа Буша, построенную на обещании обеспечить безопасность американцев.

«Что толку записывать тысячи часов разговоров, если мы всё равно не можем их быстро, надежно, точно и результативно перевести?» – спрашивает в газете «Нью-Йорк Таймс» Патрик Лихи, сенатор от демократической партии.

Текст и его окрестности

Словесный текст часто сравнивают с живым организмом. Тогда перевод — это переселение организма в иную среду обитания.

Но привезённое издалека растение приживётся на новом месте, только если условия там — климат, состав почвы — будут примерно такие же, что и у него на родине. Если же условия сильно отличаются, за дело берутся селекционеры.

Многие материалы нашего журнала — это именно рассказ об «акклиматизации» иноязычных текстов. Но прежде чем браться за эту работу, бывает полезно сравнить «условия произрастания» оригинала и перевода — историческую ситуацию, культурные ландшафты, особенности аудитории.

Чтобы показать, как важен учёт этих обстоятельств, мы выбрали в качестве примера текст, который известен всем американцам — «Геттисбургское обращение» президента США Авраама Линкольна — и решили проследить за всеми этапами его перенесения на русскую языковую почву. Начав с анализа условий, в которых впервые прозвучала великая речь, мы покажем, как на основании этого анализа выработывалась стратегия одного из её переводов, и посмотрим, каким оказался полученный перевод в восприятии читателей.

Lincoln's Gettysburg Address, given November 19, 1863¹ on the battlefield near Gettysburg, Pennsylvania, USA

Four score and seven years ago our fathers brought forth on this continent, a new nation, conceived in Liberty, and dedicated to the proposition that all men are created equal.

Now we are engaged in a great civil war, testing whether that nation, or any nation so conceived and so dedicated, can long endure.

We are met on a great battle-field of that war. We have come to dedicate a portion of that field, as a final resting place for those who here gave their lives that that nation might live. It is altogether fitting and proper that we should do this.

But in a larger sense we cannot dedicate — we cannot consecrate — we cannot hallow — this ground. The brave men, living and dead, who struggled here, have consecrated it, far above our poor power to add or detract. The world will little note, nor long remember what we say here, but it can never forget what they did here. It is for us the living, rather, to be dedicated here to the unfinished work which they who fought here have thus far so nobly advanced. It is rather for us to be here dedicated to the great task remaining before us — that from these honored dead we take increased devotion to that cause for which they gave the last full measure of devotion — that we here highly resolve that these dead shall not have died in vain — that this nation, under God, shall have a new birth of freedom — and that government of the people, by the people, and for the people, shall not perish from the earth.

¹ There are five extant drafts of the Address in Lincoln's hand, each differing slightly from the others. This text, dated 1864 and called "the Bliss text" by scholars, was the last fair copy Lincoln made. Note that "four score" here is spelled as separate words; in the King James Bible "threescore" is spelled as one word; in other sources it is printed as "three-score." All versions are acceptable.

Речь Линкольна на церемонии освящения Национального кладбища жертв Гражданской войны в Геттисберге, 19 ноября 1863 года.

Пер. Вл. Набокова:

Восемьдесят лет тому назад наши праотцы породили на этом материке новую нацию, зачатую под знаком Свободы и посвященную принципу, что все люди созданы равными.

Ныне мы ведем великую гражданскую войну, подвергающую испытанию вопрос, может ли эта нация или любая другая нация, так зачатая и тому посвященная, долго просуществовать. Мы сошлись на поле одной из великих битв этой войны. Мы пришли освятить часть этого поля, как место последнего упокоения тех, кто отдал жизнь свою, чтобы эта нация могла жить. Такое действие нам вполне подобает и приличествует.

Но, в более обширном смысле, мы не можем посвящать, мы не можем освящать, мы не можем возводить в святыню это место. Мужественные люди, — живые и мертвые, — здесь боровшиеся, уже освятили его, далеко превысив при этом все, что мы с нашими слабыми силами могли бы прибавить или отнять. Мир мало заметит и не запомнит надолго то, что мы здесь говорим, но он никогда не сможет забыть то, что они здесь свершили. Это нам, живым, скорее следует здесь посвятить себя незаконченному делу, которое сражовшиеся здесь двигали доселе столь доблестно. Это скорее нам следует посвятить себя великому труду, который еще остается пред нами: дабы набраться от этих чтимых нами успешных вящей преданности тому делу, которому они принесли последнюю полную меру преданности: дабы нам здесь торжественно постановить, что смерть этих умерших не останется тщетной; что эта нация, с помощью Божьей, обретет новое рождение свободы; и что правление народное, народом и для народа не сгинет с земли.

Пер. А. Дранова:

Восемьдесят семь лет тому назад наши отцы положили начало новому государству на этом континенте – от них пошло на этой земле новое племя людей, зачатых в лоне Свободы и глубоко верящих в то, что все люди равны от рождения.

Сейчас, в дни великой Гражданской войны, испытывается жизненная стойкость нашего народа, как всякого другого народа, возвращенного в том же духе и преданного тем же идеалам. Мы собрались на поле, где происходило одно из крупнейших сражений этой войны. Мы пришли сюда, чтобы торжественно освятить часть поля, ставшую местом последнего упокоения тех, кто отдал свою жизнь ради жизни нашего народа. Вне всякого сомнения, этим мы выполняем наш долг.

Но мы не в состоянии, если посмотреть на вещи более широко, ни освятить, ни прославить эту землю, ни сделать ее достойной поклонения. Осветили ее те отважные люди – живые и мертвые, – которые сражались здесь, и не в наших слабых силах превознести или умалить величие содеянного ими. Вряд ли мир придаст особое значение словам, сказанным нами сегодня. Довольно скоро они будут забыты, но дела этих людей навсегда останутся в памяти людской. Не они, а мы, живые, нуждаемся в посвящении – нам следует всецело посвятить себя выполнению величественной задачи, стоящей перед нами, воздавая дань памяти и уважения павшим, вдохновленные их примером, мы должны исполниться высокой преданности тому делу, которому они оставались верны до конца и пожертвовали всем, чем могли; все мы, собравшиеся здесь, должны проникнуться твердой убежденностью в том, что эти люди погибли здесь не напрасно; что наш народ по воле Бога еще узрит новое рождение свободы; что правительство из народа, волей народа и ради народа никогда не погибнет.

Пер. П. Палажченко:

Минуло восемьдесят семь лет, как отцы наши основали на этом континенте новую нацию, своим рождением обязанную свободе и посвятившую себя доказательству того, что все люди сотворены равными.

Сейчас мы проходим великое испытание гражданской войной, которая решает, способна ли устоять эта нация или любая нация, подобная ей по рождению и по призванию. Мы сошлись на поле, где гремела великая битва этой войны. Мы пришли, чтобы освятить часть этой земли – последнее пристанище тех, кто отдал свою жизнь ради жизни этой нации. И это, само по себе, вполне уместно и достойно.

Но всё же не в нашей власти освятить это поле, сделать священной, одухотворить эту землю. Деяниями храбрецов, павших и живых, которые сражались здесь, земля эта уже освящена, и не в наших скромных силах что-либо тут прибавить или убавить. То, что мы говорим здесь, будет лишь вскользь замечено и вскоре забыто, но то, что они здесь сделали, не будет забыто никогда. Давайте же мы, живые, посвятим себя здесь этому неоконченному делу, которое вершили здесь эти воины. Давайте посвятим себя здесь великой работе, которая нам предстоит, и преисполнимся еще большей решимости отдать себя той цели, которой павшие здесь отдали себя всецело и до конца, – давайте торжественно поклоняемся, что смерть их не окажется напрасной, что эта Богом хранимая нация обретет возрожденную свободу и что власть народа, волей народа и для народа не исчезнет с лица земли.

Пер. В. Ланчикова:

Вот уже восемьдесят семь лет, как отцы наши на этом континенте дали жизнь новой нации – нации, зачатой в свободе и преданной тому убеждению, что все люди сотворены равными.

Сегодня мы ведем великую гражданскую войну, которая покажет, способна ли эта нация, а равно и всякая другая нация, так же зачатая и тому же убеждению преданная, выстоять в испытаниях. Мы собрались на поле, где гремела одна из величайших битв этой войны. Мы пришли, чтобы с почестями отвести часть этого поля для последнего упокоения тех, кто отдал здесь свои жизни ради жизни нашего народа. Так велит нам долг, так нам подобает.

Но мы бессильны воздать достойные почести – бессильны освятить эту землю – бессильны сделать ее поистине святыней. Её уже освятили сражавшиеся на ней герои, живые и павшие – так освятили, что не в наших слабых силах усугубить или умалить это освящение. Мир едва ли услышит произнесенные здесь слова и скоро забудет их, но свершенных здесь подвигов ему не забыть. Это мы, живые, должны принять здесь посвящение – посвятить себя завершению труда, ради которого выказали такую доблесть сражавшиеся. Это нам должно посвятить себя исполнению великой задачи: укрепить свою преданность делу преданности тех, кто с честью пал здесь в беззаветном служении этому делу – исполнить решимость сделать так, чтобы жертва их не стала напрасной, чтобы наша страна, с Божьей помощью, снова узрела рождение свободы, чтобы власть народа, именем народа, во имя народа вовек не исчезла с лица земли.

Lincoln's Gettysburg Address: The Song of Abraham

M. Берду

Like many Americans, I read Abraham Lincoln's Gettysburg Address in grade school, memorized the first sentence, and then didn't think about it again for several decades — until several months ago, when V.K. Lanchikov gave me four translations into Russian to look at “just for fun.” I read them one after the other, then read each one slowly aloud. All were faithful to the English, each had felicitous and apt passages. I read the original aloud, and then each translation again. I was puzzled. Despite the translators' conscientious and creative work, it seemed to me that they all “missed” something, though I was at a loss to explain what it was. To understand what I wanted in a translation, I had to understand why the address was so powerful — so powerful that, sitting in my Moscow kitchen more than a hundred years and thousands of miles from that American Civil War battlefield cemetery, those 272 simple words still sang and soared. And so “just for fun” turned into several months of studying the text, reading two biographies of Lincoln and several critical studies. The result is this pre-translation analysis, which I hope will help translators who wish to try to render this remarkable oration in Russian.

Historical Context

Today it is easy to forget that in the 19th century, the “American experiment in democracy” was just that — an unproven form of governance, perceived by monarchists to be unworkable, unrealistic and doomed to failure. It is clear from Lincoln's writing and speeches that he was aware that the eyes of the world were on the American republic. “Their ambition,” he said of the founders,

‘aspired to display before an admiring world, a practical demonstration of the truth of a proposition, which had hitherto been considered, at best no better, than problematical; namely, *the capability of a people to govern themselves.*’¹

By the 1860s, that capability of a people to govern themselves was being sorely tried. The United States were barely united: they were still a rather a loose union of nearly sovereign states, each with its own economic and social interests, more like Europe today than the country they would become. Fundamental differences on issues of governance and principle that had been deferred by a series of compromises during the drafting of the Constitution now demanded resolution. One of these issues was slavery its expansion into new territories joining the Union. Did states have the right to determine this for themselves? Should the Constitution be amended to prohibit — or permit more explicitly — slavery? Were blacks people entitled to the same rights and privileges as whites? Or should some, but not all, rights be extended to them? These debates were intensified by the economic considerations: the North's economy was based on the wage, the South's on “King Cotton” and slavery.

In 1860 Abraham Lincoln was elected by a vote of 187 to 123 in the Electoral College, but not by popular vote (he received about 40 percent). Although Lincoln's political position on slavery was moderate (in contrast to his personal views), his election was perceived in the South as a throwing down of

¹ Stephen B. Oates, *Abraham Lincoln: The Man Behind the Myths* (New York: HarperPerennial, 1994), 40.

the gauntlet. Within weeks of his election seven southern states seceded from the Union; before his inauguration, another six had joined them. A few weeks after Lincoln had been sworn in as president, the South attacked the Federal Fort Sumter in Charleston, South Carolina. Lincoln sent more men to put down "the rebellion"; four more states seceded. Armies were mustered on both sides. The Civil War had begun.

The Civil War remains America's most devastating war: three million men fought; 600 000 were killed. Perhaps most wrenching of all, it was fought by people of similar backgrounds and religion. As noted by Lincoln in his Second Inaugural Address, "Both read the same Bible, and pray to the same God; and each invokes His aid against the other." In the North, Protestant ministers preached for an end to slavery and the survival of the Union in terms of a new millennium of freedom on earth. In a sermon on Thanksgiving Day 1863, one Northern preacher thundered: "All governments based on the few, by the few, and for the few, are hostile to the government of Christ, and must be abolished before his Glory fully comes... The Union must be preserved, not alone because it was essential to our own welfare, but because through its preservation would the divine doctrine of popular government live among men. If America is lost, the world is lost."² Julia Ward Howe, a Northern abolitionist, visited a Union Army camp in 1861 and wrote a poem called «The Battle Hymn of the Republic» that would become the unofficial anthem of the Union army troops. Here, too, the nation's trial is portrayed in terms of Christ's trial on the cross:

Mine eyes have seen the glory of the coming of the Lord;
He is trampling out the vintage where the grapes of wrath are stored;
He hath loosed the fateful lightning of His terrible swift sword:
His truth is marching on...

² Excerpts: «The War and the Millennium»: A sermon preached in Boston, on Thanksgiving Day, November 26, 1863,» in Gilbert Haven, *National Sermons. Sermons, Speeches and Letters on Slavery and Its War: From the Passage of the Fugitive Slave Bill to the Election of President Grant* (Boston: Lee and Shepard, 1869), 373–392, accessed at www.nhc.rtp.nc.us:8080/lserve/nineteen/nkeyinfo/cwnorth.htm

In the beauty of the lilies Christ was born across the sea,
With a glory in his bosom that transfigures you and me:
As he died to make men holy, let us die to make men free,
While God is marching on.

Although invoking God's aid for one side of this conflict was anathema to Lincoln (later in the Second Inaugural he noted "It may seem strange that any men should dare to ask a just God's assistance in wringing their bread from the sweat of other men's faces; but let us judge not that we be not judged"), according to the biographers of Howe (her daughters — perhaps not the most impartial of biographers), the first time it was sung before the President, "when the song was ended, above the tumult of applause was heard the voice of Abraham Lincoln, exclaiming, while the tears rolled down his cheeks, 'Sing it again!'"³

By then fierce battles were being fought all over the east. The battle of Gettysburg, which took place over three days, July 1–3, 1863, was the bloodiest of the war. Over 50 000 men were either wounded or killed. Even though the Confederate army was forced to retreat, the Northern general did not pursue them; the victory seemed for naught. The 2 500 citizens of the small town of Gettysburg were left with the carnage of dead and dying. Union troops, Confederate prisoners and local citizens struggled to bury thousands of rotting and fetid corpses. Finally, funds were raised and an interstate commission formed to establish a cemetery and rebury the dead, both Union and Confederate.

The Ceremony of Dedication

The Ceremony of Dedication was to be held on November 19, 1863. As Garry Wills⁴ and other scholars note, ceremonies such as

³ Laura E. Richards, Maud Howe Elliott, assisted by Florence Howe Hall. *Julia Ward Howe, 1819–1910* (Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1916), accessed at www.swarthmore.edu/Humanities/kjohnso1/battlehymn.htm

⁴ Garry Wills, *Lincoln at Gettysburg: The Words That Remade America* (New York: Simon & Schuster, 1992), 23. This book, which won the Pulitzer Prize, is the definitive study of the Gettysburg Address, to which I owe much of my understanding and analysis. See, in particular, his sections of the rural cemetery movement, transcendentalism and Lincoln's study of language and oration.

this one were part of the enlightening leisure of the times. It was still a "pre-visual" (cinema and television) culture; audiences could listen, enthralled, to sermons or orations for four or five hours. The orations were a kind of performance art, the orators — stars. At Gettysburg, the main orator was to be Edward Everett, "a scholar and Ivy-League diplomat"⁵ who had delivered several orations at other battlegrounds and cemeteries in the northeast. Lincoln was invited to make "dedicatory remarks." Although he declined most speaking engagements that took him away from Washington, this he accepted.

Over 15 000 people gathered for the Ceremony. Everett spoke for over two hours, his voice "rich and mellow... his gestures ... faultless."⁶ And then the president was introduced. The contrast between the two speakers was striking. Lincoln was a tall, homely man, described by the poet Walt Whitman as having "a face like a hoosier Michel Angelo...so awful ugly it becomes beautiful, with its strange mouth, its deep cut, criss-cross lines, and its doughnut complexion."⁷ "Parts of him did not seem to fit. His head appeared too small for his height, and his chest was narrow and then in contrast too his long arms and legs, his huge hands and feet. His black hair was so coarse and unruly that it 'lay floating where the fingers or the wind left it,' Herndon [his law partner] said."⁸ He had a strong Kentucky accent, and "a shrill, high-pitched voice of great power. When he was 'moved by some great & good feeling,' Herndon observed, 'by some idea of Liberty or Justice or Right then he seemed an inspired man,' and 'those little gray eyes... were lighted up by the inward soul of fires of emotion.'⁹

Despite his natural defects of timbre and accent, Lincoln was a compelling and practiced orator; he read his speech slowly and

artfully, probably for about three minutes.¹⁰ His secretary John Hay wrote in his diary: "the President, in a fine, free way, with more grace than is his wont, said his half dozen words of consecration."¹¹ Newspaper reports noted that it was interrupted five times by applause.¹² Commentary in newspapers followed political lines. One opposition newspaper wrote, "The cheek of every American must tingle with shame as he reads the silly, flat and dishwatery utterances of the man who has to be pointed out to intelligent foreigners as the President of the United States." But Republican papers praised it. The Springfield [Massachusetts] Republican noted that it was "a perfect gem, deep in feeling, compact in thought and expression."¹³

The Meaning and Structure of the Address

What is perhaps most striking about the address is what is not said. This address was given on the battlefield of a war that was still raging; Lincoln was President of the United States and Commander in Chief of the United Armies. Yet it is not a speech of triumph or anger. There is no call to arms (unlike — paradoxically — the sermons at the time); Lincoln does not castigate the Confederates, nor praise the Union army. Nowhere in the address does he use the words north, south, victory, defeat, slavery, or union. Nor does he cite names of places, generals, or soldiers. Instead he speaks in archetypes: *that nation, that field, the brave men, us the living, these honored dead*. His oration has a timeless quality. As Wills notes, "His speech hovers far above the carnage. He lifts the battle to a level of abstraction that purges it of grosser matter — even "earth" is mentioned as the thing from which the tested form of government shall not perish... The nightmare

¹⁰ Although I have read several accounts of the ceremony and the oratory art of Everett and Lincoln, it is still not clear to me how 15 000 people could have heard the speeches, even delivered from a raised dais, without microphones in the open air.

¹¹ Wills, *op.cit.*, 36.

¹² Wills, *op. cit.*, 36.

¹³ Thomas, *op.cit.*, 403.

⁵ *Ibid.*, 24.

⁶ Benjamin P. Thomas, *Abraham Lincoln: A Biography* (New York, Alfred A. Knopf, 1952), 401.

⁷ Oates, *op. cit.*, 8. A "hoosier" is someone from Indiana; someone rustic, awkward, ungainly.

⁸ Oates, *op. cit.*, 35.

⁹ Oates, *op. cit.*, 39.

МОСТЫ ЖУРНАЛИ ПЕРЕВОДЧИКОВ • М. Берду

realities have been etherealized in the crucible of his language.”¹⁴

His address is a simple restatement of the main issue in the war as he saw it. To paraphrase rather crudely, he said: Our ancestors founded a nation based on liberty and equality. We are now at war among ourselves over these issues. We came to dedicate the cemetery to those who died in a battle of that war. But those men who died have already dedicated it. We must instead dedicate ourselves to their cause and ensure that our republican government and others like it will continue to exist.

The address is structured by thesis (a new nation was founded), antithesis (the nation is threatened) and synthesis (this nation shall be reborn and validate all republics). It is also structured by a series of contrasts, one of Lincoln’s trademarks as an orator: *life/death; cannot dedicate/it is for us... rather to be dedicated to; the living/the honored dead; unfinished work/great task; the world will little note... what we say here/it can never forget what they did here.*

As Gary Wills has noted in detail,¹⁵ the address also follows the canons of funeral oration first established in ancient Greece: *epainesis* of the dead (praise for the fallen) and *parainesis* of the living (advice for the living). This structure explains, I believe, the line “It is altogether fitting and proper that we should do this,” which strikes the listener as rather flat and discordant. But in the context of the funeral oration, this line is Lincoln’s *Dulce et decorum est pro patria mori* (“it is sweet and becoming to die for one’s country”), or an echo of this translated line from an oration by Pericles: “a fitting thing to be said on this occasion and proper for this audience to hear.”¹⁶

Finally, there are two figurative structures of the address: birth-death-rebirth (*nation conceived in liberty... the dead shall have died in vain... governments shall not perish*) or birth-testing-rebirth (*our fathers brought*

forth... testing whether that nation... can long endure... nation shall have a new birth of freedom). The first is the path of Christ; the second the path of the hero.

In Lincoln’s address, the American nation is portrayed as a heroic godhead, “tested unto death,” and reborn in freedom. This is in the spirit of northern sermons and even Howe’s “In the beauty of the lilies Christ was born across the sea, With a glory in his bosom that transfigures you and me: As he died to make men holy, let us die to make men free.” In the Old World was born Christ, who died to make men free; in the New World was born the American republic, whose men have died to save the Union so that “government of the people, by the people, and for the people, shall not perish from the earth.”¹⁷

Here is the synthesis, the spiral to a higher note: from the birth of one nation, through its trial and death, to eternal life for all democratic republican governments on earth. “Government” is understood as both a form of governance (правление) and “all republican governments”¹⁸ everywhere (правительства). He evokes not the Constitution (which tacitly permitted slavery), but rather the Declaration of Independence and the “original intent” of the founders. This “original intent” was hotly debated throughout the 19th century (as it still is today). But for Lincoln their intent is unquestionable. He wrote (with a characteristic rhetorical flourish at the end), “I think the authors of that notable instrument [the Declaration of Independence] intended to include *all* men, but they did not intend to declare all men equal *in all respects*. They did not mean to say all were equal in color, size, intellect, moral development, or social

¹⁷ Although “government of the people, by the people and for the people” is attributed to Lincoln, it was frequently used by the preacher Theodore Parker, whose sermons and essays Lincoln knew. He wrote, “The American Revolution, with American history since, is an attempt to prove by experience this transcendental proposition, to organize the transcendental idea of politics. The idea demands for its organization a democracy — a government of all, for all, and by all.” Quoted in Wills, *op.cit.*, 107.

¹⁸ It is so clear that the plural is implied, this line is sometimes misprinted as “governments.”

¹⁴ Wills, *op.cit.*, 37.

¹⁵ See Wills for more on funeral orations, especially 55–62 and Appendix III.

¹⁶ *Ibid.*, 296, 250.

capacity. They defined, with tolerable distinctness, in what respects they did consider all men created equal – equal in ‘certain unalienable rights, among which are life, liberty, and the pursuit of happiness.’ This they said, and this they meant.”¹⁹

This recommitment to the Declaration would not only guarantee liberty for all Americans. As Lincoln stated in a speech delivered in 1854, “Let us re-adopt the Declaration of Independence, and with it, the practices, and policy, which harmonize with it. Let north and south – let all Americans – let all lovers of liberty everywhere join the great and good work. If we do this, we shall not only have saved the Union; but we shall have so saved it, as to make, and to keep it, forever worthy of the saving. We shall have so saved it that the seceding millions of free happy people, the world over, shall rise up and call us blessed to the latest generations.”²⁰ Here Lincoln quotes the Gospel of St. Luke: “Hence forth all generations shall call me blessed”: the nation shall be as blessed as Christ, carrying on His message and mission of freedom.

The spiritual and the secular merge in Lincoln’s speeches – disconcertingly to the contemporary listener. But Lincoln’s sense of America’s destiny did not grant license, but rather imposed responsibility. At the end of the Address, when Lincoln states that *this nation, under God, shall have a new birth of freedom, under God* does not only mean that the nation is **blessed** by the Almighty, it also means that the citizens and leaders will **answer** to Him.²¹ This is made explicit in his Second Inaugural Address, delivered 18 months after the Gettysburg Address and its logical continuation. “Woe unto the world

because of offences!’ for it must needs be that offences come; but woe to that man by whom the offence cometh!”²² If we shall suppose that American Slavery is one of those offences... as was said three thousand years ago, so still it must be said «the judgments of the Lord, are true and righteous altogether.» This sense of *under God* is extremely difficult to translate into Russian: the options of с помощью Божьей, по воле Бога, Богом хранимая нация chosen in the translations do not carry the sense of “being answerable” to God (indeed it is difficult to think of a way to express this in Russian). But this sense is crucial to understanding Lincoln and his vision. It is a sense of messianic destiny tempered by profound humility, a willingness to wear not the laurel wreath, but the crown of thorns.

The Arts of Rhetoric and Poetry

Four score and seven years ago our fathers brought forth on this continent, a new nation, conceived in Liberty, and dedicated to the proposition that all men are created equal. For Lincoln’s audience in 1863 – and to some extent to American audiences today – this first line anchors them unambiguously in two documents, the Bible and the Declaration of Independence. The Biblical “score” of years (20 years) from the Psalms (“the days of our years are threescore years and ten”) was familiar to Lincoln’s audience; it was simple to calculate back to 1776, the year the Declaration was signed. There is no Russian equivalent of a score of years, which makes it difficult to invoke the Biblical reference in the first line; compensation in Russian (праотцы, отцы наши) helps, but does not so clearly evoke the Bible as the English. Translators also found slightly troublesome the word *continent*, used by Lincoln to distinguish the Old World (where Christ was born) from the New World (where the American republic was born), and, I believe, chosen for its rhythm in the line. (With other words – land, place, mainland, territory, New World – the phrase falls flat.)

Throughout the short address, Lincoln

¹⁹ Wills, *op.cit.*, 100.

²⁰ Wills, *op.cit.*, 88.

²¹ The phrase “under God” does not appear in what seem to be the first versions of the Address written by Lincoln, but it was spoken by him and quoted in the newspaper accounts of the ceremony. Some scholars argue that Lincoln spoke them spontaneously. Gary Wills argues persuasively that Lincoln rarely improvised and is unlikely to have inserted so weighty a phrase at the spur of the moment. See Wills, *op.cit.*, Appendix I.

²² The Gospel of St. Mathew 18:7

brings home his message of the New World's "Gospel of the Declaration of Independence"²³ by interweaving the language of these two source documents; from the Bible: *conceive, consecrate, dedicate, devotion, the dead shall not have died in vain; shall not perish from the earth*; from the Declaration of Independence: *Liberty, all men are created equal, free, government*. The audience, probably familiar with Lincoln's previous speeches as well as the sermons, songs and essays that proclaimed a similar message, must have been able to grasp the sense of the remarks easily. It is, however, the lyricism of Lincoln's language that gives the Address its power.

Much has been written about Lincoln's art of rhetoric; indeed, the Gettysburg Address is used in American schools as a kind of textbook of the art of oration. We see his trademark alliteration (poor power, translated nicely as слабые силы) and "parenthetical enriching" (*the world will little note [nor long remember] what we say here...*) as well as gradatio (the arrangement of concepts in ascending order of power): *we cannot dedicate — we cannot consecrate — we cannot hallow — this ground*.²⁴ (To dedicate is to set something aside for a special purpose; to consecrate is to appropriate something for sacred uses; to hallow is to make something holy.)

The listener is also struck by the constant repetition of Lincoln's main themes: conceive (two times); dedicate (6 times); nation (5 times); consecrate (2 times); devotion (2 times); birth/life (5 times); death/die (5 times); here (8 times); that (13 times); this (4 times) — a remarkable feat considering that the address is only 272 words. This repetition, like links in a chain, serves to carry the listener forward.

Lincoln's prose is distinguished by its poetic rhythm. This is so striking that it is now common to transcribe his speeches as if they were lines of verse (which I identify as

²³ Wills, *op.cit.*, 88.

²⁴ This passage was difficult for the translators, and, to my ear, none of the versions is entirely successful. I think the sense of *cannot* + verb as used here is close to a negated future perfective in Russian, perhaps similar to this line of Pushkin (however odd the analogy might seem): Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...

loose iambs with spondees):

Four score and seven years ago
our fathers brought forth
on this continent
a new notion
conceived in Liberty,
and dedicated to the proposition that
all men are created equal²⁵

The rhythm of the lines and repetition create, to my ear, a kind of spoken ternary sonata. It begins with the **exposition** of the first sentence, punctuated by (largely spondee) clarion calls: *a new nation! and all men are created equal!* After a transition (setting the scene of the battlefield), comes the sonata's second (largo) phase of **development**. This is "the theme of war" in a minor key, dragged down by the repetitive "this," "that" and "here" and qualifying "rather," commas and dashes. In this section, Lincoln makes a series of unexplained or incomplete assertions, producing a suspense that grows increasingly more irritating. The listener figuratively leans forward, impatient, waiting for the resolution that must come:

But in a larger sense we cannot dedicate — we cannot consecrate — we cannot hallow — this ground. (Why not?) The brave men, living and dead, who struggled here, have consecrated it, far above our poor power to add or detract. (Why?) The world will little note, nor long remember what we say here, but it can never forget what they did here. (What did they do here?) It is for us the living, rather, to be dedicated here to the unfinished work which they who fought here have thus far so nobly advanced. (What is the nature of this work?) It is rather for us to be here dedicated to the great task remaining before us (What is this task?) — that from these honored dead we take increased devotion to that cause for which they gave the last full measure of devotion — (What is that cause?) that we here highly resolve that these dead shall not have died in vain — (Why?)

The answer to all these questions is in the last phrase, the sonata's **recapitulation**, again in the same bright major key that began the

²⁵ By the Second Inaugural Address, Lincoln was speaking in pure verse: *Fondly do we hope — fervently do we pray — that this mighty scourge of war may speedily pass away.*

Address, but at a higher pitch:

*this nation,
under God,
shall have a new birth of freedom –
and that government
of the people, by the people, and for the people,
shall not perish from the earth.*

The rhythm of the lines, the variation of short and long phrases, the pure musicality of the construction all raise the Address far above its simple assertion of the nation's commitment to liberty and equality. Lincoln has himself written the melody he invoked in his first Inaugural Address:

The mystic chords of memory, stretching from every battlefield and patriot grave, to every living heart and hearthstone, all over this broad land, will yet swell the chorus of the Union, when again touched, as surely they will be, by the better angels of our nature.²⁶

Translation

The enormous problems in translating the Gettysburg Address should be abundantly clear by now. A contemporary Russian audience is not as likely to understand the references to the Bible and Declaration of Independence as Lincoln's audience in 1863 – even if they could be easily translated (and in many cases, they can't). Nor can Lincoln's rhetorical devices be simply transposed into Russian. The blending of the political with the theological – and indeed the American genres of sermons, funeral and political oration – differ considerably from Russian traditions and, to the modern Russian ear, hang uneasily in the air. Finally, translators are faced with the fundamental decision to either translate the Address as primarily a political statement or as primarily a literary work (an oration, or indeed, a work of poetry).

While an in-depth analysis of the four translations into Russian is beyond the scope of this short essay, I would suggest that what is missing from the translations – to greater or lesser degrees – is the full lyricism of Lincoln's original, the underlying musicality, the power of its rhythm. In English the language is plainer, the words simpler. The sentences are impeded in the middle section not by complicated grammatical constructions

or lofty language (as are some of the phrases in the Russian translations), but rather by repetition and semantic suspense. The Gettysburg Address was written by Lincoln to be **spoken**, while the Russian translations seem – again to various degrees – written to be **read**. I would advise translators to unfetter their prose – write in verse! – and declaim their texts aloud. The more they sing, the closer they will bring today's Russian audience to the battlefield at Gettysburg and Lincoln's vision of America.

Меллер-Кесон

(Продолжение)

В своём докладе Гленн Файн характеризует ФБР как организацию, провалившую поставленную перед ней задачу переориентации с расследования преступлений на предотвращение террористических актов. «ФБР не в состоянии обеспечить перевод всех антитеррористических и контрразведывательных материалов, которые оно собирает», – говорится в выводах доклада.

«Несмотря на то, что после событий 11 сентября 2001 года ФБР привлекло к работе более 620 дополнительных переводчиков, эта организация сообщила, что 24% информации, перехватываемой в соответствии с Законом о наблюдении за иностранной разведывательной деятельностью, никак не обрабатывается».

Нехватка переводчиков ощущается даже при обработке телефонных переговоров, прослушиваемых в непосредственной связи с расследованиями дел «Аль-Каиды». Согласно нормативам ФБР, на перевод таких переговоров отводится не более 12 часов, но министерство юстиции обнаружило, что предельные сроки превышаются более чем на треть. В 50 случаях перевод выполнялся больше месяца. А переговоры потенциальных террористов, перехваченные 10 сентября 2001 года и содержащие такие фразы, как «завтра день "ч"», были переведены спустя лишь несколько дней после терактов.

Директор ФБР Роберт Меллер согласился с тем, что «ещё многое предстоит сделать для выполнения программы организации лингвистических служб, и данному вопросу придается первоочередное значение». Согласно заявлению ФБР, бюро делает определённые успехи в найме квалифицированных переводчиков. Правда, с оговоркой о том, как «сложно найти и нанять на работу переводчиков, которых можно допустить к работе с секретной документацией и которые в то же время были бы достаточно компетентны».

Джулиан Боджер (Вашингтон)

Пер. П. Рулёва

²⁶ Wills 158

Памятник за языковым барьером

В.К. Ланчиков

Эта статья — попытка обосновать стратегию, которой я руководствовался при переводе Геттисбергской речи.

К подобным самонаблюдениям многие относятся недоверчиво. Отчасти — из-за укоренившегося мнения, которое обычно выражают размашистой формулой: «Перевод — это искусство!..», подразумевая, что всякий теоретический подход тут исключён, всё решает интуиция и только интуиция. Искусство-то оно искусство, спору нет, однако ещё ни один настоящий художник не погубил свой талант знанием законов перспективы, зато их незнание не одному художнику помешало стать настоящим. А блистательный переводчик Н.М. Любимов, назвавший свою книгу: «Перевод — искусство», всё-таки обучался художественному переводу в Институте новых языков, где читались и теоретические дисциплины. И не только исторический материализм.

Чего греха таить — бывает, попытки задним числом восстановить путь, приведший к тому или иному переводческому решению, превращаются в придумывание такого пути. «Когда б вы знали, из какого сора...» — Сор... Несolidно как-то. И рассудок спешит преподнести красивую теоретическую схему, которая к сору никакого отношения не имеет. А значит — и к истине тоже.

Чтобы заручиться хоть малой долей доверия, замечу, что у меня, так сказать, есть свидетель. Почти всё изложенное ниже — соображения, которые я обсуждал вместе с соавтором по словарю «Политика и крылатика» Т.П. Клюкиной ещё до

того, как взялся за перевод Геттисбергской речи (перевод предназначался для этого словаря). К тому времени я уже читал об обстоятельствах, в которых она прозвучала, о роли, которую она сыграла в формировании национального самосознания, о её риторическом устройстве. И понимал, что перевод её — задача особой сложности. Ещё и потому, что перевод небольшого произведения требует гораздо большей продуманности каждого отдельного решения, чем перевод, скажем, романа, где какая-нибудь частная погрешность может затеряться в словесных просторах.

Конечно, после объяснений М. Берди я увидел в тексте намного больше смысловых и стилистических оттенков, чем в начале работы. Но, как уже было обещано, постараюсь воспроизвести первоначальный ход рассуждений. Ведь именно он привёл к тому переводу, который в конце концов и был опубликован. Так будет честнее.

Я буду говорить о передаче не столько содержания речи, сколько стилистических её особенностей. Хотя в разговоре о Геттисбергской речи отделить одно от другого почти невозможно: если бы не её риторическое совершенство, она не имела бы и десятой части своей убедительности и осталась бы в истории разве что как памятник политической мысли. Что будет, если пренебречь филигранной выверенностью и точной соотнесённостью её риторических приёмов, видно по известной чуть не на весь Интернет пародии Питера Норвига, где Геттисбергская речь перели-

цована в пауэрпойнтовскую презентацию: “*Met on battlefield (great); *Dedicate portion of field — fitting!; *Unfinished work (great tasks)” и т.д. А что? Смысл передан.

И ещё одно предварительное замечание. Эта статья — про выработку целостного, последовательного подхода к переводу Геттисбергской речи — вернее, одного из таких подходов. Она — не анализ результата, а ключ к анализу. Разбор перевода, получившегося на основании описанных принципов, я оставляю читателям.

* * *

Начну с примера хоть и заимствованного из переводческой практики, но относящегося не только к ней. Вот первая фраза из 4 главы романа Дж. Стейнбека “Cannery Row” и два её перевода.

In the evening, just at dusk, a curious thing happened on Cannery Row.

- По вечерам, в сумерки, странная вещь случалась в Консервном Ряду. (Пер. Е. Суриц)
- Вечером в сумерки в Консервном Ряду случалась одна странная вещь. (Пер. М. Литвиновой)

Само построение фразы в переводах подсказывает стилистическую окраску дальнейшего. Читатель подготовлен к эпическому, сказовому тону последующего описания в первом переводе и к ровному, более сдержанному во втором. Порядок слов первого предложения указал читателю тональность.

(Нет смысла гадать: «Какой же из двух переводов “правильный”?» Хотя, казалось бы, никаких формальных поводов для эпической распеваемости первого варианта в английском предложении нет, но судить об основаниях такого выбора можно лишь с учётом целостного стилистического замысла всей главы, всего романа: там переводчица эти основания обнаружила. И построила первую же фразу так, чтобы та не выбивалась из общего тона повествования. Различие тут, следовательно, не в переводе одной фразы, а в общем стилистическом подходе к тексту в одном и другом случае. В рамках своего подхода «права» каждая из переводчиц, а значит,

именно этот подход, а не перевод одного предложения, и подлежит оценке.)

Итак, первое предложение, словно камертон, подсказывает читателю высоту звучания текста. Сказывается то, что психологи называют «эффектом края». Лингвисты в подобных случаях предпочитают говорить о «сильной позиции». Начало всякого текста относится к таким сильным позициям. Оно «функционирует как кодовый ключ — из него читатель узнаёт, как следует декодировать дальнейший текст».¹

Оратор начинает:

“Fourscore and seven years ago our fathers brought forth on this continent a new nation...”

В первом же слове первой же фразы — отголосок речей ветхозаветных пророков. (Кто из слушателей не помнил знаменитое речение из Псалма Моисеева: “The days of our years are three score and ten”?) В первом же слове первой же фразы подсказка: в каком ключе надлежит толковать последующее. А чтобы слушатели не усомнились в правильности истолкования, дальше оратор исподволь вводит в речь слова и обороты, вызывающие те же ассоциации.

М.М. Бахтин писал:

Когда мы выбираем слова в процессе построения высказывания, мы далеко не всегда берём их из системы языка в их нейтральной словарной форме. Мы берём их обычно из других высказываний, родственных нашему по жанру, то есть по теме, по композиции, по стилю; мы, следовательно, отбираем слова по их жанровой спецификации (...) Жанры соответствуют типическим ситуациями речевого общения, типическим темом, следовательно, и некоторым типическим контактам значений конкретных слов с конкретной реальной действительностью при типических обстоятельствах.²

Нетрудно представить, в какую типическую ситуацию погружали слушателей (на церемонии *освящения* кладбища) такие библейские ассоциации — о каком жанре

¹ В.А. Лукин. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа — М.: Ось-89, 1999, стр. 94. Подробнее об этом вопросе см.: Ю.М. Лотман. Структура художественного текста. — М.: Просвещение, 1970.

² М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества — М.: Искусство, 1979, стр. 267.

они напоминали. Конечно же, о проповеди. Оратор, не переставая быть государственным деятелем, приобретал черты проповедника.

Политик-проповедник. Случай не такой уж редкий в американской риторической традиции. Можно сказать, с этого она и начиналась. Я имею в виду, прежде всего, памятник ораторского искусства, который недаром ставят в один ряд с Геттисбергской речью – речь будущего губернатора Колонии Массачусетского залива Джона Уинтропа, произнесённую в 1630 году на борту судна «Арабелла». Обращаясь к своим спутникам-пуританам, плывущим в Новую Англию, чтобы основать там колонию, Уинтроп разъяснял им высокую цель, стоящую перед поселенцами:

We must consider that we shall be a city upon a hill, the eyes of all people are on us; so that if we shall deal falsely with our God in this work we have undertaken, and so cause Him to withdraw His present help from us, we shall be made a story and a byword through the world.

Мы должны помнить, что будем, как город на верху горы, и взоры всех людей устремлены на нас – посему, если будем поступать не по правде Божией в деле, за которое мы взялись, и Он за то лишит нас Своей помощи, которую Он нам ныне подаёт, то станем притчей во языцех по всему миру. (Пер. Т.П. Клюкиной)

Оратор использовал образ из Нагорной проповеди (Матф. 5, 14): “Ye are the light of the world. A city that is set on a hill cannot be hid” – «Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы».

Тут сходство с Геттисбергской речью не только в жанре, приёмах, источнике образности, но и в идеях. Эти произведения объединяет мысль об избранничестве, пока ещё понимаемом как долг – долг перед Богом. Если признать идейную близость двух этих речей, становится ясно, какой смысл вкладывал Линкольн в выражение “under God”. «Мы исполняем то, к чему предназначил нас Всевышний. Не исполним – Господь призовет нас к ответу». Устроение земной жизни на новых началах в обоих случаях видится как религиозная обязанность. (Каюсь: мой перевод “under God” как «с Божией помощью» с

учётom сказанного выглядит неудачно. Сегодня более предпочтительным мне представляется вариант: «вверив себя Господу», хотя и он не передаёт значение английского оборота во всей полноте.)

Идея, выраженная образом «Города на верху горы», легла в основу американского самосознания. В конце концов, и мысль о мировом предназначении Америки – “Manifest Destiny” – идёт от того же корня.

Любопытно, что исследователи, пишущие о речи Уинтропа, по-разному определяют её жанр. Одни называют её «речью», другие – «проповедью». Та же двойственность, что и у Геттисбергской речи. Та же двойственность, которую можно обнаружить у другого памятника американского ораторского искусства – знаменитой речи Мартина Лютера Кинга “I Have A Dream” (хотя его слушатели, конечно, помнили, что Кинг, в отличие от Уинтропа и Линкольна, действительно был проповедником).

Двойственность ли? Не возникает ли ощущение двойственности лишь у тех, кто смотрит на эти произведения с позиции другой национальной культуры?

Чтобы ответить на это вопрос, надо разобраться, как соотносятся эти жанры в отечественной риторической традиции.

* * *

Вот пример, относящийся к событиям, которые произошли всего за пятнадцать лет до Геттисбергской битвы.

Европейские революции 1848 года встревожили русское правительство, и 1 марта 1848 года Николай I издал высочайший манифест:

После благословений долголетнего мира, запад Европы внезапно взволнован нынче смутами, грозщими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства.

Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии и, разливаясь повсеместно с наглостию, возрастающей по мере уступчивости Правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных Нам Империй Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает, в безумии своем, и Нашей, Богом Нам вверенной России.

Но до не будет так!

По заветному примеру Православных наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, Мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя Себя, будем, в неразрывном союзе с Святою Нашей Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов наших.

Мы удостоверены, что всякий Русский, всякий верноподданный наш, ответит радостно на призыв своего Государя; что древний наш возглас: за веру, Царя и отечество, и ныне предрекает нам путь к победе: и тогда, в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на него упования, мы все вместе воскликнем:

С нами Бог! разумейте языцы и покоряйтесь: яко с нами Бог!

Три месяца спустя Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) произнёс Слово в день рождения Императора Николая Павловича, где, среди прочего, коснулся и событий, которые подвигли императора издать Манифест:

Когда темнеет на дворе, усиливается свет в доме. Береги, Россия, и возжигай сильнее твой домашний свет, потому что за пределами твоими, по слову пророческому, тма покрывает землю, и мрак на языки (Ис. 60, 2), Шаташся языцы, и люди поучишся тщетным (Пс. 2, 1). Перестав утверждать государственные постановления на слове власти Того, Кем цари царствуют (Притч. 8, 15), они уже не умели ничить ни хранить царей. Престолы стали там не тверды, народы обьяродели. Не то чтобы уже совсем не стало разумевающих, но дерзновенное безумие взяло верх и попирает малодушную мудрость, не укрепившую себя премудростию Божиею. Из мысли о народе выработали идол и не хотят понять даже той очевидности, что для столь огромного идола недостатнет никаких жертв. Мечтают пожать мир, когда сеют мятеж. Не возлюбив свободно повиноваться законной и благотворной власти царя, принуждены рабствовать перед дикою силою своевольных скопищ. Так твердая земля превращается там в волнующееся море народов, которое частью поглощает уже, частью грозит поглотить учреждения, законы, порядок, общественное доверие, довольство, безопасность.

Но благословен Запрещающий морю (Мф. 8, 26)! Для нас ещё слышен, в событиях, Его глас: До сего дойдеши и не предеши (Иов 38, 11). Крепкая благочестием и Самодержавием Россия стоит твердо и спокойно, подобно каменной горе, у подножия которой сокрушаются волны моря. Она спокойна, потому что державная рука Помазанника Божия держит ее мир, и сугубо спокойна, потому что это мир не дремлющий, но бодрствующий с оружием против ненавидящих мира.

С нами Бог! Да взывает каждый из нас заедино с благочестивейшим Самодержцем нашим. С нами Бог благодатию Православная веры. С нами Бог благодатным даром благословенного наследственного Самодержавия. Да пребываем же и мы с Богом, чистою верою и достойною веры жизнью, непоколебимою верностию к Богодарованному Царю и соответственным единоначалию единодушием.

Та же тема, те же мысли, та же оценка. Даже некоторое сходство образности. Не говоря уж про единый источник цитаты: в Слове повторяется возглас Великого Повечерия, полностью приведённый в Манифесте: «С нами Бог! разумейте языцы и покоряйтесь: яко с нами Бог!» И при всём том едва ли кто-нибудь затруднится без подсказки ответить, какой из этих текстов манифест, а какой проповедь.

Митрополит Филарет — фигура, как мне кажется, недооцененная филологами и лингвистами. Обычно о нём вспоминают лишь историки литературы, изучающие творчество А.С. Пушкина (знаменитый стихотворный диалог поэта и иерарха: «Дар напрасный, дар случайный» — «Не напрасно, не случайно» — «В часы забавиль пражной скуки»). А между тем многие современники ценили Филарета ещё и как тонкого стилиста. В.А. Жуковский, мечтая сплотить своих друзей — К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского, А.И. Тургенева — «под одним знаменем: простоты и здравого смысла», добавлял: «Министранн просвещения в нашей республике пусть будут Карамзин и Дмитриев, а папою нашим Филарет». В журнале для переводчиков стоит хотя бы упомянуть и переводческую деятельность Филарета. Достаточно сказать, что он был автором перевода Евангелия от Иоанна, который позднее — в несколько изменённом виде — вошёл в Синодальный перевод Священного Писания. Проповеди же Филарета считались в полном смысле слова образцовыми.

Автор работы об этих проповедях отмечает одну их характерную черту, которая заметна и в приведённом выше отрывке:

Нельзя церковное слово превращать в политическую речь, отражающую злобу минуты, и потому

Текст и его окрестности

Филарет будет старательно избегать упоминания имени Наполеона, хотя и будет пространно говорить о нём как «исполине, который на развалинах престола, превращенного в лобное место, созидавая новый престол, желал утвердить и украсить его разрушением древних, и прелять священные венцы наследия в тяжёлый венец насильственного преобладания». К такому же умолчанию он прибегнет в речи при заложении Триумфальных ворот: «Человек, которого имя я не желаю произнести, прошёл здесь, с любезным ему опустошением, сквозь столицу до близ лежащего дома Петрова; сделал себе кратковременным, достойным себя памятником, пожар Петрова дома; дожде дошел он; и уже не дано ему идти далее; он возвратился, чтобы поспешать к собственной гибели». Достаточно ввести в эти тексты опущенное имя Наполеона, и язык церкви превратится в язык публицистики и политики. Сам Филарет писал: «Трудно слову церковному вступить в политическую сферу, не соступя с поприща духовного. Но вступивши на сей путь, окажется некоторая необходимость идти по нем, и могут даже повлечь, куда неудобно следовать. В войну 1806 или 1807 года Св. Синод, думая сильно поддержать правительство, назвал Наполеона антихристом: а потом с антихристом заключили мир».³

Здесь даёт себя знать одно существенное различие общестилистических установок Православия и Протестантизма, составляющее немало хлопот переводчикам (по крайней мере, тем, которые относятся к своей работе вдумчиво). Не вдаваясь в описание этого различия и в изложение его догматических причин, приведу лишь два характерных высказывания о языке переводов Священного Писания. Духовный отец Реформации Мартин Лютер, защищая свои принципы перевода Библии, писал:

Не следует спрашивать у букв латинского языка, как нужно говорить по-немецки (...), но следует спрашивать об этом у матери семейства в доме, у детей на улице, у простого человека на рынке, глядеть на их уста, как они говорят, и по этим образцам переводить, и тогда они это поймут и заметят, что с ними говорят по-немецки. (Пер. М.Я. Цвиллинга)

А вот взгляд на тот же предмет графа М.М. Сперанского — не мракобеса какого-нибудь, а сторонника либеральных преобразований. В 1819 году он писал дочери:

Сегодня (...) мне вздумалось читать Евангелие в новом русском переводе. Какая разность, какая сла-

бость в сравнении с славянским! (...) Никогда русский простонародный язык не сравнится с славянским, ни точностью, ни выразительностью форм, совершенно греческих. И рече Бог: да будет свет, и бысть свет. И сказал Бог, чтоб был свет, и был свет. Сии два перевода: в одном есть нечто столь быстрое, столь точное; в другом всё вяло, неопределенно, vulgaire. В языках, кои не имеют другого диалекта, разность сия не может быть чувствительна. Но у нас она весьма ощутительна, потому что, читая одно, ум себе представляет, как бы могло сие быть выражено иначе.

Глубже разобраться в этом различии помогло бы обращение к обрядовой стороне Православия и Протестантизма, которая, в свою очередь, обусловлена их догматическими особенностями. Но я уже обещал в эту тему не углубляться. И всё же, чтобы указать заинтересовавшимся направление к истоку, отмечу, что обряды, признаваемые православными и католиками таинствами, священнодействием, в большинстве протестантских церквей рассматриваются просто как символические акты. Священнодействие и символическое действие: это различие задаёт различия в обстановке, в стилистике, в языке — если не в лингвистическом, то в общесемантическом смысле.

* * *

Но вернёмся к Геттисбергской речи и её переводу.

Изложенные соображения — не заключения с целью вызвать пресловутый «дух оригинала» (голословными ссылками на который подчас оправдывают переводческое самоуправство), а подступ к программе, позволяющей достичь нужного результата. Прежде всего, стоит заранее набросать жанрово-стилистический облик русского перевода. Поскольку, как было показано, гражданское и церковное красноречие в отечественной традиции отстоят друг от друга дальше, чем в протестантской, едва ли у нас получится текст, который, подобно подлиннику, мог бы естественно звучать и с ораторской трибуны и с кафедры проповедника. Остаётся одно: держать курс на стилистику гражданского красноречия, но в меру расцветивать

³ В.П. Зубов. Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. — М.: Эдиториал УРСС, 2001, стр. 140.

перевод приёмами, напоминающими о стилистике проповеди.

Первый такой приём технических ухищрений не требует — он сохранится даже при буквальном переводе. Я имею в виду универсализацию темы благодаря отказу от упоминания конкретных реалий: “this continent”, “this nation”, “this ground”, “a great civil war”, “a great battlefield” и т.п. — тот же приём, которым пользовался Филарет, избегавший упоминания имени Наполеона и европейских государств, охваченных революцией. События возводятся на иной уровень обобщения, подаются «с точки зрения вечности».

Труднее донести до получателя библейские отзвуки. Первое же указание на жанровую принадлежность текста — “*four score and seven years*” — оказывается невозпроизводимо, потому что в русском переводе Библии в подобных случаях используется не какой-то особый, а вполне обычный способ исчисления. Например, уже приводившийся стих из Псалма Моисеева, который в Библии короля Иакова читается: “The days of our years are *threescore and ten*; and if by reason of strength they be *four score years*, yet is their strength labour and sorrow” (Ps., 90:10), в русском переводе выглядит так: «Дней лет наших — *семьдесят лет*, а при большей крепости — *восемьдесят лет*; и самая лучшая пора их — труд и болезнь» (Пс., 89, 10). Не спасает и обращение к церковнославянскому переводу: «Дни лет наших, в них же *семьдесят лет*, аще же в силах, *осмьдесят лет*, и множае их труд и болезнь».

Иногда в англоязычной литературе и публицистике библейский способ исчисления используется не то чтобы для прямого указания на источник, а больше как принадлежность «высокого стиля» вообще. В таких случаях выручает приём компенсации, и жаль, что им пренебрёг М. Дьяконов в переводе романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», где встречается такой эпизод:

I know, for instance, an old gentleman of sixty-eight, who said to me one morning at breakfast, with a very agitated countenance, “I dreamed last night that I was flogged by Dr. Raine.” fancy had carried him back five and fifty years in the course of that evening. Dr. Raine and his rod were just as awful to him in his heart, then, at sixty-eight, as they had been at thirteen. If the Doctor, with a large birch, had appeared bodily to him, even at the age of *threescore and eight*, and had said to him in awful voice, “Boy, take down your pant *****”?

Один мой знакомец, джентльмен шестидесяти восьми лет, как-то за завтраком сказал мне с взволнованным видом: — Сегодня мне снилось, будто меня высек доктор Рейн!

Воображение перенесло его в эту ночь на пятьдесят пять лет назад. В шестьдесят восемь лет доктор Рейн и его розга казались ему в глубине души такими же страшными, как и в тринадцать. А что, если бы доктор с длинной берёзовой розгой предстал перед ним во плоти даже теперь, когда ему исполнилось *шестьдесят восемь*, и сказал грозным голосом: «Нука, мальчик, снимай штаны!»?

В переводе троекратное повторение возраста («шестьдесят восемь») выглядит попросту назойливо. У Теккерея же возраст героя указан обыденным способом лишь дважды, в третий раз автор подпускает высокопарности (“*threescore and eight*”), и «высокий стиль» ехидно оттеняет нелепость воображаемой сценки. Для передачи этого эффекта не грех прибегнуть к компенсации — воспроизвести выпренность слога ным способом, хотя бы и в ущерб формальной точности:

А что если бы сегодня к нему, уже убелённому сединами мужу, и впрямь явился этот самый доктор с длинной берёзовой розгой и грозным голосом повелел: «Ну-ка, мольчик, снимай штаны!»?

Но между использованием этого оборота в романе Теккерея и в речи Линкольна есть одно тонкое различие. Для Теккерея более существенно, что такой способ исчисления взят из Библии и *поэтому* звучит возвышенно. Для Линкольна важно, что оборот звучит возвышенно, *потому что* заимствован из Библии. В первом случае его возвышенную экспрессию нетрудно возместить равноценным по экспрессивности средством. Но как передать пропадающее при переводе указание на библейский контекст (второй случай)? Указание тем более важное, что содержит-

ся в самом начале текста — в сильной позиции — и выступает подсказчиком жанра.

Справиться с этой задачей мне не удалось. Не удалось и другим переводчикам Геттисбергской речи. Но, как писал немецкий лингвист Х. Вайнрих:

Излишне жаловаться, что языки в принципе неперево­димы. Немецкое слово *Gemüt* уклоняется от перевода, равно как и французское *esprit* или американское *business* (...). Но нам вовсе и незачем переводить слова. Мы должны переводить предложения и тексты. Не беда, что значения слов при переходе от одного языка к другому обычно не совпадают. В тексте это всё равно зависит только от представлений, а их можно сделать подходящими, требуется подобрать лишь соответствующий контекст. Поэтому тексты принципиально переводимы (...). Переведённые слова лгут всегда, переведённые тексты — только в тех случаях, когда они плохо переведены.⁴

Сказанное о значении слов справедливо и в отношении их стилистической окраски — в том числе и той, которая намекает на жанровую принадлежность текста. Не удалось с самого начала установить жанровую вешку — жалко, но ведь никто не мешает сделать так, чтобы читатель (пусть не сразу, пусть постепенно) всё же почувствовал, что Геттисбергская речь — не просто политическое заявление: есть в ней что-то от проповеди.

Для достижения этой цели стоит, ещё не приступая к переводу, произвести инвентаризацию пригодных средств компенсации. Понятно, что самый недвусмысленный признак жанра — церковнославянская лексика — тут не годится. Другое дело — грамматика, синтаксис.

Значительная часть споров о достоинствах и недостатках какого-нибудь перевода — споры о словах. Далеко не каждый обращает внимание на грамматические формы этих слов, на то, как эти слова друг с другом соединяются. А между тем грамматическая сторона перевода требует едва ли не большего искусства, чем лексическая. Она — основа выразительного и точного стилистического рисунка. Это

можно доказать и от противного. Искать «противного» недолго: мало ли их в кино-переводах? Например: «Видал хмыря, севшего на прошлой остановке?» Претензия на разговорность (*хмырь*) разлетается вдребезги при столкновении с книжным, несвойственным разговорной речи причастием (*севшего*). Если уж строить фразу по-настоящему разговорно, следовало бы превратить причастие в глагол: «Видал, на прошлой остановке хмырь сел?»

Да, как менее заметная, но не менее действенная составляющая стиля (а с ним и жанра), грамматика даёт хороший материал для компенсации. В особенности синтаксис с его ритмообразующими возможностями. А ритм, как показала М. Берди, оказывается в Геттисбергской речи далеко не последним выразительным средством. И поскольку ритм задаётся не только ударностью слогов, но и размером синтагм, регулярностью повторов отдельных слов, морфем, грамматических форм и пр., возможности компенсации обнаруживаются на самых разных языковых уровнях.

Остаётся добавить соображения об идейной и образной стороне Геттисбергской речи (см. статью М. Берди) — и получается связная программа действий, переводческая стратегия.

Не буду отвлекаться на доказательства того, что стратегия в более или менее свёрнутом виде присутствует при переводе всякого текста. Разница в том, что чем сложнее его устройство, тем она осознаннее, поэтому в нашем непростом случае и пришлось пуститься в долгие рассуждения. Кому-то, возможно, даже покажется, будто я веду к тому, что интуиции при переводе вообще нечего делать. Но до сих пор речь шла о том, что происходит *при* переводе, а *до* перевода — на этапе предпереводческого анализа. В момент же перевода без интуиции не обойтись. Это она подсказывает варианты, помогает оценить их пригодность, даже уточняет стратегию. Работа её совершается незаметно — тем более, что и стратегия, которой она подчиняется, редко бывает так же

⁴ Х. Вайнрих. Лингвистика джи. // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987, стр. 54–55.

расчётливо выстроена, как в нашем случае. Судить об этой работе можно лишь по результату.

Каков результат и как рассудок вместе с интуицией оценивали то или иное решение, можно показать на примере первого предложения.

Fourscore and seven years ago our fathers brought forth on this continent... — Вот уже восемьдесят семь лет, как отцы наши на этом континенте... Увы, библейским исчислением пришлось пожертвовать — как и библейским же “brought forth”. (Причина та же: в русском переводе Библии — стилистически непримечательное «родить»). Чтобы начало совсем не утратило экспрессивности, пришлось довольствоваться инверсией: «отцы наши».

Если приглядеться к переводу повнимательнее, обнаружится ещё одно лёгкое смещение. В подлиннике в первой фразе говорится о прошлом — так сказать, о начале бытия нации, а второй абзац начинается с “Now”. В переводе же первая фраза — «Вот уже восемьдесят семь лет, как...» — по сути, тоже отсылает к событиям прошлого, но грамматически укреплена в настоящем (что-то вроде английского Present Perfect). Другими словами, в оригинале прошлое и настоящее чётко разведены; в переводе же слушателям предлагается не перенестись в прошлое, а лишь оглянуться на него, не теряя связи (в том числе и грамматической) с настоящим.

Искажение? Но разводка прошлого и настоящего была оправдана в изначальной ситуации: слушатели Линкольна отлично понимали, зачем они собрались, о каких событиях восьмидесятилетней давности говорит оратор и как они связаны с нынешней церемонией. Перенесясь вслед за оратором в прошлое, они при всём желании не могли оторваться от своего Геттисбергского «здесь и теперь».

Как же будут воспринимать этот приём читатели, которых отделяет от оратора не только этнокультурный барьер, но и почти полтора века? Скорее всего, не так, как слушатели Линкольна. Что для тех —

«свое настоящее», для нас — «чужое прошлое». Поэтому после некоторых колебаний я посчитал, что связь между двумя событиями стоит выявить несколько яснее, чем в оригинале.

...Brought forth on this continent a new nation, conceived in liberty... — Дали жизнь новой нации — нации, зачатой в свободе... Повтор «нации — нации» понадобился по следующей причине. В оригинале — «двухступенчатая рема»: первая ступень — сообщение о рождении новой нации, вторая — характеристика этой нации и обстоятельств её рождения. Первая ступень крайне важна для понимания образно-тематической основы текста (*рождение — смерть — возрождение*), важна почти до самодостаточности. И если сохранить в переводе грамматическую структуру подлинника («дали жизнь новой нации, зачатой...»), отчётливость темы рождения несколько смажется вплотную примыкающей характеристикой нации. (Почему этого не происходит в подлиннике — ответ на этот вопрос уведёт нас в сторону разговора об особенностях предикации в русском и английском языках.) При повторе же слова «нация» между двумя этими важными мыслями образуется пауза, графически обозначаемая тире. Граница между ними делается более чёткой, каждая мысль — более выпуклой, ритм — более чеканным.

Подобный приём использовался в переводе и дальше: «*Её уже освятили* сражавшиеся на ней герои — так *освятили*, что...», «Это мы, живые, должны принять здесь *посвящение* — *посвятить* себя...».

У этого приёма есть ещё одно достоинство. Он хорошо вписывается в систему лексических и корневых повторов (вот оно, средство создания ритма!) — таких, например, как: «...укрепить свою *преданность* делу *преданностью* тех, кто с честью пал здесь в беззаветном служении этому делу», «...власть *народа*, *именем* *народа*, *во имя* *народа*». Расчет (не знаю, насколько он оправдался) состоял в том, чтобы вызвать в сознании читателей отдалённые ассоциации с изысканным «плетением словес».

свойственным проповеднической риторике. (Ср. приведённый отрывок из Слова митрополита Филарета: «Да пребываем же и мы с Богом, чистою верою и достойною веры жизнью, непоколебимою верностию к Богодарованному Царю и соответственным единоначалию единодушием».)

Несколько слов в защиту перевода “conceived in liberty” как «зачатая в свободе». В защиту — потому что ни в одном из трёх известных мне переводов Геттисбергской речи этот такой очевидный вариант не встречается. Мне всё же кажется, что он оправдан. Возможны же по-русски сочетания «зчат в грехе», «зчат в беззаконии» (Библия), «зчат в радости» («Вирша в Великую Субботу» Сильвестра Медведева), «зчат в безумии» (Л.Н. Андреев, «Жизнь Василия Фивейского») «зчат в стихии языка» (В.И. Иванов, «Наш язык»), даже «зчат между улыбками» (А. Белый, «Петербург»).

На этот счёт в воспоминаниях Н.М. Любимова приведено интересное замечание И.А. Кашкина. В своё время Любимов, смущённый собственной смелостью в переводе некоторых метафор, колебался, не заменить ли их в русском тексте сравнениями. Когда он поделился своими сомнениями с Кашкиным, тот ответил:

Русский язык ничего не боится и в разжевывании не нуждается. Дерзость выражения оправдана, если она создаёт нужное впечатление. Помните — у Блока — в «Диком ветре»?

«Ночь полна шагов и хруста...»

Попробуйте, разверните эту строку, расчлените её, отделите зрительное впечатление от слухового — пропадёт вся её энергия, пропадёт сила воздействия на читателя.⁵

... *And dedicated to the proposition that all men are created equal.* — ...*И преданной тому убеждению, что все люди сотворены равными.* Конечно, “proposition” — не совсем то же, что «убеждение». Это нечто, требующее доказательства, — положение, истинность которого надлежит установить

путём логических построений либо проверкой на практике. За этим словом снова встаёт образ Великого Эксперимента в «Городе на верху горы».

И всё же намёк на необходимость доказательства не получает словесного подкрепления в ближайшем контексте — “dedicated to the proposition” указывает скорее на готовность служить идее, защищать её. Поэтому, не найдя точного и одновременно стилистически адекватного соответствия слову “proposition”, я не решился более развёрнуто, более открыто выразить в переводе мысль о необходимости практического подтверждения заветной «американской идеи».

В оправдание могу лишь повторить слова Х. Вайриха: «Нам вовсе и незачем переводить слова. Мы должны переводить предложения и тексты». В тексте же тема проверки идеи на жизнеспособность проявлена яснее некуда.

Значит, утрата в переводе некоторых семантических компонентов слова “proposition” приводит не к смысловой потере, а просто к затуманиванию смыслового акцента. Досадно лишь то, что этот смысловой акцент пропал в столь значимой первой фразе.

И так далее, и так далее, и так далее. Подобному разбору можно подвергнуть весь перевод. Но моя задача в другом: я хочу показать, на что следовало бы обратить внимание переводчикам Геттисбергской речи, и объяснить общие принципы, на основании которых принимались решения. И разумеется, я не считаю эти решения единственно верными. В конце концов, я писал лишь о расчётах, а насколько они оправдались, судить читателю.

Продолжение следует

— Конечно, такая форма выборов [в Государственную Думу] — это не то же, что американские primaries, но давайте всё-таки называть их «праймериз»

(Ведущий радиостанции «Свобода», декабрь 2003)

⁵ Н.М. Любимов. Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. Т.2. — М.: Языки славянской культуры, 2004, стр. 345—346.

Геттисбергское «противостояние»: оригинал vs. перевод

С.А. Алексеев

Мы должны найти путь
либо проложить путь.
Ганнибал

Обычно авторам оригинального художественного текста и его перевода нечего между собой делить. Два текста создаются на разных языках, средства, имеющиеся в этих языках, также отличаются. Самое существенное отличие касается адресатов и целевых установок. Если судить по единственной фотографии, дошедшей до нас с 19 ноября 1863 года, Авраама Линкольна слушали в основном джентльмены, тогда как текст его речи на русском языке обращен к любому современному читателю независимо от пола, возраста и достатка. Мы с вами открываем для себя Геттисбергскую речь, в отличие от современников шестнадцатого президента США, в силу интереса к истории и литературе. Кроме того, от данного произведения, как и от любого иного, мы желаем получить эстетическое удовольствие и ждём, что переводчик нам его обеспечит.

Однако, не имея перевод ничего общего с оригиналом, мы прежде всего задались бы вопросом: а перевод ли это вообще? Поэтому, прокладывая путь к сердцу и разуму читателя, русский переводчик вынужден учитывать все нюансы авторского текста. В некотором смысле, он — военачальник, которому предстоит оценить расположение сил противника и вычислить его стратегию, прежде чем нанести ответный удар.

Оригинал Геттисбергской речи вошёл в историю, её перевод, выполненный В. К. Ланчиковым, — опубликован. Мож-

но сказать, что битва, которую вели автор и переводчик за *своего* реципиента, для обоих была победоносной. Если так, самое время столкнуть их лицом к лицу. Сегодня, один век и сорок два года спустя, мы попробуем разыграть на полях Геттисберга новое «сражение»; оно призвано доказать, что русская версия речи Линкольна, приведённая выше на страницах данного номера, имеет право на существование (надеюсь, поклонники исторической речи простят автору статьи этот дерзкий перифраз).

Дислокация

В отличие от Геттисбергской битвы, одной из самых трагических в истории гражданской войны Севера и Юга, противостояние оригинала и перевода речи Линкольна будет бескровным: единственная цель — «померяться силами», посмотреть, насколько адекватно русский текст мог бы «ответить на вызовы» английского. Так, переводы речей иных российских политиков своей образностью и афористичностью заведомо превосходят оригинал; и наоборот, чтобы противостоять натиску пушкинского «Евгения Онегина», В. В. Набокову пришлось набирать «непобедимую армаду» прозаических комментариев. Оценивать «силу» текста можно по-разному — в категориях литературоведения, стилистики, текстологии; мы разберем лишь два аспекта: прагматический (воздействие на читателя) и отчасти семантический (переданные явные/неявные смыслы).

Перед построением «боевого порядка» вспомним тезис Ю. М. Лотмана о *много-*

плановости текста. Организации смысла в художественном произведении позавидует любой полководец: «текст предстаёт... дважды (как минимум) зашифрованным. Первая зашифровка — система естественного языка... Однако этот же текст — получатель информации знает это — зашифрован еще каким-то другим образом»¹. На военном языке эта мысль может звучать так: при поверхностном чтении пробиться к разуму читателя удаётся лишь «передовым отрядам», которые представлены вербальными единицами (словами). Но, по замыслу автора, за словесным «передним краем» следует «второй эшелон» — это неявные, подспудные смыслы, подтекст, возникающие в сознании читателя ассоциации, как внутри-, так и межтекстовые, а также зрительные, слуховые образы и т.д.

Для начала выстроим друг против друга вербальные «первые эшелоны»; численно они примерно равны — 268 слов (учитывая служебные) у А. Линкольна против 229 в переводе В. К. Ланчикова. Стратегией автора и переводчика определяется, когда и какие именно слова должны «вступить в бой».

Выдвижение

В науке нередки случаи, когда тот или иной термин «кочует» из одной теоретической области в другую. Вряд ли можно всерьез утверждать, что термин «выдвижение», встречающийся в лингвистической литературе, заимствован у военных — остаётся только удивляться случайному функциональному сходству! Как любая атака начинается с выдвижения, так при воздействии текста на читателя выделяются отдельные его участки и единицы, играющие ведущую роль в формировании смысла. По сути, современное понятие о надлиннейном выдвижении связано с более традиционным — ключевых слов текста, способствующих раскрытию содержания. Единицы, подлежащие выдвижению,

могут быть маркированы самым разным способом, оформлены в метафоры, кольцевые повторы и т.д., или же тщательно продуманная ритмика фразы может сообщать словам определенные стилистические особенности; наконец, слово может быть вообще не маркировано и выдвинется только в тесном взаимодействии с остальными ключевыми словами. Чтобы теоретический анализ выявил такие слова, он должен быть полным и обстоятельным. Практический путь короче: мы опрашиваем читателей, какие места в тексте показались им особенно яркими, и какие ассоциации они вызвали.

Чтобы понять исход битвы оригинала и перевода, пришлось прибегнуть и к теории, и к практике.

Оригинал

Как в точности вела себя Геттисбергская речь, «наступая» на сознание реципиентов, мы узнать не можем: первых слушателей, для которых он непосредственно предназначался, давно нет в живых. Это, впрочем, не мешает исследователям рассуждать о стратегии автора.

Как отмечает М. Берди, сегодня почти дополненно известны участки текста, над которыми Линкольн работал с особым усердием — в основном это мысли, которые встречались в предыдущих выступлениях президента, но в менее отточенной формулировке. Логичным будет предположить, что именно эти слова и словосочетания рассматривались автором в качестве сильных, ключевых позиций. Таковы: «библейский» зачин *Fourscore and seven years ago; for those who here gave their lives; The world will little note, nor long remember, what we say here, but it can never forget what they did here; It is altogether fitting and proper that we should do this; ...under God...*²

² Здесь и далее слова и словосочетания, которые выделил W. Safire в статьях: Lincoln's '80-odd', only better. "New York Times", 10.02.03; The Greatest Words, Through The Millenia. "New York Times", 19.04.99.

¹ Лотман Ю.М. О содержании понятия «художественная литература» // Избранные статьи. Т. 1. — Таллинн, 1992. — С 204.

В разряд ключевых позиций придётся отнести и аллюзии на другие произведения. Линкольн обращается к двум прецедентным текстам: первый — речь священника Теодора Паркера (1850 год), в которой прозвучало определение демократии *government of the people, by the people, for the people*; возможно, что президент совершенно осознанно ссылался на отца американского аболиционизма, в чьих проповедях, как и в Геттисбергском послании, фигурировала идея равенства всех людей перед Богом. Впрочем, У. Сафайр полагает, что к 1863 году о Паркере уже мало кто помнил, и аллюзия, скорее всего, не имела должной силы — и всё же данная фраза в речи Линкольна является ключевой, хотя бы за счёт стилистического повтора.

Второй прецедентный текст — это, несомненно, Библия, хотя к явным библеизмам можно отнести только возвышенные *fourscore, brought forth, created u shall not perish*. Правда, этими единицами не исчерпывается смежная тема — религии, религиозного обряда, особенно заметная в цепочке *dedicate... consecrate... hallow this ground*. Обращает на себя внимание и линия «зачатия — рождения — жизни — смерти — возрождения» (на данном этапе попробуем рассмотреть её отдельно от Священного Писания); таким образом, в ряд ключевых позиций нам придётся включить элементы *brought forth; conceived; created; final resting place* вплоть до *new birth of freedom*.

К этим словам придётся прибавить члены явных параллельных конструкций: так, благодаря почти полному параллелизму окружения выдвигаются *unfinished work* и *great task*. Очевидно значимым является повтор слова *devotion*.

Вышеперечисленные словесные единицы мы представим как воинские подразделения, выдвинувшиеся на рубеж атаки. Теперь посмотрим, кто противостоит им на переднем крае.

Перевод

В отношении текста перевода у нас было преимущество — мы могли куда точнее измерить его «боевую мощь», опираясь на современного реципиента (выше В. К. Ланчиков отмечает, что текст не избежал лёгкой адаптации именно под современного читателя). Чтобы установить, как воздействует и воспринимается перевод, мы выбрали методику отчасти сродни той, что используют при составлении так называемых ассоциативных словарей (испытуемый должен привести ассоциацию на стимульное слово), с одной лишь разницей: стимулы он должен выделить сам — из предлагаемого текста перевода. Задача (на данном этапе) формулировалась так: найдите в тексте яркие слова и словосочетания. 20 читателей, которых мы привлекли к эксперименту, либо получают высшее образование по гуманитарным специальностям, либо недавно окончили вуз и работают в гуманитарной сфере. Мы решили, что, во-первых, читатели должны обладать некоторым образованием (художественный текст, как правило, на это рассчитан) и, во-вторых, «гуманитарии», в сравнении с «технарями», в данном случае проявят больше интереса и меньше смущения. Однако даже в данной группе испытуемые плохо поняли задачу — пришлось нам самим выделить три элемента из текста; мы выбрали: *дали жизнь новой нации — нации, зачатой в свободе; зачатая; последнего упокоения*, оговорив, что испытуемый вполне может выбрать не эти, а какие-либо другие яркие слова и словосочетания. Обойтись без столь явной подсказки не получилось, но будем считать, что об этих трёх сильных позициях «доложила разведка».

Таким образом, отрядам исходного текста *brought forth, conceived* противостоит тактическая группа *дали* (18) *жизнь* (17) *новой* (15) *нации* (15) — *нации* (14), *зачатой* (16) *в* (15) *свободе* (16) (в скобках указано, сколько раз это слово было выделено испытуемыми; на карте участок обозначен

Текст и его окрестности

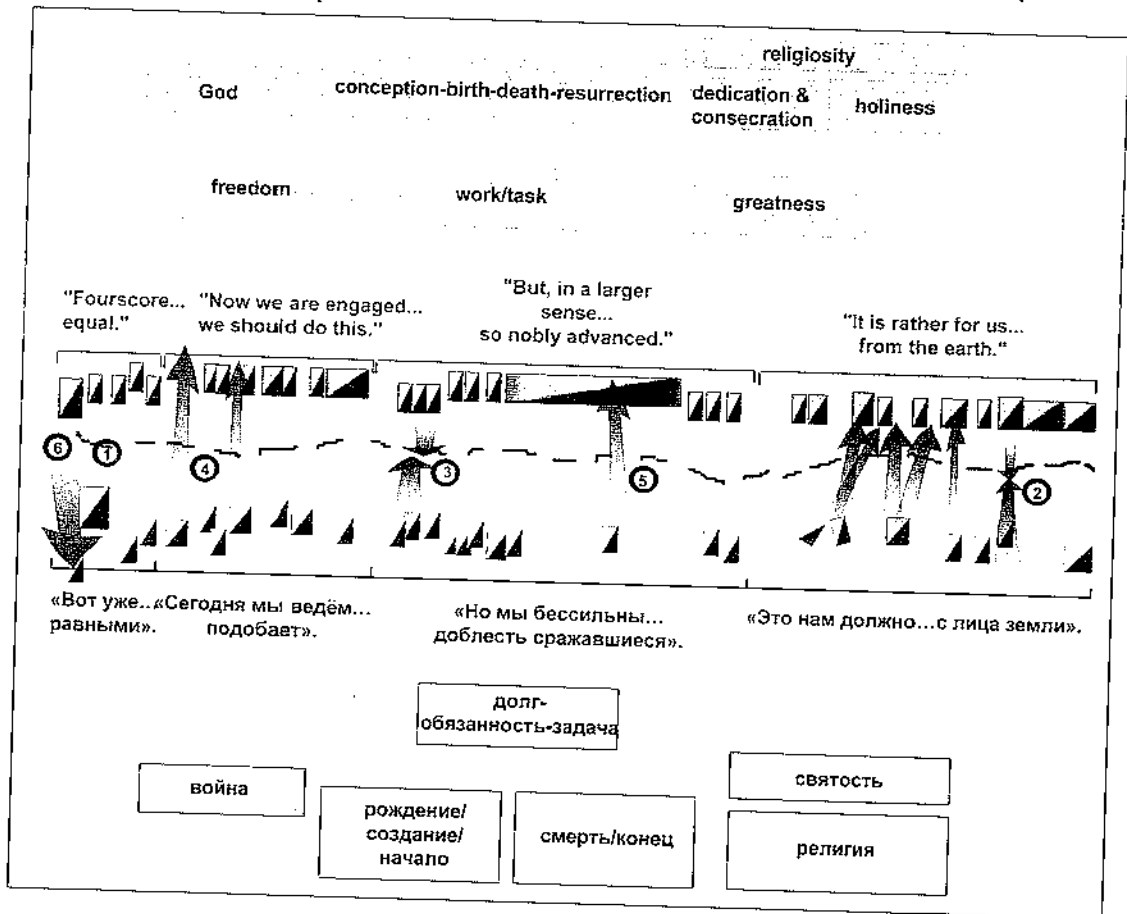
МОСТЫ журнал переводчиков • С.А. Алексеев

цифрой ❶). Столь же крупные силы (заметим: уже без подсказки!) испытуемые выставили на другом фланге: *узрела* (9) *рождение* (14) *свободы* (13) против *new birth of freedom* (см. ❷).

На участке ❸ *dedicate...consecrate...hallow* бой разыгрался не на шутку: с русской стороны выдвинулись части *воздать* (9) *достойные* (9) *почести* (9); *освятить* (10) *эту* (7) *землю* (9); *святыней* (10). Причина, казалось бы, очевидна – «высокий штиль» входящих сюда слов; видимо, потому же на передний край вышли *долг* (12) – против *fitting and proper* (участок ❹); *подвигов* (10); *труда* (8); *с* (13) *честью* (13) (12). Фраза *гремела* (11) *одна* (7) *из* (7) *величайших* (8) *битв* (12), соединившись в *великую* (5) *гражданскую* (7) *войну* (8) – участок П – даже создала на русской стороне определённый перевес.

Однако выдвижение коснулось и почти нейтральных элементов, например, *отдал* (13) *здесь* (13) *свои* (13) *жизни* (13). На продолжение фразы – *...ради жизни нашего народа* – испытуемые почему-то реагировали менее активно, притом, что учёные наверняка отметили бы яркий повтор (жизни). Есть вероятность, что на читателя сильнее воздействовал другой параллелизм: *дали жизнь* – *отдал...жизни*. Вообще, результаты эксперимента обнажили тот факт, что выдвижение элементов текста зависит не только от их синтаксической роли и стилистической окраски: так, в сочетании со словом *бессильны* «сильным» оказалось вовсе не повторяющееся слово, а его окружение.

Наш опрос подтвердил и то, на что указывал в своей статье сам переводчик

(см. выше): «библейский» фланг оригинала (*Fourscore...ago*, ⑥) остался открытым, хотя не может не радовать присутствие небольшой группы сил *отцы* (6) *наши* (4) — возможно, благодаря инверсии. В остальном дислокация первого эшелона с той и с другой стороны оказалась сходной. Но для полной уверенности следует убедиться в том, что текст перевода адекватно передаёт и смысл оригинала. Для этого придётся построить второй, невербальный, эшелон.

Развёртывание

Околовоенный термин «развёртывание» также нашёл своё место в лингвистике. Развёртыванием (ассоциативным или ассоциативно-смысловым) называют процесс построения в сознании читателя ассоциативной структуры текста, служащей непосредственно для формирования художественного смысла³. Ассоциативность долгое время понималась учёными как свойство текста; теперь её предпочитают искать в отдельных словах⁴: выясняется, что слово «укокошить» может порождать в умах «кока», «Кука» и «кокошник», а «охламон» — «хламиду», «хлам», «хохму» и др.⁵. Что это означает? Что столь ассоциативно нагруженные слова, скорее всего, выдвинутся на передний край. Но всегда ли автору важен «горох» в «огорошить» или — вернёмся к нашему тексту — «предать»/«отдать» в слове «преданность»? Вывод один: вербальные единицы в тексте привязаны к более или менее конкретным ассоциациям, образам и смыслам, число которых ограничено. Без поддержки хорошо организованного ассоциативно-смыслового эшелона, равно как и чёткого взаимодействия с ним, словесная «пехота»,

даже обладающая мощнейшим ассоциативным арсеналом, будет обречена.

Заметим также, что расставить вербальные единицы немного не так, как это сделал автор оригинала, наука переводчику не запрещает. А вот к составу второго эшелона — т.е., по сути, к переданному художественному содержанию — естественно, предъявляются более жёсткие требования.

Оригинал

Если есть на свете непосильная задача, то это — выделить из текста все смыслы, которыми он наполнен. Во-первых, Геттисбергская речь содержит информацию вроде: тогда-то и там-то возникла новая нация, сейчас она ведёт гражданскую войну, мы должны почтить павших и впредь не забывать их подвиги и т.д. — это буквальное содержание речи, совпадающее в оригинале и переводе. Во-вторых, этот текст о достоинстве, храбрости, скорби, надежде, он должен был вызывать у слушателя патриотические чувства, гордость за страну и т.д. Это тоже часть содержания, его эмоционально-оценочный компонент, который выражен уже небуквально; но беда в том, что наличие эмоций/оценок и художественность текста — не одно и то же. Чтобы текст был художественным, смысловых планов должно быть гораздо больше.

Какие же невербальные смыслы пытался сообщить слушателю оригинал? Прежде всего, это уже упоминавшаяся линия CONCEPTION-BIRTH-LIFE-DEATH-RESURRECTION, существующая не самостоятельно, но в библейском контексте — жизни Христа. С Библией также связаны и темы Бога (GOD), религиозного обряда освящения (DEDICATION-CONSECRATION), святости (HOLINESS). В разряд тех же невербальных ассоциативных смыслов переходит и свобода (FREEDOM/LIBERTY), возможно, также через скрытую аллюзию на проповедь Т. Паркера. И в буквальном содержании, и в подтексте проявляются темы труда и задачи (WORK-

³ Васильева А.А. Лексический аспект ассоциативного развёртывания поэтических текстов О.Э. Мандельштама. Автореф. дис...канд. филол. наук. — Томск, 2004. — С. 4.

⁴ Тенденция не нова: вспомним знаменитое «стол» — «стлать» («стелить») А. А. Потемки.

⁵ Примеры из: Глогова Н. Б. Семантизация мотивированных слов носителями языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2003. — С. 17.

TASK), связанные с такой же «сквозной» темой величия (GREATNESS). Из этих тем-концептов и состоит второй эшелон нашего «условного противника».

Перевод

Ещё раз напомним, что участники проведённого нами эксперимента не были филологами-теоретиками – запросто требовать от них выделить ассоциативный подтекст мы не могли. Задача ставилась проще: объединить сначала те «яркие слова и словосочетания», которые «вызывают общую ассоциацию», затем те, которые «относятся к одной теме», указав эти «ассоциации» и «темы». Было предложено ещё несколько оснований для группировки: «слова схожи по смыслу или являются синонимами», «слова схожи по звучанию», «группа слов, в скрытой форме, цитирует другой текст».

Естественно, что не все реакции были строго ассоциативными. В ответах встречаются и просто описание буквального содержания, и эмоции, и оценка, а иногда – и попытка проанализировать текст; одни реагировали сочетаниями слов (например, «самозабвенный патриотизм и героизм»), другие максимально кратко («США»; «рыцарство» и т.д.). Бессмысленно было ратовать за то, чтобы второй, ассоциативный, «эшелон» был так же строен и единообразен, как вербальный первый. Но определённая закономерность обнаружилась и здесь.

Наиболее последовательно реакции испытуемых соотносились именно с концептами РОЖДЕНИЕ/СОЗДАНИЕ/НАЧАЛО (16) и СМЕРТЬ/КОНЕЦ (16). В первый, помимо самого популярного ответа *рождение* (5), вошли варианты: *зарождение жизни; новая жизнь; зачатие; создание* (государства, нации); *воспроизводство* и т.д.. Второе тематическое поле включало в себя *смерть* (9), а также *уход из жизни, гибель солдат*, подтему *похороны* и т.д. Возникла и смежная тема: *бессмертные подвиги погибших*.

Не менее чётко испытуемые очертили и тему ВОЙНА (14) – с вариантами реакций *ход войны; войны; битва*. Отрицать, что и в оригинале имеется концепт WAR, мы не станем, но, справедливости ради, сосчитаем слова, которые можно было бы отнести к нему – их всего четыре: *wag, battlefield, struggled* и *fought*. Ничего странного: для слушателей Линкольна война была актуальной действительностью, зато образ нации – погибшей на этой войне, но воскресшей – был гораздо важнее. Переводчику же пришлось актуализировать контекст войны, чтобы «погрузить» в него читателя. Вероятно, этим объясняется «перевес» отдельных участков русского текста по сравнению с английским (не просто «великая битва», а «гремела одна из величайших битв»; не «достоинство», а «доблесть» и т.д.).

Испытуемые также вывели концепты ГЕРОИЗМ (5) и ПАТРИОТИЗМ (4) – хотя, как упоминалось выше, данные смыслы с точки зрения ассоциативности не так уж важны. Теме GREATNESS противостоит немногочисленный «отряд» ВЕЛИЧИЕ (3) – *величие, великий народ, великое дело*. А вот тему WORK/TASK на русской стороне встретили совершенно неожиданным образом. Из ответов испытуемых сложилась несколько иная линия обороны: ДОЛГ-ОБЯЗАННОСТЬ-ЗАДАЧА (7). Для русского читателя *долг* оказался важнее «труда», о чём можно судить и по наметившимся смежным темам: *долг – служение* (долгу, стране), *самоотверженность, рыцарство, долг и честь* и т.д. Но если вспомнить о той почётной роли, которая отводится труду в протестантских культурах по сравнению, например, с православными, – такой расклад сил вполне объясним.

РЕЛИГИЯ (8) тоже была выделена отдельным концептом, включающим и подтему СВЯТОСТЬ (*святой; святыня; освящение*). Слово «Библия» в ответах не встретилось; зато мы получили весьма любопытную группу реакций, относящихся не к содержанию текста, а скорее к его

форме. В отдельных моментах русского перевода кто-то из респондентов увидел сказание и даже былинный сказ. Были также замечены: *возвышенный стиль; официальная речь; пафос; провозглашение*. Некоторые испытуемые указали на целевую установку, обозначив тему НАПУТСТВИЕ (3). Но прямой связи этого напутствия со Священным Писанием, — того, о чём говорили исследователи Геттисбергской речи, проследить всё же не удалось.

Итоги

Ещё немного об ассоциативности: говоря о тексте, человек, не испорченный наукой, скорее представит себе тонкую линию, нить (повествования), иногда клубок, в который эта нить закручивается, — одним словом, нечто линейное и о двух концах. Стоило разрушить привычную метафору и нанести текст на плоскость военных карт, как он сразу же ожил, выстроился в колонны и эшелоны, появилась динамика и, как следствие, прояснились цели и задачи, стратегия и тактика. Брошенные друг против друга, обе версии речи Линкольна достойно проявили себя. Естественно, что в подобной битве перевод всегда будет занимать оборонительную позицию: будь русский текст богаче по выразительности (см. наш «первый эшелон») или же по смысловой нагрузке («второй эшелон»), это, как мы уже отмечали в начале статьи, был бы вольный пересказ или адаптация. В нашем случае сильнее оказывалась то одна, то другая сторона, компенсируя свои бреши на других участках фронта.

И всё-таки между двумя версиями есть различие, безусловно заслуживающее внимания. На плоскости планшета оно не очевидно — вероятно, потому, что рисуя расположение сил оригинала, мы не смогли нанести на неё ничего похожего на подразделение, озаглавленного «BIBLE». Почему? Потому что Библия — это никакой не смысловой концепт, а целый текст, существующий в культуре незави-

симо от текста Геттисбергской речи. Он лежит в параллельной плоскости, при этом тесно взаимодействует с обоими геттисбергскими «эшелонами»: через библеизмы — с вербальным, через тему смерти и воскресения — с ассоциативным. Библейская тематика у Линкольна — это своего рода поддержка с воздуха. Аналогия имеет некоторые основания: очень часто именно авиация оставляет за собой право первого удара (вспомним *Four score...*, открывающее английский текст). Но любой военный скажет, что даже столь сильный козырь не определяет исхода боя. А значит, шансы равны.

Дальнейшее

Принято думать, что суффикс *pic-* (*peacenic, beatnic* и т.п.) попал в английский язык после запуска первого советского искусственного спутника в 1957 г. Однако на самом деле это событие лишь способствовало более широкому распространению суффикса, появился же он в английском языке несколько раньше. Свидетельство тому имеется в письме известного американского писателя и критика Э. Уилсона В. Набокову (3 июля 1945 г.) Находясь после окончания II Мировой войны в Италии, Уилсон делился с Набоковым своими наблюдениями и прогнозами относительно состояния английского языка. Он считал, что, подобно тому, как после упадка Римской империи латынь переродилась в итальянский язык, так и классический английский язык сменится американским вариантом, причём до примитивности упрощённым ("a basic or pidgin form of American"): "If mass propaganda and mechanical warfare go much further, that will be all that there will be left — perhaps with a few Russian words like *сейчас, пятилетка* and *alrightnik* (do you know this wonderful word, used on the New York East Side?)"

Другое заблуждение такого рода касается происхождения слова *bistro* — *bistro(t)*. Распространено мнение, будто это слово происходит от русского *быстро*, занесённого во Францию русскими войсками в 1815 г. Но, как отмечается в классическом словаре Брюера ("Brewer's Dictionary of Phrase and Fable"), слово *bistro* появилось во французском языке не раньше 1884 г. Возможная этимология этого слова, согласно словарю Брюера, такова: "It may possibly be derived from *bistouille*, rot-gut liquor, served in such a café".

Блеск и нищета научно-технического перевода

Е.К. Масловский

Общий взгляд на состояние дел

Сегодня научно-технический перевод в России находится в глубочайшем кризисе, требующем безотлагательного принятия антикризисных мер. Хотя стеллажи книжных магазинов буквально ломятся от изобилия манящей блеском своих обложек безумно дорогой переводной научно-технической продукции (в особенности, компьютерной), качество этого товара зачастую оказывается настолько обескураживающим, что вдумчивому читателю нередко приходится с помощью собственной интуиции мысленно восстанавливать безнадежно испорченный недобросовестным переводчиком текст оригинала. Переводная халтура в технической сфере, к сожалению, становится привычной нормой.

Пронсходит это, в основном, потому, что заказчик, захлестываемый потоками иноязычной информации, жаждет получить нужный ему перевод побыстрее и подешевле, а безответственный «дешевый» исполнитель «гонит вал»; при этом заказчик не всегда понимает, чем отличается хороший перевод от плохого, а «переводчик-валовик» абсолютно не способен к самооценке результата своего «творчества». В таких условиях о тщательной проработке новой технической терминологии и говорить не приходится. Ну, разве найдется у вечно спешащего «переводчика-валови-

ка» время на копание в толковых словарях, географических атласах, энциклопедиях в поисках корректных русскоязычных эквивалентов? Вот и появляются на свет несуществующие города, герцогства, штаты; перевираются хорошо известные специалистам фамилии и внезапно меняют свой пол иностранные авторы; «изменение масштаба изображения» становится «зумингом», «пробуксовка» — «трэшингом», «чередование» — «интерливингом», «действие» — «экшеном», «поставщик услуг» — «провайдером», «консультативные услуги» — «консалтингом», «заплата — пачем», «подключаемая программа» — «плагином», а там, глядишь, пожалуй «компьютинг», «рекордер», «пиринг», «документинг», «экзаунтинг» и прочие абсолютно бессмысленные транслитерации.

Так что же препятствует сегодня формированию цивилизованного рынка высококачественных переводческих услуг? Недостаток добросовестных переводческих фирм? Избыток переводчиков, берущихся не за свое дело? Дефицит толковых инженеров? Низкая производительность переводческого труда? Отсутствие нужной словарной и справочной литературы? Или во всем виноваты дефекты преподавания иностранных языков в средней школе и технических вузах?

Как это было... (предыстория в цитатах)

Для поиска ответа на поставленные вопросы попробуем заглянуть в наше недавнее прошлое, когда в СССР ежегодно официально переводились сотни тысяч издательских листов научно-технической литературы и документации с нескольких десятков иностранных языков на русский и с русского языка на множество иностранных¹; и, судя по публикациям той эпохи, дела шли совсем неплохо: во всяком случае, «цели были ясны, задачи определены»...

Так, в предисловии к вышедшей в 1962 г. очень своевременной и не устаревшей до сих пор книге А.Л. Пумпянского² (на которой, я убежден, многому научились и продолжают учиться инженеры, активно занимающиеся переводом научно-технической литературы в самых разных областях науки и техники) чл.-корр. АН СССР И.М. Эмануэль писал:

«Новая Программа КПСС предусматривает дальнейшее развитие высшего и среднего специального образования... расширение и совершенствование сети научных учреждений. Поэтому столь важным является создание эффективной системы изучения иностранных языков, открывающей доступ к важнейшим материалам мировой научной и технической литературы».

Это было сказано 43 года назад, но свидетельствует о том, что развитие переводческого дела в стране было государственной заботой, нацеленной на «образцовую постановку научно-технической информации, всей системы изучения и распространения отечественного и зарубежного передового опыта». С отечественным опытом все было понятно, однако вряд ли можно было рассчитывать на успешное освоение зарубежного передового опыта в обстановке, которую А.Л. Пумпянский характеризовал следующим образом:

¹ Ванников Ю.В., Кудряшова Л.М., Марчук Ю.Н. и др. Научно-технический перевод. — М.: Наука, 1987.

² Пумпянский Л.А. Чтение и перевод английской научной и технической литературы. Фонетика, грамматика, лексика. — М., Изд-во АН СССР, 1962.

«Научные сотрудники и инженеры знакомятся с зарубежной литературой по своей узкой специальности, иногда очень слабо владея иностранным языком. Усвоив несколько элементарных грамматических правил и вооружившись словарем, они могут приблизительно понять, о чем идет речь в статье, так как существует целый ряд интернациональных терминов, характерных для научной и технической литературы... Однако вопросы перевода научной и технической литературы почти не исследованы».

В то же время огромные ресурсы тратились на разработку систем машинного перевода, хотя на тот момент подобные системы уже были признаны за рубежом перспективной сферой капиталовложений; зато здесь можно было надеяться оказаться «впереди планеты всей». Однако на этом стратегическом направлении научно-техническому переводу повезло в том плане, что отработка теоретических основ построения систем машинного перевода, на которые возлагались большие надежды по преодолению эффектов «информационного взрыва», имела смысл только применительно к техническим текстам, а для работы с ними уже недостаточно было усилий одних лишь филологов, лингвистов и лексикографов.

В ответ на этот «вызов» в конце 1960-х годов начались поиски комплексного решения проблем подготовки специалистов по техническому переводу, стали появляться учебные программы и пособия, ориентированные на разные уровни обучения. И уже через 10 лет в одном из таких пособий, предназначенных для школ с преподаванием ряда предметов на английском языке³, 33 года тому назад говорилось: «По мере неуклонного увеличения объема поступающей информации растет потребность в переводчиках для ее обработки... Многолетняя практика показала, что ученики IX—X классов в состоянии подготовиться к выполнению обязанностей технических переводчиков для служб информации, причем такая подготовка имеет общеобразовательное значение». Видимо, под «общеобразовательным

³ Чебурашкин Н.Д. Технический перевод в школе. — М., Просвещение, 1972.

значением» понималась необходимость устранения той крайне неприглядной ситуации с «языковым багажом» инженеров, о которой писал А.Л. Пумпянский.

А еще через 15 лет, в 1990 году, то есть 18 лет назад, рапортовал о своих успехах Всесоюзный центр переводов (ВЦП) научно-технической литературы и документации ГКНТ и АН СССР:

«Развитие и совершенствование научно-технического перевода как вида информационной деятельности происходит в трех основных направлениях: научном, прагматическом и кибернетическом. Центральной задачей... создаваемой на наших глазах теории научно-технического перевода, является изучение и систематизация переводческих ситуаций, прагматических функций перевода и видов переводческой адекватности. Именно от решения этих общих вопросов зависит решение таких конкретных практических задач, как рационализация переводческой деятельности, нормирование переводческого труда, повышение квалификации и профессиональная категоризация переводчиков. Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР как головная организация страны по научно-техническому переводу и разработке систем машинного перевода ведет активные работы во всех названных выше трех направлениях».

В 1970-х годах мне довелось выполнять в ВЦП очень много весьма интересных переводов, результаты которых нередко использовались потом и мною, и моими коллегами по научной и учебной работе и через 20 лет. (Ну, чем не распространение передового зарубежного опыта?) А когда приходилось выполнять работу по редактированию, я не мог понять, как на внештатном поле этой высокоавторитетной переводческой организации удавалось пастись стадам откровенных халтурщиков, которых переводные издательства даже на порог не пустили бы.

Теперь объяснение найдено: просто в рамках «прагматического направления» определение понятия «переводчик научно-технической литературы», данное головной переводческой организацией СССР, изначально предполагало *отсутствие* у субъекта определения высшего технического образования (*курсив мой*): «Юноши и девушки, по окончании вуза связавшие свою судьбу с научно-техническим переводом, имеют в виду нечто сов-

сем другое, чем овладение *впоследствии* научно-техническими знаниями, и в тот момент не чувствуют призвания к точным наукам, считая себя *гуманитариями*. Однако, придя в сферу НТИ, они уже на практике постигают, *начиная с азов*, те знания, которые им необходимы в процессе непосредственной работы. К сожалению, тот минимум знаний по научно-техническому переводу, который они получают в вузе, очень мало реализуется ими в практической работе. Самый реальный срок для формирования молодого специалиста как переводчика технической литературы – 2 года работы под наблюдением опытных переводчиков... *Переводчик технической литературы дополняет знания инженера*, повышает его квалификацию, *передает ему* мировой научно-технический опыт и создает для него предпосылки применения на практике основных достижений научно-технического прогресса... Этот труд... *включает в себя... подбор соответствующих эквивалентов научно-техническим терминам*».

С вышеприведенным определением технического переводчика невозможно согласиться в принципе, поскольку на самом деле перевод научно-технической литературы – это та сфера переводческой деятельности, где профессиональное выполнение работы возможно только ответственными квалифицированными специалистами с высшим техническим образованием, которые хорошо знают предметную область и ее специфическую терминологию, в достаточной мере владеют иностранным языком и (что самое важное) умеют грамотно излагать свои мысли на языке перевода (не уходя от сути и стиля оригинала). Дополнять знания инженера, а уж тем более «подбирать» для него новую специальную терминологию не в состоянии никакой переводчик-гуманитарий, поскольку сам постоянно нуждается в консультациях технического специалиста. Лично я больше 20 лет работал как внештатный переводчик, титульный редактор и составитель словарей с ведущими издательствами Москвы («Мир», «Машиностроение», «Радио и связь», «Русский

язык») и всегда сталкивался с трудностями формирования коллективов переводчиков даже в среде технических специалистов, в том числе с кандидатскими и докторскими степенями. При этом ни одна попытка привлечения переводчиков-гуманитариев по чьей-то рекомендации не удавалась, что легко объяснимо. Ведь научно-технический перевод — это не только род занятий, но еще и особый образ мышления, и автоматическая привычка к анализу причинно-следственных связей, что крайне важно для раскручивания переводческих головоломок, которые порою существуют не только по причине некачественного оригинала, но и в силу технического жаргона, бытующего в каждой предметной области технической литературы.

Вместе с тем, сегодня трудно найти какую-либо сферу жизни мирового сообщества, в которой люди не использовали бы плоды труда технических переводчиков. Если это не специальная переводная литература, призванная двинуть вперед дело технического прогресса, не документация по приобретенному с большим усилием для семейного бюджета компьютеру и не описание какого-нибудь навязанного рекламой импортного чуда техники, то, на худой конец, инструкция по эксплуатации неизбежной на кухне пресловутой задорновской «пмпочки», по которой надо ударить «кувылдошкой». Процесс всеобщего обмена огромными потоками научно-технической информации интенсифицируется растущими масштабами глобализации экономики и европейской и международной стандартизации. Насколько технические специалисты готовы принять, понять, перевести и воспринять эти потоки информации, не знаящие границ?

На что надеемся?

В течение последних 50 лет мы торжественно (и гордо?) констатируем тот факт, что у нас в стране учебные заведения технических переводчиков не готовят (что действительно невозможно в принципе), а для инженеров не существует курсов повышения квалификации, на которых они могли бы совершенствовать свои языковые

знания по профилю своей профессии. Это всегда считалось почему-то убедительным оправданием существования некондиционной переводческой продукции массового потребления, маскируемой различными псевдонаучными категоризациями переводов («черновой», «пословный», «сокращенный», «непубликуемый», «рабочий», «подстрочный» и т.п.), которые сильно смахивают на узаконенные «дефектные ведомости» нашего доблестного автомобилестроения, и в переводе научно-технической литературы и документации просто недопустимы. Хотя для теории машинного перевода, поглощавшей львиную долю интеллектуальных ресурсов лингвистов и лексикографов до начала 1960-х годов, такая формализация безусловно необходима.

Первые отечественные коммерческие системы машинного перевода (СМП) появились в начале 1990-х годов и, как и следовало ожидать, не смогли составить конкуренции живым переводчикам, поскольку ни в то время, ни позже не дали «удовлетворительного по качеству машинного продукта, редактирование которого сопоставимо по затратам с редактированием человеческого перевода».

Наивные надежды на школы с преподаванием ряда предметов на иностранном языке как на кузницу «вспомогательных» технических переводчиков тоже не оправдались, да и не могли оправдаться; во-первых, потому, что школьникам со знанием иностранного языка еще надо приобрести инженерную специальность и лет пять накапливать требуемый переводческий опыт, а во-вторых, знание иностранного языка совсем не означает знания языка родного: если будущий инженер (в отличие от филолога) не освоил его в школе, то опоздал уже навсегда.

Наблюдения за участниками ближнеконкурсов молодых переводчиков, проводимых дважды в год Союзом переводчиков России совместно с факультетом иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова среди студентов и выпускников вузов в рамках Международной выставки «Иностранные языки плюс», показывают, что большинство из них лишь на конкурсе

впервые всерьез занимается словарной работой (большое число подходов к столу с «бумажными» словарями и компьютеру с электронным словарем явно не соответствует весьма умеренной сложности переводимых текстов). Только там сталкиваются они и с такими переводческими «барьерами», как незнакомая терминология, специфическая фразеология, бесконтактные фрагменты и др.; и при этом для английского, немецкого и французского языков картина оказывается абсолютно одинаковой. Кроме того, следует отметить почти полное отсутствие интереса к языковым конкурсам со стороны студентов технических вузов, видимо, по причине свойственного им комплекса «языковой неполноценности», а это уже говорит о том, что рутинный схоластический процесс преподавания иностранных языков в технических вузах нуждается в серьезной перестройке. В противном случае не смогут у нас появляться так нужные сегодня авторы словарей, касающихся технических сфер, где наше отставание исчисляется несколькими десятками лет (например, в области физики отказов, компьютеризации технического обслуживания сложного производственного оборудования и др.).

Новые времена

С тех пор как проблемы научно-технического перевода в нашей стране впервые были признаны заслуживающими серьезного внимания, минуло почти полвека. Уже более десяти лет как распалось государство, которое это внимание уделяло, а поставленные задачи в сфере обучения технических специалистов техническому переводу остаются, как и прежде, нерешенными, хотя учебные пособия по этой части множатся возрастающими темпами, а в ряде технических вузов появилась и дополнительная образовательная программа «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»⁴. К сожалению, в

большинстве случаев новые пособия оставляют желать лучшего, поскольку либо представляют собой обычные сборники технических текстов, либо связаны с преподаванием основ научно-технического перевода лишь своим названием. Однако отрадно видеть, что в одном из наиболее близких к потребностям практики учебном пособии по английскому языку наконец-то особо подчеркивается для всех учащихся недопустимость плохого качества технического перевода: «...переводчик может понести и материальную ответственность за ущерб, возникший из-за плохого качества перевода. Если же безответственно выполненный перевод влечет за собой значительный материальный ущерб или тяжелые последствия для здоровья людей, то переводчик может быть привлечен и к уголовной ответственности»⁵.

В рамках бурных дискуссий, ведущихся, например, в Интернете на переводческом форуме «Школа технического перевода» Ассоциации лексикографов Lingvo (www.lingvoda.ru/forum)⁶, итоги последних пятидесяти лет оцениваются научно-техническими переводчиками с многолетним стажем весьма категорично:

- Госкомитет СССР по науке и технике допустил полный развал работы по отбору и переводу иностранной научно-технической литературы. Развитие научно-технического перевода перестало быть государственным делом.

- Наши технические вузы выпускают неполноценных специалистов, которые в большинстве случаев не знают ни одного иностранного языка, а преподаватели иностранных языков работают по древним методикам или (если вводят что-то новое) — как нелегалы.

⁵ Айзенкоп С.М., Багдасарова Л.В., Васина Н.С., Глушенко И.Н. Научно-технический перевод. Английский язык. Для школ и лицеев. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. — Ростов-на-Дону, «Феникс», 2003.

⁶ Совместный проект Союза переводчиков России и хорошо известной в переводческом сообществе российской компании ABVY Software Ltd.

⁴ Полякова Т.Ю., Синявская Е.В., Селезнева Г.А. Достижения науки и техники XX века. Учебное пособие по английскому языку для студентов технических вузов. — М., «Высшая школа», 2004.

• Все попытки лингвистов заниматься техническим переводом при отсутствии соответствующих базовых инженерных знаний и опыта собственных публикаций, сводятся в итоге к пословному переводу, который непригоден даже для редактирования специалистами. А инженеру для профессионального выполнения технического перевода требуется, прежде всего, авторская компетенция, но достаточно довольно скромных пассивных знаний иностранного языка.

• Современный российский рынок переводческих услуг отличается необычайной хаотичностью, крайне низким уровнем оплаты переводческого труда и полной беззащитностью переводчиков перед работодателем как в финансовом, так и в правовом аспектах — из-за отсутствия официальных стандартов, норм и цивилизованных правил поведения участников рынка.

• Объективные методы оценки качества научно-технических переводов и переводчиков отсутствуют. Единственным действующим механизмом отбора переводчиков до сих пор остается пробный перевод, который в современных условиях взаимодействия по электронной почте и коллективного выполнения переводческих проектов всегда может быть выполнен подставным лицом.

«Спецы» и «профи»

Анализ переводческих дискуссий на интернетовских форумах позволяет также сделать вывод, что армия «фрилансеров», выполняющих технические переводы, четко разделяется на два лагеря: один из них составляют инженеры, не имеющие языкового образования, а другой — «переводчики по диплому» без технического образования, самостоятельно постигающие «свою» предметную область технических знаний.

Первые (будем условно называть их «спецами») способны четко определить собственную переводческую специализацию и идентифицировать смежные области, хорошо ощущают опасность «чужой»

тематики и умеют не браться за нее. Вторые (назовем их для краткости «профи») не имеют четкого представления о границах собственной технической компетентности, считают отраслевые технические словари достаточным орудием переводческого труда, целиком полагаются на возможность консультаций со специалистами и в принципе готовы браться за любую тематику, по которой есть доступные словари.

«Спецы» убеждены, что «профи», имея поверхностное представление о том, что они переводят, занимаются явно не своим делом, и их нельзя допускать к техническому переводу без надлежащей оценки или подтверждения компетентности в соответствующей области технических знаний. Считают, что начинающего «спеца» намного легче научить грамотному техническому переводу, чем из «профи» сделать «спеца» при отсутствии технического образования, поскольку важную роль играет наличие опыта технического переводчика в написании научных отчетов, статей, докладов и т. п. Нетерпимы к проявлению дилетантизма в своей области знаний как со стороны «профи», так и своих коллег, и стараются отслеживать ее современное состояние. Согласны с тем, что преподавание иностранных языков в неязыковых вузах нуждается в коренном усовершенствовании, однако не верят в возможность такой «перестройки». Неконкурентоспособны на рынке переводческих услуг за пределами сферы научно-технического перевода и письменного перевода с русского языка и признают этот факт.

«Профи» признают профессионализм «спецов» только в роли квалифицированных консультантов и убеждены, что все плохие технические переводы делаются именно «спецами» из-за незнания ими родного языка, теоретических основ профессиональных коммуникаций, эквивалентных соответствий, вариантных соответствий и т. п. Убеждены, что обучить «спеца» всему этому намного труднее, чем «профи» с безупречным знанием иностранного языка самостоятельно разобраться в технической сути переводимого

оригинала. Положительно относятся к идее аттестации переводчиков, но плохо держат удар в дискуссиях со «спецами» по терминологическим тонкостям «оккупированной» предметной области, за развитием которой не имеют возможности следить вследствие недостатка технических знаний и времени. Согласны с тем, что преподавание иностранных языков в языковых вузах нуждается в коренном усовершенствовании, верят в возможность такой «перестройки» и выражают готовность к участию в этом процессе. Обычно связаны с постоянным работодателем, поскольку ни у фирм, переводящих научно-техническую литературу и документацию, ни у координаторов крупных переводческих проектов переводчики без высшего технического образования спросом не пользуются. Неконкурентоспособны на рынке переводческих услуг в сфере научно-технического перевода, но, как правило, не признают этого факта.

«Профи» любят определять технический перевод (для размежевания со «спецами») не как сокращенное обозначение научно-технического, а как деятельность, родственную труду технического персонала («обслужив»). К этой, по их мнению, не ответственной категории переводов они относят русификацию программных продуктов, маркетинговые материалы, инструкции по использованию бытовых приборов, рекламные листки, сопроводительные этикетки, фирменные слоганы и т.п. Между тем все это – тоже научно-технические материалы, перевод которых осложняется их бесконтекстностью, что требует от переводчика достаточно глубоких профессиональных знаний. Попробуйте, к примеру, перевести девизы известной во всем мире компании KEF, делающей высококачественные акустические стереосистемы:

Fresh ideas are what we breathe – but only obsession with detail can make them work

и

People who know sound, know KEF.

Вряд ли можно дать качественный перевод этих девизов, не зная предыстории этой фирмы, ее разработок и стратегии поведения в своем секторе рынка, где господствует жесточайшая конкуренция. Но именно такими переводческими «головоломками» и интересно искусство технического перевода, а его удачный конечный результат приносит переводчику не меньшее удовольствие, чем удачно сыгранная роль – актеру. Переводчику-дилетанту такое чувство недоступно, так как он вынужден не столько думать о творческом переводе, сколько маскировать за подбираемыми по словарю словами свое недостаточное знание предмета.

О качестве и смежных проблемах

Важная особенность нынешнего этапа научно-технического прогресса заключается в быстром расширении специальной терминологии в сфере высоких технологий и в ее взаимном проникновении из одних областей знаний в другие; в результате этого для перевода технической литературы и документации, например, по системам связи требуется одновременно использовать отраслевые и толковые словари по телекоммуникациям, радиоэлектронике, микроэлектронике, вычислительной технике, экономике и финансам, рекламе и маркетингу и нередко – по средствам массовой информации.

Когда нынешний инженер-электрик переводит публикацию по современной электроэнергетике, в ней вполне могут присутствовать почти в равных долях еще и микроэлектроника, и телемеханика, и техника безопасности, и компьютеризация, и обслуживание оборудования по текущему состоянию (в отличие от регулярных профилактик). Поэтому ему приходится работать сразу с десятком словарей, консультироваться со специалистами из смежных областей знаний, искать ответы на свои многочисленные вопросы в Интернете, а иногда и общаться практически в реальном масштабе времени с представи-

телями заказчика по электронной почте для уточнения и согласования терминологии. Этому всему кафедры иностранных языков технических вузов своих студентов, конечно же, не учат, тогда как инженеры-переводчики, не умеющие всего этого делать, у переводческих фирм спросом не пользуются (а ведь научить этому можно в течение пары лекций и одного практического занятия — были бы только учителя).

Между тем, развивать у будущих инженеров способности к научно-техническому переводу (как и интерес к собственным грамотным научным публикациям на русском языке) просто необходимо, чтобы не рождались в техническом вузе специалисты, похожие на умных уродцев, — с большой черепной коробкой, но без языка. Ведь сегодня техническому переводчику, выполняющему письменный перевод, приходится делать свое дело в крайне жестких условиях. Он должен получать и сдавать работу в электронной форме, работать в сверхбыстром темпе, гарантировать точность интерпретации специальной терминологии (которая часто оказывается новой), самостоятельно продираться сквозь джунгли бесконтекстных аббревиатур, иностранных наименований, непонятных единиц измерения, а также вносить правку по замечаниям заказчика (часто — вкусовую, а иногда и просто неграмотную).

Работодатель же устанавливает нынче сроки из расчета один день на 5–8 страниц для одного переводчика, но требует при этом обеспечения терминологической корректности и сохранения высокого качества перевода независимо от числа привлекаемых переводчиков. Между тем, редактирование неграмотных переводов — это тяжелейший труд, поскольку он требует параллельного чтения перевода и оригинала и всегда оборачивается для редактора серьезными потерями: текст перевода просто мешает и его приходится отбрасывать. Руководителям нынешних переводческих фирм неплохо было бы учесть этот факт; а для объективного рас-

чета стоимости редакторской работы (при «нормальных» переводчиках), я совершенно бесплатно предлагаю работодателям использовать выстраданную десятилетиями формулу:

$$P_p = 0,25 P_n \sqrt{N},$$

где:

P_n — тариф оплаты переводчика,

P_p — тариф оплаты редактора,

N — число переводчиков, выполняющих редактируемый проект.

В далекие советские времена издательства переводной научно-технической литературы платили за редактирование перевода в пересчете на стандартную машинописную страницу (28 строк через два интервала по 60 ударов в строке) около 80 коп. независимо от качества редактируемой переводческой работы; при этом собственный перевод редактора в расчет не принимался. В издательстве допустимой считалась правка до 30% текста. В противном случае договор издательства с недобросовестным переводчиком расторгался, и больше он в издательстве не появлялся никогда. Оплата его труда ограничивалась выданным в начале работы авансом в размере 60% от расчетной стоимости перевода, а перевод забракованной части завершался при этом, как правило, самим редактором — в связи с поджимавшими сроками, нарушение которых грозило издательству утратой приобретенных у зарубежного издателя оригиналов прав на издание перевода.

Проблема дефицита хороших переводчиков научно-технической литературы и документации особенно остра сейчас, и это признается всеми переводческими бюро, ибо практика выполнения крупных переводческих проектов показывает, что в лучшем случае среди сотни «технарей», убежденных в своем умении переводить, удастся найти в среднем лишь двух специалистов, действительно способных делать это профессионально. Этот «синдром двух

процентов» остается устойчивым на протяжении нескольких последних десятилетий, убедительно свидетельствуя о никудышном преподавании иностранных языков в неязыковых вузах и о назревшей революционной ситуации в методике их преподавания. Мои личные наблюдения показывают, что от моего внука, выбравшего очень серьезную техническую специальность, сегодня требуют «сдачу тысяч» по «инглишу» точно так же, как требовали 50 лет назад от студентов моего поколения; разумеется, с тем же нулевым эффектом для пополнения багажа языковых знаний. Проще говоря, по-прежнему, с каким знанием языка абитуриент приходит в технический вуз, с таким он и уходит в инженеры, если не «работает над собой» по собственной инициативе.

Как справедливо заметил Б. Н. Климзо⁷, «технический переводчик... приходит к переводу либо потому, что филологические задатки пересиливают его профессиональные амбиции (переводчики-инженеры), либо в силу жизненных обстоятельств, вынуждающих изменить профессию (переводчики-филологи). В любом случае технический переводчик делает себя сам». Поэтому целесообразно определить, наконец, что же такое «хороший технический переводчик»?

Во-первых, это переводчик, который «вылизывает» сделанный перевод до мелочей: выверяет имена, фамилии, географические названия, терминологические оттенки, предлагает переводы новых терминов, проверяет орфографию, заглядывает при необходимости во множество справочников, не сваливая все это на научно-технического редактора. В идеале — это такой переводчик, «из-под которого» редактор в случае дефицита времени может без большого риска отправлять готовый продукт заказчику.

Во-вторых, хороший переводчик всегда твердо знает, какая тематика далека от его специализации, и «не сядет не в свои сани» (лучше откажется или порекомендует кого-то другого).

В-третьих, для него нет 2-долларового, 5-долларового, 10-долларового или 20-долларового качества: если придется, то он даже бесплатную работу выполнит с максимально высоким качеством, на которое только способен.

В-четвертых, он считает «своими» те предметные области, за которыми постоянно следит в рамках своей профессиональной деятельности, чтобы не отстать от технического прогресса. Вот почему «профи» очень трудно стать еще и хорошим «спецом»: для этого ему потребуется фактически второе высшее образование — техническое; точно так же, как инженерам-переводчикам потребуется совершенствование своей «биллингвы», застревающей на школьном уровне.

И обязательное сегодня требование к техническому переводчику — достаточно высокий уровень компьютерной грамотности, в связи с чем особую важность для него приобретает решение проблем рациональной организации своего рабочего места и выбора эффективных средств автоматизации переводческого труда. Однако о каждой из этих проблем в отдельности мы продолжим разговор в последующих статьях.

ИЗБОРНОЕ ПИТАНИЕ

Качество переводов в данной стране — прямой показатель её культурного уровня. Оно так же показательно, как потребление мыла или процент грамотности.

(О. Мандельштам)

⁷ Климзо Б.Н. Ремесло технического переводчика. — М., «Р.Валент», 2003.

Малагу можешь ты не пить, но что-то знать о ней обязан...

(Гидам и переводчикам об испанских терминах виноделия)

Ю.А. Фролкова

Я с удовольствием путешествую по Испании, ибо в этой стране я чувствую себя так хорошо и комфортно, как нигде в мире. Помнится, семь лет назад группа российских туристов, в составе которой была и я, поехала на экскурсию в Кордову. Там нам организовали посещение нескольких винодельческих комбинатов. У нас был очень знающий гид Хуан-Мария Санчес-Торрес, который не только великолепно говорил по-русски, но и прекрасно знал историю и культуру своей страны, а также обладал потрясающим даром рассказчика. Однако он не давал перевода названий вин с испанского языка на русский и не смог донести до русскоговорящей публики, не владеющей испанским языком, этимологию названий испанских вин, объяснить, почему какое-либо вино называется именно так, а не иначе. Приведу цитату: «Андалусия славится своими винами. Я рекомендовал бы вам попробовать такие вина, как *Monjes, Sangre de Toro, Pago de los Capellanes, Palacio del Conde*».

Конечно же, русская публика быстро потеряла всякий интерес к рассказу гида, поскольку названия вин, о которых он говорил, были для неё пустым звуком. Я уверена, что если бы он дал хотя бы частичный перевод названий вин, немного углубился в их историю и этимологию, экскурсия прошла бы, несомненно, более интересно. Некоторое время спустя, когда мы возвращались на автобусе в гостиницу, многие туристы обратились ко мне с во-

просами относительно названий вин, их вкусовых особенностей. Я подробно ответила на все вопросы и дала им исчерпывающие, как мне показалось, комментарии.

Когда я приехала в Испанию на следующий год, то вновь отправилась с группой туристов на винодельческий комбинат «Los vinos de Rioja» («Вина Риохи»), где гид привёл множество фактов из истории виноделия в Испании. Отмечу, что Риоха считается одним из наиболее престижных винодельческих регионов Испании. Лучшие вина здесь получают на высоте 500–700 метров над уровнем моря. На качество винограда оказывают положительное влияние Атлантический океан и микроклимат, создаваемый рекой Эбро, в долине которой расположены виноградники. Благоприятные климатические условия дополняются тысячелетними традициями виноделия и современными технологиями производства.

Гид начал рассказывать о том, что вина Риохи имеют собственную классификацию в зависимости от времени выдержки:

Ховен (*joven*) — разрешено к продаже без выдержки на второй год после сбора урожая.

Крианца (*crianza*) — минимум один год в дубовой бочке. Продаётся через три года после сбора урожая.

Резерва (*reserva*) — выдержка в дубовой бочке минимум один год плюс два года в бутылках. Продажа разрешена на четвёртом году.

Как и в предыдущем примере, гид не упомянул о значении слов «joven» — «молодой», «crianza» — «выращивание, разведение, выдержка вина», «reserva» — «выдержка, выдержанность», поэтому я разъяснила российским туристам, что означают данные слова и почему они столь широко используются в винодельческой терминологии.

По прошествии некоторого времени я всерьёз задумалась над тем, почему бы не начать разрабатывать лингвистическую тему винодельческой терминологии. Ведь изучение этой темы будет интересно и полезно и студентам, изучающим испанский язык, и профессиональным переводчикам, поскольку без знания языковых реалий, и проблем, связанных с национально-культурной спецификой, подчас невозможно добиться адекватного перевода.

Испания является на сегодняшний день основным поставщиком и производителем вина в мире, а вино справедливо считается одним из ключевых элементов испанской кухни. Испанские вина чрезвычайно разнообразны. Их названия тесно связаны с названиями той или иной местности и сортов винограда, идущих на их производство, а также содержат сведения о национальной языковой картине мира испанцев.

Замечу, что испанский язык обладает развитой системой винодельческой терминологии, богатыми выразительными возможностями в обозначении качеств вина и национально-специфической системой символов и ассоциаций, восходящих к символике вина.

В этой статье я остановлюсь на названиях испанских вин, некоторых терминах, используемых для характеристики сортов и качеств вина, а также фразеологизмах с компонентом «vino».

Современные названия испанских вин сложились под влиянием ряда особенностей истории, культуры и традиций испанского народа. Их можно объединить в четыре группы.

К первой группе относятся названия, происходящие от названия местности, где было произведено то или иное вино. Подобные названия преобладают над остальными, так как регионы виноделия достаточно хорошо известны широкому кругу людей.

Málaga Lágrima («Слеза Малаги»). Своё название это вино получило от города Малаги, столицы побережья *Costa del Sol*. Это очень мягкое десертное вино, которое производится без применения современных технологий, что и сделало его чрезвычайно популярным в этом регионе.

Название **Málaga Pedro Jiménez** также происходит от топонима Малага, но оно является сложным, поскольку в его состав входит также и название сорта винограда **Pedro Jiménez**, из которого производится данное вино. Названия подобного рода очень характерны для испанского языка. Приведем некоторые из них: **Málaga Moscatel** (малагский мускат), **Moscatel Dulce de Málaga** (сладкий малагский мускат), **Málaga Tempranillo** (вино малага), изготовленное из сорта винограда **Tempranillo**.

Происхождение названия **Málaga Color Dulce** («сладкий цвет Малаги») аналогично предыдущим, а «Сладким Цветом» оно именуется потому, что это очень сладкое вино тёмно-янтарного цвета с добавлением виноградного сиропа, которое в каждой винодельне имеет свой собственный букет.

Название вина **Jerez** (херес) происходит от города Херес де ла Фронтера, расположенного в 30 километрах к северу от порта Кадис.

Название **Oro de Castilla** («Золото Кастилии») происходит от названия провинции **Castilla y León**. Это один из наиболее известных сортов вин, производимых в этом регионе. «Золотом» его окрестили потому, что это вино имеет светло-янтарный оттенок и необычайно лёгкий и приятный вкус.

Названия вин, связанные с топонимами, чаще всего имеют сложную структуру,

то есть включают и сведения о сортах винограда, из которого производится тот или иной сорт вина, о цвете и вкусе напитка (вот почему некоторые названия изобилуют прилагательными), о национальных традициях.

Вторую группу образуют названия вин по имени их производителя или по названию винодельческого комбината.

Например, **Emilio Rojo**. Своё название это белое вино получило по имени его производителя **Emilio Rojo**.

Очень примечательно с лингвистической точки зрения название **Granbazán Ambar**. Производитель данного вина носил имя **Juan de Bazán**, но назвал произведённое им вино **Granbazán Ambar**, так как оно изготовлено из винограда сорта **Ambarino** («янтарный») и имеет светло-янтарный оттенок. Подобно другим производителям вина, **Juan de Bazán** прибавил к своей фамилии прилагательное *grande* («великий») для придания своему продукту большей значимости в глазах истинных ценителей вина. Это одна из наиболее характерных лингвистических особенностей названий вин, относящихся к данной группе.

Вино **Gran Barquero** получило своё название от производителя Переса Баркero.

Вино **Ochoa Lágrima** также получило своё название от винодельни «Bodega Ochoa», расположенной в Наварре. На языке виноделия слово «lágrima» («слеза») означает «крепкое вино, богатое глицерином и различными ароматами».

Итак, названия вин данной группы несут в себе знания о вкусовых качествах, цвете и содержат качественные прилагательные для придания тому или иному названию эмоциональной окраски.

Названия вин, составляющие следующую группу, связаны с религиозной тематикой. Поскольку влияние католической церкви в Испании очень велико, многим винам были даны названия в честь святых, церковных праздников и традиций.

Лёгкое красное вино **San Vicente** получило своё название от имени святого Висенте (Викентия), почитаемого в Испа-

нии и Португалии. В Сеговии находится церковь святого Висенте, построенная в семнадцатом столетии.

Название **Monjes** («Монахи») состоит лишь из одного существительного во множественном числе. Данное вино производится в Малаге и отличается тонким, изысканным вкусом, что характерно для вин, связанных с религиозной тематикой, поскольку сильно креплёные вина в церкви не используются.

Но большинство названий вин, относящихся к данной группе, состоят из нескольких компонентов и имеют описательный характер, как, например: **Abadía retuerta** («Перевернутое аббатство»), **Pago de los capellanes** («Месть священников»), **Hacienda Monasterio** («Монастырская усадьба»).

Многие названия, образующие данную группу, имеют аналоги в русском виноделии, например, «Душа монаха». Буквальный перевод названия **Hacienda Monasterio** «Монастырская усадьба», а в русской традиции существует «Монастырская изба».

Следующую группу образуют названия вин, связанные с традициями и историей Испании.

Вино **Sangre de Toro** («Бычья кровь») рубинового цвета получило своё название благодаря испанскому национальному зрелищу — корриде, которая практикуется в Испании со времён Средневековья. При упоминании этого названия у носителя испанского языка возникает ассоциация с корридой. Эта ассоциация не представляет особой значимости для людей, не владеющих испанским языком, поэтому задача гида-переводчика в данном случае состоит в том, чтобы дать непосвящённому представление о корриде и почему она так важна для испанцев, что в честь неё было даже названо вино.

Название **Emperatriz Eugenia** («Императрица Евгения») также имеет глубокие исторические корни. Евгения была женой Наполеона III. Французский император остановил свой выбор на дочери знатного испанского дворянина графа де Монтихо

Евгении, графине Теба. Красное крепленое вино **Don Quijote** получило название по имени героя романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605). К данной группе относятся также названия более абстрактного характера, такие, как **Palacio del Conde** («Графский дворец»), **El Vino Royal** («Королевское вино»), **Gitana** («Цыганка») и **Altún**. Эти названия не дают нам информацию о конкретных исторических событиях, однако они напрямую связаны с испанскими традициями.

Название **Gitana** (Цыганка) данное вино получило потому, что по Испании издревле кочуют испанские племена. Как известно, цыганский элемент ярко представлен в жанровых разновидностях фламенко.

В основе названия **Altún** лежит слово арабского происхождения, поскольку оно начинается на *al* (форма артикля в арабском языке). Арабское владычество длилось в Испании на протяжении восьми веков, и поэтому испанский язык впитал и сохранил многочисленные слова и морфемы арабского происхождения, например, **Alhambra**, **ajedrez**, **alfombra**, **Altún** и другие.

В большинстве своём для названий испанских вин находят формальные эквиваленты в русском языке, например: **Monjes** – «Монахи», **Sangre de Toro** – «Бычья Кровь», **Pago de los Capellanes** – «Месть Священников», **Palacio del Conde** – «Графский Дворец», но при этом они теряют свою специфику, свои корни, вот почему вместо перевода подчас используется транскрипция. Например: «Паласио дель Конде» – розовое испанское вино с содержанием алкоголя 11–12% (из меню одного московского ресторана). Названия вин приобрели характер языковых реалий, поскольку кухня является отражением национально-культурной специфики того или иного народа.

Огромное значение имеют также термины, используемые для характеристики сорта и качества того или иного вина. Словарь винодельческой терминологии современного испанского языка очень бо-

гат. Некоторые его элементы не имеют полных эквивалентов в русском языке, а передаются описательно. **Abocado** – умеренно сладкое вино. **Afrutado** – вино с ароматом дыни, абрикоса, банана, малины, клубники, сливы, тогда как **Frutal** означает фруктовый аромат вина, напоминающий вкус персика, дыни, яблока, клубники; **Hollejo** – разновидность виноградной кожуры.

Иногда лексические единицы, имеющие в повседневном употреблении одно значение, на языке виноделия обозначают иное или особое понятие. Так, если в повседневном употреблении причастие **Abierto** значит «открытый», то на языке виноделия **Abierto** – вино, цвет которого является ненасыщенным. **Amplio** в повседневном употреблении имеет значение «широкий», а на языке виноделия это вино со множеством вкусовых оттенков. **Brillante** («блестящее») – вино золотого оттенка. Характеристика **Fino** («тонкое») относится к разновидности марочного вина, производимого в Андалусии. **Fresco** («свежее») – белое или розовое вино с кислым вкусом. **Joven** («молодое») – молодое, невыдержанное вино. **Lágrima** («слеза») на языке виноделия – крепкое вино золотого оттенка. **Oloroso** («пахучий, душистый») на языке виноделия – одна из разновидностей хереса тёмно-янтарного оттенка.

Очень важным для переводчика является знание фразеологии, поскольку большинство фразеологических единиц имеет культурно-историческую подоплёку и претерпевает значительные изменения при переводе. Среди фразеологических единиц современного испанского языка (пиренейский национальный вариант) значительный пласт имеет опорный компонент «vino» – «вино». Такие фразеологизмы можно подразделить на три группы.

К первой группе относятся устойчивые сочетания, используемые для обозначения качества вина, например: **vino generoso** – «марочное десертное вино»; **vino pardillo** – «скверное красное вино»; **vino puleón** – «скверное вино»; **vino macho** –

«крепкое вино» (по внутренней форме данное словосочетание восходит к феномену мачизма); *vino de mesa (de pasto)* — «столовое вино»; *vino de dos (tres) hojas* — «дважды (трижды) выдержанное вино». Слово *hoja* означает «лист», так что, возможно, данный фразеологизм по внутренней форме восходит к виноградной лозе.

Отмечу также фразеологизмы *vino de uva ogeja* — «полусухое вино», *vino de dos ogejas* — «отличное вино». Слово *ogeja* означает «ушная раковина».

Вторая группа представлена фразеологизмами, описывающими привычки и пристрастия человека, связанные с употреблением алкоголя: *bogar con vino* — «заливать горе вином»; *darse al vino* — «пристраститься к вину» (буквально — «отдаться вину»); *dormir el vino* — «проспать после попойки»; *tener buen/mal vino* — «буянить/не буянить во хмелю»; *tener el vino triste* — «быть грустным во хмелю»; *le tira al vino* — «его тянет к вину»; *tomarse del vino* — «захмелеть».

Третья группа фразеологизмов выражает характеристики действий человека, а также наставления и жизненные установки. По своему происхождению и внутренней форме эти единицы образно отража-

ют значимость вина в жизни испанского народа. Например, выражение *agua el vino* восходит к практике разбавления вина водой и имеет значение «нарушить, омрачить, расстроить»; *pregonar vino y vender vinagre* — «расхваливать вино, а продавать уксус», то есть «говорить одно, а делать другое» (ср. русск. «на языке мёд, под языком лёд»). Фразеологизм (*ser*) *saraz de sacar vino de una alcuza* (буквально «способен выжать вино из уксусницы») в русском языке находит следующий понятийный эквивалент: «он и из камня воду выжмет». Фразеологическая единица *el vino está sacado y hay que beberlo* (буквальный перевод «вино достали, и его надо выпить») означает совет: «умей закончить начатое дело» — универсальная мудрость, представленная во многих языках («взялся за гуж, не говори, что не дюж»).

Винодельческая терминология в современном испанском языке представляет интереснейший языковой и культурологический материал; она отражает фрагмент материнской и духовной культуры Испании и является важным звеном как в полноценном изучении испанского языка и культуры Испании, так и в деятельности гидов и переводчиков.

Газета «Молодёжь Эстонии», 22.06.02

Рядный дом в ряду других переводческих ошибок

Есть, оказывается, даже очень богатые люди, которые в отпускной сезон не рвутся в далекие края, а предпочитают отдых в Эстонии. Как говорит повелитель всех женщин и девушек «Кренгольма» Мезлис Виркебау, аэропорты, самолеты, гостиницы за время работы надоедают так, что видеть их еще и в отпуске совсем не хочется.

Бери больше, кидай дальше

А где в Эстонии отдыхает большая часть местного человечества? Разумеется, на даче или в процессе ее поиска и, может быть, даже покупки. А приоб-

ретают теперь не только дачу, но и землю, стоимость которой нередко превышает или в обозримом будущем превысит цену самой дачи. И как же называется эта земля, которую мы покупаем, если в документах на государственном языке она именуется «*krunt*», а нам надо перевести этот термин на русский язык?

Многие переводчики, и среди них, увы, не только начинающие, переводят это слово как «грунт». Чаще всего такой перевод встречается в текстах о строительстве домов, коттеджей или разбивке какой-то территории на «грунты» и продаже этих «грунтов». Ошибка типичная — человек, а переводчик тоже человек, ленив, как заметил классик, и любопытен. Поэтому похожие по звучанию слова тут же и переводятся «один к одному». Такой способ еще называется калькированием.

☛ стр. 64

Так что же упустила переводчица в «Трудностях перевода»

Д.И. Ермолович

Перевод очень важен, понимаете? Перевод.
Из фильма С. Копполы
«Трудности перевода»

Фильм американского режиссёра Софии Копполы, вышедший в 2003 г., не может не привлечь внимание профессиональных переводчиков хотя бы своим названием — *Lost in Translation*. Это название, как часто бывает в художественных произведениях, неоднозначно. Дословно оно означает «потеряно (утрачено) в переводе». Имеются в виду смысловые потери, случающиеся при переводе с одного языка на другой. Интересно, что, как сообщила при обсуждении данной темы Линн Виссон, похожее название — *Lost in Translation: A Life in a New Language* — носит и довольно известная в Америке книга писательницы Евы Гофман (Eva Hoffman) о пережитых её семьёй, иммигрантами из Польши, языковых, культурных и психологических проблемах адаптации к жизни в новой стране. Данное выражение стало крылатым.

Однако режиссёр (она же автор сценария и продюсер картины) явно вложила в название и свой смысл. Центральный персонаж фильма — стареющий американский актёр Боб, который приехал в Японию на съемки ролика с рекламой виски «Сантори». Пик актёрской славы Боба позади, и он вынужден принимать коммерческие заказы. Ему ненавистны эти съемки, но, как настоящий профессионал, Боб работает добросовестно и даже

в рекламе создаёт талантливый образ. (Роль Боба блестяще играет Билл Марри). Боб чувствует себя неуютно в непонятной и чуждой ему экзотической стране. Иногда он звонит домой в Штаты жене и детям, но и с ними у него давно утрачен духовный контакт.

В отеле Боб знакомится с Шарлоттой, молодой американкой (актриса Скарлетт Йоханссон), которая тоже испытывает одиночество и утрату контакта с близким человеком. Ее муж, ради которого она пожертвовала возможной профессиональной карьерой, с головой ушел в работу и в обществе Шарлотты почти не нуждается. В каком-то смысле и Боб, и Шарлотта потеряли себя в этой жизни, и такое значение слова *lost* тоже прочитывается в подтексте названия.

По общему мнению критиков (к которому я присоединяюсь), получился тонкий, лиричный, немного грустный, но не лишённый юмора фильм. В отечественном прокате он шёл под названием «Трудности перевода». Не буду обсуждать здесь возможные недостатки русского варианта названия, хотя ясно, что двойной смысловый план оригинала в нём не сохранился. Остановлюсь на другом — на коротком, но ярком и запоминающемся эпизоде разговора через переводчицу, который и дал повод к названию фильма.

Боб на съёмочной площадке. Во фраке и с бабочкой, он сидит в кресле у барной

стойки перед бокалом с виски. Гримёрша пудрит ему лицо, в то время как режиссёр (его роль исполняет Ютака Тадокоро) вполголоса обменивается репликами со своими помощниками.

Затем, обращаясь к Бобу, режиссёр долго и подробно объясняет ему мизансцену. Переводчица — японка лет тридцати (в этой роли снялась Акико Такэсита) — переводит сказанное на английский, но перевод почему-то получается в несколько раз короче:

“He want you to turn, look in camera. Okay?”

Боб в недоумении: “That’s all he said?”

Переводчица (вежливо, но уверенно): “Yes. Turn to camera.”

Наступает пауза. Боб немного растерян, но надеется получить еще хоть какую-то полезную информацию. Он спрашивает: “Does he want me to turn from the right or turn from the left?”

Переводчица обращается к режиссёру. В её передаче вопрос Боба занимает раз в пять больше времени. Режиссёр отвечает тоже очень длинным периодом, причем раздражённо, на повышенных тонах. В его речи различимы английские слова *tension*, *passionate*, *passion*.

Следует перевод: “Right side. And, uh, with intensity. Okay?”

Боб опять удивлён краткостью перевода: “Is that everything? It seemed like he said quite a bit more than that.”

Но тут снова вмешивается режиссёр, возбуждённо добавляющий новые пространственные указания. Опять в его речи можно расслышать английское слово *tension*. Переводчица кивает в знак понимания. Наконец она обращается к Бобу: “Like an old friend, and — and into the camera.”

Опять пауза. Боб уже смирился со своей участью и обречённо произносит: “Okay.”

Режиссёр говорит ещё что-то и завершает реплику вопросом: “Okay?”

Боб кивает: “Okay.”

Режиссёр дает громкую команду начать съёмку.

Боб входит в образ и преобразуется в кадре. Медленно повернувшись к камере, он произносит рекламный слоган: “For relaxing times, make it Suntory time.”

Увы, режиссёр недоволен. Он кричит, требуя остановить съёмку, и раздражается тирадой предложений на десять. Переводчица излагает его речь следующим образом: “Could you do it slower, and —”

Режиссёр перебивает её новой репликой по-японски. Переводчица продолжает: “More intensity?”

Словно заклинание, режиссёр произносит, обращаясь к Бобу: “Suntory time!”

Понимая, что кроме слова *intensity*, ему уже ничего не удастся выудить из переводчицы, Боб согласно кивает. Задавать новые вопросы себе дороже.

Съёмки возобновляются, и мы снова наблюдаем наезд камеры, в которую Боб произносит слова рекламного слогана. Режиссёр опять возбуждённо требует остановить съёмку. Дальнейшие мучения Боба нам уже не показывают...

В одном из интервью по поводу фильма С. Коппола рассказала, что сцена разговора через переводчицу была навеяна её собственным опытом. Когда София приехала в Японию на представление своего первого фильма «Девственницы-самоубийцы», выступления тоже переводились последовательно. По словам С. Коппола, её реплики показались ей в переводе гораздо длиннее. Она предположила, что переводчица, увлекаясь, многое добавляла к сказанному от себя.

Работая над постановкой «Трудностей перевода», София сочинила реплики всех персонажей, а затем необходимая часть сценки была переведена на японский язык. На съёмках фильма актёру Биллу Марри не сообщалось, что же конкретно говорят «режиссёр» и «переводчица». Это было сделано специально, чтобы помочь ему лучше прочувствовать роль Боба.

Режисёр разъясняет мизансцену

В том же положении оказались и зрители, поскольку то, что говорится на японском языке, не сопровождается в фильме английскими субтитрами.

Но полагаю, что многим переводчикам, не знающим японского языка, конечно же, интересно узнать, что именно пропало (или было добавлено) в переводе. Поэтому привожу подробную запись изложенного эпизода с переводом всех реплик на русский язык.¹

РЕЖИССЁР (переводчице по-японски, вполголоса). Перевод очень важен, понимаете? Перевод.

ПЕРЕВОДЧИЦА (по-японски). Да, разумеется. Понимаю.

РЕЖИССЁР (Бобу). Мистер Боб-сан! (Далее по-японски). Вы вальяжно сидите у себя в кабинете. А на столе перед вами стоит бутылка виски «Сантори». Вам всё понятно, да? С чувством, идущим от души, вы медленно поднимаете глаза, смотрите в камеру и мягко, словно встречая старых друзей, произносите

Переводчица – Бобу: «Больше интенсивности, окей?»

¹ Выражаю признательность переводчице О. Исасвой за помощь в переводе реплик с японского языка. В статье использованы также материалы газеты «Нью-Йорк таймс» от 21.09.2003.

слоган. Как будто вы Богарт в «Касабланке»², который говорит: «Ваше здоровье, ребята! Пора пить "Сантори"!».

ПЕРЕВОДЧИЦА (Бобу, на не очень грамотном английском). Э-э... Он хочет, чтобы вы повернулись, смотреть в камеру. Окей?

БОБ: Это всё, что он сказал?

ПЕРЕВОДЧИЦА: Да. Повернуться к камере.

БОБ: Как он хочет, чтобы я поворачивался, – справа или слева?

ПЕРЕВОДЧИЦА (режиссёру, по-японски, прибегая к чрезвычайно вежливому стилю речи): Актер настроился и приготовился. И он хотел бы узнать следующее: в тот момент, когда начнет работать камера, вы предпочли бы, чтобы он поворачивался налево, или лучше, чтобы он поворачивался направо? Вот, собственно, что ему хотелось бы выяснить, если можно.

РЕЖИССЁР (резко, по-японски, но вставляя в свою речь некоторые английские слова). И так и так годится. Какая, собственно, разница? Боб-сан, у нас ведь не слишком много времени, а? Вам надо поторопиться. Больше напора. Смотрите в камеру. И говорите медленно, с напором. Нам нужен напор. Понимаете?

Режисёр раздражён непонятностью Боба

ПЕРЕВОДЧИЦА (Бобу, по-английски). В правую сторону. И, э-э, с интенсивностью.

БОБ: Это всё? Кажется, он сказал гораздо больше.

РЕЖИССЁР (Бобу, по-японски). Смысл вашей реплики состоит в том, что это, знаете, не просто виски какое-нибудь. Понимаете? Это как встреча со старыми друзьями. Голос должен быть мягче, бархатней. Говорите нежно. Говорите с напором. Напор важен! Не забывайте об этом.

² Хамфри Богарт (1899–1957), один из популярнейших актеров американского кино. Отличался большим актерским обаянием даже в амплуа отрицательных персонажей. В имевшем огромный успех фильме «Касабланка» (1943, премия «Оскар») режиссёра М. Кертиса создал образ романтического антигероя.

Боб – переводчице: «И это всё? Он ведь сказал гораздо больше?»

ПЕРЕВОДЧИЦА (Бобу, по-английски). Как старый друг и в камеру.

БОБ. О'кей.

РЕЖИССЁР (Бобу, по-японски). Вы понимаете? Вы обожаете виски. Время пить «Сантори». О'кей?

БОБ. О'кей.

РЕЖИССЁР (кричит по-японски). Камера, мотор!

БОБ (произносит рекламный слоган). Когда наступает время расслабиться, пусть это будет время «Сантори».

РЕЖИССЁР. Стоп, стоп, стоп, стоп, стоп! (Снова по-японски Бобу). Не пытайтесь меня дурачить! Не притворяйтесь, что вы не понимаете. Вы хоть уяснили то, что пытаетесь сделать? «Сантори» – это нечто особое, лучшее. Важно само звучание этого слова. Это дорогостоящий напиток. Это напиток номер один. А теперь попробуем еще раз, но вы должны прочувствовать, что это эксклюзив. Хорошо? Это же, знаете, не какая-то там заурядная выливка.

ПЕРЕВОДЧИЦА (Бобу, по-английски). Не могли бы вы медленнее и...

РЕЖИССЁР (по-японски). Больше воодушевления!

Боб уже не надеется услышать что-то вразумительное

ПЕРЕВОДЧИЦА (Бобу, по-английски). Больше интенсивности.

РЕЖИССЁР (по-английски). Время «Сантори!» (Кричит по-японски). Мотор!

БОБ. Когда наступает время расслабиться, пусть это будет время «Сантори».

РЕЖИССЁР. Стоп, стоп, стоп, стоп, стоп! (По-японски). Боже, я вас умоляю...

Итак, теперь мы знаем, что же конкретно сказали «режиссёр» и «переводчица». Талантливо написанная и сыгранная сценка иллюстрирует ситуацию, когда перевод не в состоянии выполнить свою главную функцию – обеспечить коммуникацию между собеседниками. Художественный вымысел автора фильма оказался пусть гротескной, но довольно меткой зарисовкой действительности.

Взять хотя бы переложение реплики Боба с английского на японский, удлинённое переводчицей в несколько раз, в основном за счет повторов и парафразов. Это явление, которое я называю «размазней», мне доводилось подробно анализировать на реальных примерах.³

А вот переводя с японского на английский, переводчица в фильме нещадно сокращает объём сказанного. И такое тоже приходилось наблюдать в жизни, особенно у переводчиков со скудным запасом слов и речевых конструкций. Мудрёные формулировки режиссёра переводчица просто «рубит» под корень, не сохраняя даже те английские слова, которые он изредка вставляет в свою речь (здесь есть, конечно, элемент пародии: в действительности переводчик, скорее всего, повторил бы словечки, уже сказанные оратором на языке перевода).

³ См. статью: Ермолович Д.И. Детская болезнь «размазни» в устном последовательном переводе. – «Мосты» №1 (5), 2005. Впрочем, по мнению О. Исаевой, по-японски реплика «переводчицы» звучит довольно естественно потому, что в японской речи существует некий женский стиль, в котором особо вежливые и многословные формулировки вполне ожидаемы. Так или иначе, но замысел сделать «перевод» намного длиннее оригинала исходит от сценариста и режиссёра С. Копполы, специально стремившейся создать этим комический эффект.

Но перевод страдает и еще одним изъяном: даже короткую мысль переводчица не может выразить вразумительно. Чего стоит настойчиво повторяемое ею слово *intensity* «интенсивность»! Ведь само по себе, без уточнения, это слово бессмысленно — можно говорить лишь об интенсивности **чего-либо**: какого-то чувства, нюанса, жеста.

Кое-что переводчица лихо добавляет от себя. Например, она уверенно ведет Бобу поворачиваться вправо, хотя режиссёр сказал, что ему безразлично направление поворота. (Пожалуй, в этом тоже можно усмотреть элемент пародии).

Хоть и не в оправдание незадачливой переводчице, нужно еще отметить путанность и противоречивость высказываний «режиссёра». Если бы она смогла перевести их точно, Боб тоже попал бы в сложное положение: как совместить «напор» с «мягкостью и нежностью», которых требует от него режиссёр? С. Колпола отметила в своем интервью, что нарочно вложила в

уста «режиссёра» несуразные указания. В этом персонаже она хотела изобразить не слишком талантливого профессионала.

И последнее, что хотелось бы отметить в анализируемой сценке, — это психологический рисунок ролей. В какой-то степени его отражают и публикуемые здесь кадры из фильма. Исполнено переживаниями лицо Боба, пытающегося сначала что-то понять, а потом впадающего в покорное и тоскливое отчаяние от невозможности пробиться через языковой барьер. Нервничает и злится режиссёр, видимо, проклиная в мыслях этого туповатого американца за неспособность понять элементарные, как кажется режиссёру, вещи. И только переводчица сохраняет неизменное глуповато-доброжелательное выражение лица, по которому видно, что у неё нет никаких сомнений в своей компетентности.

Согласитесь: если это и пародия, то не такая уж далёкая от жизни.

(Продолжение. Начало см. стр. 59)

В нашем случае не надо большого любопытства, следует, помня все того же классика, как встарь почаще заглядывать в словарь. В нашем случае — обратиться ко второму тому Эстонско-русского словаря, где первым значением искомого эстонского слова стоит «участок».

Что же касается грунта в том значении, которое ему пытаются присвоить некоторые переводчики, то в третьем томе академического 20-томного Словаря современного русского языка (1992) есть три толкования этого слова, а в более новом Большом толковом словаре русского языка (2000) — даже четыре, но ни одно из них не соответствует «изобретению» у нас значению.

Не округ, район или область

Если у вас есть деньги, то вы будете покупать не старую дачку, а дом в пригороде. Опять же не подержанный, а новый. Такие дома обычно продаются на территориях новой застройки, которые, как мы теперь знаем, разбиты на участки. И тут мы двинем-

ся от частного к общему и попытаемся решить еще одну задачу для переводчиков, которая до сих пор решалась неверно или не совсем верно.

Речь идет о термине, ставшем недавно популярным среди ризлторских фирм Эстонии — «elaturipiirkond». Ни в одном словаре мне пока не встретился перевод этого слова на русский язык. Понятно, что состоит оно из двух частей, и первая имеет непосредственное отношение к жилью. В словаре И. Тамма (1998) «elaturu-» переводится как «жилищный, жилой; жил-». Это мы пока запомним.

Сложности возникают со второй частью нашего термина. Слово «piirkond» в различных словарях переводится по-разному, и круг значений довольно велик: «округ, район (административный); участок (производственный), регион, край, область». Но когда нужно перевести термин «elaturipiirkond», то его можно спаривать с любым из вышеприведенных, и все равно точного соответствия мы не получим.

Дон Кихот о переводе

В.А. Иовенко

В одной из недавних публикаций читатели журнала могли ознакомиться с ярким и метким описанием последовательного перевода в художественной литературе: фрагментом из сказки-комедии «Умные вещи» знаменитого детского писателя и выдающегося профессионального переводчика С.Я. Маршака¹. Есть, однако, и другие художественные произведения, в которых писатели устами своих персонажей затрагивали проблемы перевода. Так, еще в 1615 году важные вопросы переводческой деятельности нашли отражение в романе «Дон Кихот» великого испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведра (1547–1616). Предлагаю вашему вниманию фрагмент из этого романа, а своими мыслями в связи с ним поделюсь в комментариях.

Мигель де Сервантес Сааведра
«Хитроумный идальго Дон Кихот
Ламанчский» (Из части 2, главы LXII)

Перевод с испанского языка Н.М.Любимова.

Случилось, однако ж, что, проходя по какой-то улице, Дон Кихот поднял глаза и над дверью одного дома увидел вывеску, на которой огромными буквами было написано: Здесь печатают книги; это несказанно его обрадовало, потому что до той поры ему еще не приходилось видеть книгопечатню, и у него явилось желание узнать, как в ней все устроено. Он вошел внутрь со всею своею свитою и увидел, что в одном месте здесь тискали, в другом правили, кто набирал, кто пе-

ребирал, – одним словом, пред ним открылась картина внутреннего устройства большой книгопечатни. Подойдя к одной из наборных касс, он спросил, для чего она служит; рабочие ему объяснили; он подивился и прошел дальше. Затем он подошел еще к одному рабочему и спросил, чем он занят. Рабочий ему ответил так:

– Сеньор! Вот этот кавальеро, – он указал на человека весьма приятного вида и наружности, в котором было даже что-то величавое, – перевел одну итальянскую книгу на наш язык, а я набираю ее для печати.

– Как называется эта книга? – осведомился Дон Кихот.

Переводчик же ему ответил:

– Сеньор! Итальянское заглавие этой книги – *Le Bagatelle*.

– А чему соответствует на испанском языке слово *le bagatelle*? – спросил Дон Кихот.

– *Le Bagatelle*, – пояснил переводчик, – в переводе на испанский язык значит безделки, но, несмотря на скромное свое заглавие, книга эта содержит и заключает в себе полезные и важные вещи.

– Я немного знаю по-итальянски, – сказал Дон Кихот, – и горжусь тем, что могу спеть несколько стансов Ариосто. Скажите, однако ж, государь мой (я задаю этот вопрос не для того, чтобы проверять ваши познания, но из чистой любознательности), попадалось ли вам в этом сочинении слово *pignatta*?

– Попадалось, и не раз, – отвечал переводчик.

– Как же ваша милость переводит его на испанский язык? – спросил Дон Кихот.

– А разве есть у него другое значение, кроме печного горшка? – молвил переводчик.

¹ См. статью: Д.И. Ермолович. Сказочное пособие по устному переводу. – «Мосты», 2004, №4, с. 77–81.

Что про нас сочинили

– Черт побери! – воскликнул Дон Кихот. – Да вы, однако ж, понаторели в итальянском языке! Готов биться о любой заклад, что там, где по-итальянски стоит слово *piace*, ваша милость переводит угодно, слово *piu* вы переводите больше, *su* – вверх, а *giu* – вниз.

– Разумеется, именно так и перевожу, – подтвердил переводчик, – потому что таковы их прямые соответствия на нашем языке.

– Могу ручаться, – сказал Дон Кихот, – что ваша милость не пользуется известностью в свете, ибо свет не умеет награждать изрядные дарования и почтенные труды. Сколько через то погибло способностей! Сколько дарований прозябает в безвестности! Сколько достоинств не обратило на себя должного внимания! Однако ж, со всем тем я держусь того мнения, что перевод с одного языка на другой, если только это не перевод с языка греческого или же с латинского, каковые суть цари всех языков, – это все равно, что фламандский ковер с изнанки: фигуры, правда, видны, но обилие нитей делает их менее явственными, и нет той гладкости, и нет тех красок, которыми мы любуемся на лицевой стороне, да и потом, чтобы переводить с языков легких, не надобно ни выдумки, ни красот слога, как не нужны они ни переписчику, ни копиисту. Я не хочу этим сказать, что заниматься переводами непохвально; есть занятия куда ниже этого, и, однако ж, мы ими не гнушаемся, хоть и приносят они нам гораздо меньше пользы. Исключение я делаю для двух славных переводчиков: для доктора Кристобала де Фигероа с его *Верным пастухом*² и для дона Хуана де Хаурегги с его *Аминтой* – столь счастливо исполненными трудами, что невольно задаешься вопросом, где же тут перевод и где подлинник?

Комментарий

Неудивительно, что эти рассуждения о теоретических и практических вопросах перевода, появившиеся задолго до становления науки о переводе, вышли из-под пера именно испанского писателя. Дело в том, что переводческая практика в Испании освящена давними традициями. Еще в начале XII века испанец Педро Альфонсин

² «Верный пастух» – пасторальная стихотворная трагикомедия итальянского поэта Гварини (1537–1612), переведенная на испанский язык Кристобалем Суаресом де Фигероа в 1602 г. «Аминта» – пастораль итальянского поэта Торквато Тассо (1544–1595), переведенная на испанский язык в 1607 г. Хуаном Мартинесом де Хаурегги, поэтом и художником, другом Сервантеса.

перевел на латынь собрание индийских и арабских сказок. А в 1130 году произошло и вовсе уникальное событие в истории перевода: в Толедо, одном из научных и культурных центров Испании того времени, была основана первая в Европе школа переводчиков. Инициатором создания этой школы при Толедском соборе выступил архиепископ Толедский Раймундо.

Толедские толмачи переводили с арабского языка на латынь философские произведения, книги по астрономии и ботанике, медицинские трактаты. Эти переводы потрясли христианских ученых-схоластов и составили целую эпоху, разделив историю науки в средние века на два периода: до и после их появления.

Языковой анализ этих переводов показывает, что переводчики Толедской школы находились под влиянием языка оригинала. В текстах выполненных ими переводов часто встречаются лексические кальки с арабского языка, которые впоследствии вошли в словарный фонд испанского языка.

На полях переводов сделаны надписи на древнеиспанском языке. Есть все основания полагать, что это редакторская правка, в которой принимал личное участие король Альфонсо X Мудрый. Многочисленные переводы толедских мастеров не только оказали значительное влияние на формирование национального испанского языка, но и способствовали созданию испанской художественной литературы.

В XIII веке в Испании появились первые переработки французских рыцарских романов. Причем, если для Толедской школы были характерны преимущественно буквальные переводы, то французские сочинения на рыцарские сюжеты перелатались вольно.

Особого расцвета переводческая практика в Испании достигла в конце XV века, когда была открыта Америка, возникли первые типографии и завершилась Реконкиста. В XVI и XVII веках, названных золотым веком испанской литературы,

появляются художественные переводы, сделанные знаменитыми испанскими писателями Лопе де Вегой, Матео Алеманом, Франсиско де Кеведо.

Однако тогда же все отчетливее начинают осознаваться трудности процесса перевода. Не обошел их стороной и Сервантес. Так, устами Дон Кихота он высказал свое отношение к ключевой проблеме, будоражившей в то время умы многих переводчиков, писателей и поэтов, а именно: возможен ли вообще перевод, а если да, то возможен ли хороший перевод, или, как мы сказали бы сейчас, адекватный перевод?

Этот спор о «переводимости», затянувшийся на века, стал результатом противоборства двух противоположных тенденций. Сторонники первой тенденции придерживались принципа буквализма, испытывая «священный трепет» при переводе Библии на греческий и латинский языки, а позднее на языки средневековой Европы. Переводчики-«буквалисты» порой искажали смысл оригинала и нарушали нормы переводящего языка.

В качестве протеста против буквального перевода возникает противоположная тенденция к вольному переводу, в результате чего переводимое произведение искажалось подчас до неузнаваемости. Среди тех, кто сильнее других пострадал от переводчиков, исповедовавших догму вольного перевода, оказался Шекспир. Многие переводы его произведений настолько искажали оригинал, что даже приводили к сомнению в его авторстве.

Как следует из приведенного выше фрагмента, Сервантес был среди тех, кто выражал сомнения в том, что перевод может передать художественную ценность текста оригинала: *«... я держусь того мнения, что перевод с одного языка на другой ... — это все равно, что фламандский ковер с изнанки: фигуры, правда, видны, но обилие нитей делает их менее явственными, и нет той гладкости, и нет тех красок, которыми мы любуемся на лицевой стороне».*

Аналогичную мысль спустя 200 лет высказал известный немецкий лингвист В.Гумбольдт: *«В сущности всякий перевод представляется мне попыткой решить неразрешимую задачу, ибо переводчик оказывается между Сциллой и Харибдой: либо он в ущерб традиционным пристрастиям и языку своей нации держится слишком близко оригинала, либо, напротив, приносит оригинал в жертву особенностям своего языка и национального вкуса. Благополучно миновать обе эти опасности не только трудно, но и невозможно».* Таким образом, Гумбольдт полагал, что возможен перевод или буквальный, или вольный, третьего не дано.

Впрочем, спор о «переводимости» не завел переводоведческую мысль в тупик. Реалистические идеи относительно возможности полноценного перевода проложили себе дорогу, несмотря на этот спор и вопреки ему. Кстати, сам же Сервантес отнюдь не исключал возможности создания текста полноценного перевода. Не это ли имел в виду Дон Кихот, говоря о двух переводах, *«столь счастливо исполненных ... что невольно задаешься вопросом, где же тут перевод и где подлинник?»*

Это высказывание дает нам основание полагать, что именно Сервантес стоял у истоков разработки ещё одной весьма важной для переводческой практики проблемы: качества переводного текста и критериев этого качества.

В то же время, следуя наивному убеждению, распространенному в то время, согласно которому было два языковых царя — греческий и латинский, Сервантес утверждал, что существуют языки легкие, при переводе с которых не требуется ни выдумка, ни красота слога. Однако дальнейшее развитие переводческого дела, общая и частные теории перевода опровергли это утверждение Сервантеса.

Переводческие соответствия — другая серьезная проблема перевода, привлекавшая внимание Сервантеса. К этому вопросу великий испанский писатель подошел как настоящий переводовед. С какой дотош-

Что про нас сочинили

ностью он проверял знания переводчика, подтверждая, что итальянское слово *bagatelle* означает *безделки*, *pignatta* — *печной горшок*, а эквивалентами слов *piace*, *più*, *si* и *giù* являются, соответственно, слова *удовно*, *больше*, *вверху* и *внизу*! Мысль Сервантеса о наличии межъязыковых соответствий обрела законченные черты лишь во второй половине XX века, когда возникли теории закономерных соответствий и уровней эквивалентности в переводе.

Отдавая себе отчёт в том, что работа переводчиков сопряжена с большими сложностями, Сервантес высоко оценивал

«изрядные дарования и почтенные труды» мастеров перевода, а само занятие переводами награждал эпитетом «похвальное». Не случайно и то, что переводчик итальянского языка изображён Сервантесом человеком *«весьма приятного вида и наружности, в котором было даже что-то величавое»*.

Итак, несмотря на свой литературный характер, сцена беседы Дон Кихота с переводчиком в романе Сервантеса — одно из первых в истории мировой художественной литературы блестящих описаний проблем теории и практики перевода. Думаю, что эту тему удостоили своим вниманием и другие известные беллетристы.

(Продолжение. Начало см. стр. 59, 65)

Изыскания среди аналогичных явлений в риэлторской действительности России помогли-таки найти, как мне представляется, более точное соответствие — «жилой массив». Использование этого словосочетания (нового для эстонской языковой практики и довольно давно известного в русской лексике) позволит точнее передавать смысл термина. И, кроме того, можно будет пользоваться и «сокращенным» вариантом — «жилмассив».

Дом есть, а слова нет

Меня давно беспокоит одна проблема. Можно, конечно, перестать чесать этот Гондурас, как в анекдоте, и беспокоить перестанет. Но жизнь хоть и напоминает порой анекдот, свое все равно требует. А тут уже кричать начала. В этих самых жилых массивах часто продают квартиры в домах, которые построены по принципу одна квартира на нескольких уровнях, и рядом прилеплена следующая, и так далее, насколько хватило возможностей заказчика.

Впервые я столкнулся с такими квартирами во Вроцлаве, бывшем Бреслау, где в середине тридцатых годов для местных рабочих были построены примыкающие одна к другой двухэтажные квартиры с подвалом, палисадником и небольшим садом-огородом для каждой позади этого длинного дома. В конце восьмидесятых, если я правильно помню, аналогичный проект стал модным и в Эстонии. Собственно дом получил у эстонских архитекторов назва-

ние «*pidamaja, ridaelamu*». С тех пор я не встречал толкового перевода этого термина на русский язык.

Столкнувшись недавно вплотную с этой проблемой, я решил все-таки ее преодолеть. Нашел, как мне кажется, точный перевод того, что коллеги-переводчики много лет именуют «рядным домом».

Начал я с того, что перевод этот явно неудачный уже на слух. Тогда я решил проверить свой слух, не у врача, а по словарям. Зафиксировано ли такое слово в каких-нибудь словарях? Не могу сказать, что я перелопатил все толковые и специальные словари русского языка, но значительную часть я все-таки пролистал.

«Рядный» нашел только как вторую часть сложного слова, например, «трехрядный».

Далее — Его Величество Интернет. Тут я нашел рядный двигатель, мотор, насос и кое-что еще, но к жилью все это не имело никакого отношения. Тем временем у меня возникла идея: не может ли это быть нечто секционное, ведь практически этот длинный дом состоит как бы из секций. И тут я в Интернете натолкнулся-таки на проклятые «рядные дома». И уже собирался расстраиваться по поводу напрасно потраченного времени, но при внимательном изучении понял, что оба примера с «рядными домами» — иностранного происхождения. Первый был родом из Болгарии, а второй — из Латвии. Значит, постарались братья-переводчики из Бургаса и Риги.

Снова на фронт

И.В. Квасюк

— Вам так и не довелось быть переводчиком на войне?

— Да нет. Вроде ни одного немца Московский фронт ПВО так и не захватил.

— И на 60-летие Победы нечего вспомнить?

— Постой, постой. Чуть было не забыл — пять лет интернациональный долг выполнял. В Египте — 9 месяцев в 1956 г. В Ираке — 1959—1961 гг., и снова в Египте, соблюдая примету — «тапей воды из Нила» (на 2,5 года — 1969—1972).

Комсостав контингента военных переводчиков в АРЕ. (И.В. Квасюк — в верхнем ряду, в центре) Март 1972.

Я закончил ВИИЯ, а три года спустя — МГУ. Взяли на кафедру военного перевода — здорово помогла история Древнего Востока, Греции, Рима, средних веков.

Однажды вызвали в отдел кадров и через месяц, в январе 1956 г., пригласили на вещевой склад — получите светло-бежевый костюм (в расчете на египетскую жару), коверкотовый плащ, шляпу с полями, скрипучие ботинки и ... чешский паспорт. Вместе с шестью военными переводчика-

ми полетели в Каир. С остановкой в Мюнхене, откуда пресса сообщила, что группа русских богослужителей проследовала в Асуан. Ночью автобусом с мигалкой через пустыню привезли нас в Кайро-Вест (Каир Западный). На улице плюс 3°С в двухэтажной казарме — тоже. Дневальный принес лампу Алладина, которая к утру около носа образовала дымогарные трубы.

Поеживаясь от утренней прохлады, увидели вдаль железную бочку с накиннутой шинелью, доктора в белом халате, дежурного офицера и экзекутора с лозой. Подталкивавшего к бочке полураздетого солдата. Наш старший инструктор попросил, чтобы подобного больше никто из нас не видел. Исполнили.

Напряженная жизнь военного аэродрома. Штурманам овладевали секретным электронным прицелом ПСБН. Полигонщики восстанавливали уголки-мишени. Мотористы изучали реактивный двигатель, стрелки-радисты учились поражать «колбасу» — буксируемые мишени. ГСМшники донимали нас, когда прибудет загадочный русский «Турбин-2» (авиакеросин), синоптики составляли прогнозы на район Хайфы (на страх врагу). Летчики «вывозили» молодых в Асуан или в сторону пирамид. Как-то молодой пилот задержался к началу полетов. Наш инструктор подозвал меня — полетишь за штурмана.

— Разрешение на взлет и посадку знаешь? Пирамиду Хеопса разглядишь? Проверь ларингофоны. Пристегнись. С парашютом прыгал?

— Да, в Момино с вышки 50 м.

— Подходи к люку и по лестнице — вверх. Набери скорость 800 (видишь прибор?) — предупреди

меня. Через несколько минут запроси разрешение на посадку: Дельта контрол! — This is delta one. Request clearance to land.

Однажды переводчик передал: *Request clearance to sit down* (прошу разрешения «сесть»). Недоуменный вопрос диспетчера: «А почему вы стоите?»

Вершину Хеопса пролетели на скорости 800. Пилот Саша дал резкую свечу — меня вдавило в сиденье, щеки повисли, в глазах потемнело. Запросили разрешения сесть. *Delta Control. This is Delta one request permission to land (You are clear to land...)*

Вылез из кабины. Механики берут меня за руки и ноги и, подняв, бьют о горячее правое колесо. За что? — А это был твой первый (девичий) полет. Maiden flight.

Осенью 1956 года началась англо-франко-израильская агрессия против Египта. Наш лидер Н.С. Хрущев заявил: «Господин Иден. Прекратите агрессию. Нам не понадобится высаживать войска...»

Среди англичан возникли два лагеря — левых и правых, утверждавших, что «русским хватит трех атомных бомб, чтобы остановить англичан», и оптимистов — нет, потребуется две. Иден и его правительство ушли в отставку и отозвали войска на свои острова...

Хочешь снова оказаться в Египте — попей воды из Нила. В июле Нил — коричневатый — несет плодородный лёсс... Через 13 лет я вновь прибыл сюда, еще на 2,5 года (1969—1972) старшим офицером — ст. референтом, руководить контингентом переводчиков, число которых достигло 1000 человек. Шла подготовка к форсированию канала, на поверхность которого через насыпь (rampart) израильяне протянули трубы с горючим. Учения начались в «вади» — высохших руслах рек, в узких каналах из Персидского (Арабского) залива в Средиземное море, построенных еще фараонами. Прибывшая наша зенитно-ракетная дивизия была укомплектована «Печорами», «Двинами», и др. ракетами. Но позиции для них строили ночью, а днем израильяне их взрывали. Дождались мы однодневного перемирия, и вдоль канала встали десятки ракет. Сбивали и Фантомов и четырехмоторных Аваксов,

напичканных электроникой. Стали накапливать силы. Все засели за учебу.

* * *

На «текущий ремонт» переводчики сопровождали в госпиталь больных и раненых. Мне поручили доставку жен советников в поликлинику, в Гелиополис.

— Что вас беспокоит?

— Странная температура — 38,9°, даже выше.

— Вы учили, что здесь измеряют ее по Фаренгейту? Вот возьмите в рот этот термометр.

— Ни за что! Где он измерял? У нас температуру измеряют под мышкой!

Два года (1959—1961) заняла командировка в Ирак, в инженерные войска. Обычные танки оснащали противотанковыми тралами — перед гусеницей устанавливали звенья из пяти тяжелых катков — они подрывали мины.

Ремонтировали грейдеры, скреперы, строили дороги... На зиму с общевойсковыми инструкторами переехали с семьями в Мосул. Отрабатывали на крышах тактику боя в населенных пунктах. Рано утром любовались стадом волов, которых пастухи перегоняли на другой берег р. Тигр. «Ехали» они, держась за хвосты быков, — «туда» утром и «обратно» вечером.

Вокруг городов — древние столицы — Ниневия, Намруд, дворец Навуходоносора. Храм бородатого бога Набука.

На окраине Мосула растет дерево. (Ветхий завет гласит — это яблоня. Змий подарил Еве яблоко, чтобы она соблазнила Адама.) Но теперь там растет гранат. В городе, подобно падающей итальянской башне есть своя «падающая» мечеть. В музее — древнейшая лира (чем она отличается от арфы?). В Намруде видели оплавленный камень. (В древности умели молнию дважды направлять в одну точку.) Сады Семирамиды, башня до небес — Зиккурата, — сказание о том, как были смешаны языки и не смогли договориться строители. Древняя клинопись, крылатые тигры на стенах тропы жрецов, каменный лев, поставивший лапу на грудь поверженного раба. Все это следы цивилизации древнейших шумеров и аккадийцев...

Здесь родина Саддама Хусейна. Большинство мосульских жителей стали инсургентами (партизанами), бесстрашными борцами против незваных гостей. Мы навсегда на стороне иракских патриотов.

С конца 1969 г. в египетских войсках шла активная подготовка к изгнанию врага. Не только на Суэцком канале, но и в заполонившей испанское посольство агентуре США. Летом 1970 г. отсюда она сумела организовать отравление вождя египтян — Гамалы Абделя Насера. Вскоре патриотами был ликвидирован его американский ставленник Садат, который успел к середине 1972 года потребовать возвращения на родину всех советских специалистов из Египта.

Незадолго до моего возвращения домой в апреле 1972 г. солдаты нашей ракетной дивизии из деталей сбитого американского истребителя собрали несколько скульптур, изображающих сбиваемый советской ракетой американский самолет. Одну преподнесли Председателю Президиума Верховного Совета СССР Подгорному И.В., вторую — министру обороны Гречко А.А., а третью — нашим переводчикам.

Рядом с Фантомом в музее лежит и разорвавшаяся противорадарная ракета, которую я подобрал во время последней поездки в качестве сувенира. На таможенном контроле потребовали было чемодан открыть. Однако я так медленно стал развязывать ремни и отпирать замки, что таможенник, сплюнув, произнес: «О'кей, проходите».

* * *

Давно замечено, что общение в компании переводчиков сопровождается подначками, байками, розыгрышами, *practical jokes*, переходящими в обидно-безобидные *collocational*. Когда же во исполнение интердолга волею начальства их собирается в Каире до нескольких сотен (например, в закодированном на 100 лет замке индийского султана), настрой их сменяется сосредоточенным вниманием (Незадолго. Судите сами: перед вами стенгазета военных переводчиков. Здесь и шутки и всерьез.)

From Steps to Strides?

English interpreters here in the UAR have got much praise and faced many setbacks. Their traces might be spotted as far back as 1955/ those were first and rather timid steps made by the Soviet interpreters in a Middle East country.

By 1960 we gained certain experience and were on somewhat friendly footing with the local officers. Our «credentials» were accepted. Our painstaking labour was approved.

The time was ripe to count up what had been achieved or what had been lost, as was the case with some translators. So in 1962 a conference was held to the effect, which was devoted to the sole problem: how to fit our English to the local conditions, hence what means were to be used to improve it. We succeeded in turning out a controversial Russian-English dictionary by the time of the conference. But it was a sham conference by its scope. There were from three to four reports to be delivered and about 25 translators in attendance.

However, it gave sort of impetus to thought and practice within the branches and groups of interpreters. Many home-made (working) dictionaries ensued. That was the start and, unfortunately, the finish of an attempt to bring the interpreters work to unified standards. It is commonly believed that the present conference would result in more tangible achievements.

Y.N.Tiutikov

Об изучении диалектов (в порядке обмена опытом)

В изучении диалектов первый помощник — блокнот. Однажды мы ехали со старшим лейтенантом-арабом. Он меня возненавидел за то, что я записывал его высказывания и беззастенчиво переспрашивал непонятные слова. «Да лишишь аллах тебя крова! — воскликнул он наконец, вне себя от ярости. — Ты совершенно не знаешь арабского языка!»

Я хотел ему сказать, что более шепелявого и картавого египтянина никогда еще не встречал, но сдержался — в его словах было слишком много правды. Другому арабу я признался, что произношение женщин для меня более понятно, так как нас обучали языку преподаватели-женщины. Он посоветовал: «Так общайся больше с местными женщинами».

«Чего это мне будет стоить?» — подумал я про себя, а ему сказал: «Твоими бы устами мед пить!»

Настоящее отчаяние я испытал совсем недавно. Двое, как я думал, суданцев вели между собой оживленную беседу. Отличный случай вслушаться в диалектальную речь! Но сколько я не напрягался, ничего не мог понять. Хоть бы одно словечко! «Так ведь это нубийцы...», — засмеялся мой собеседник.

Изучайте диалекты!

В.Паршин

Cum grano salis

Переводческие курьёзы

оперативное заблудительство
водоплавающие танки
высота живота танка
переход на воздух
на спине самолета

The aircraft landed with its wheels up – самолет
приземлился вверх колесами!

Комментируя выступления...

Quiz No.1: перевести фразу «никому не секрет о том». Варианты перевода направлять на редакцию тов. Леонову В.Н.

«Конечно, мы не Суходревы...»
Хоть трудимся и ночь и день.
Но привлекло науки древо
И нас под творческую сень.

Объявление

Срочно требуются лица, хорошо владеющие языком, для наклеивания марок уплаты членских взносов.

Редколлегия: Вежневек, Пестов, Лебакин

Отв. редактор: Квасюк

Размышления в наушниках

А. П. Бересневич

Не у всех и не всегда получается, чтобы в ежедневной работе сочетались удовольствие, деньги, знание и умение в нужное место это знание выплеснуть. Нет, конечно, моя работа совсем не ежедневная, и она ни в коем случае не рутинная. Работа эта возникает время от времени – то сыплется тонкой струйкой песка (но всё-таки золотого песка), а то катится под ноги самородками.

Мне интересно сидеть в кабине в нелепых наушниках и переводить синхронно чужие слова. Я знал одного человека, которому было интересно писать в журнале политические колонки. Никто не печатал. Пришлось ему купить журнал. Втридорога. Весь журнал. С дизайнерами, фотографами и типографией. Расход большой, зато теперь есть где печататься. А я получаю и удовлетворение, и доход.

Мне даже наушники покупать не надо, их мне сами заказчики моих услуг выдают. И пусть эти наушники будут нелепыми. Это даже лучше: тогда они удобные и уютные, уши меньше болят.

Никто не знает, как получается синхронный перевод. Докладчик ещё не надумал говорить, а ты уже жалеешь, что не знаешь конструкцию, которую этот оратор употребит. Потом что-то получается. Возникает общение. Магия синхронного перевода. Синергия сопричастности. Что-то я загнул хвастливо. На самом деле я слегка лукавлю. Многие знают, как надо переводить. Из них не все хотят, немногие умеют, а из тех, кто умеет, меньшая половина делает. Но делает не всё. Чтобы сделать всё, нужен профессионализм, надрыв, нужно умение, настроение, желание, знание тем и реалий. Иначе даже у знатоков косо выходит.

Синхронный перевод — это когда оратор говорит на непонятном для слушателей языке, а переводчик одновременно всё переводит на другой, более или менее понятный им язык. Иногда происходящее высокотехнологично, все стороны используют микрофоны, наушники, динамики, рядом сидит способный инженер и поддерживает технику в рабочем состоянии. Иногда же переводчик в стрессовом состоянии громко и нервно шепчет синхронно в ухо клиенту, чем мешает жить себе, клиенту и всем окружающим. Но основное в процессе — это возникающий перевод, выплывающие из сознания и подсознания грамматические конструкции, слова, выражения, цитаты из фильмов про мафию и невероятную любовь, когда в долю секунды вспоминаешь всё, чему тебя учили. Хорошо, если учили многому. Хуже, когда всё, как обычно. Поправимо, но хуже.

Сначала, конечно, надо выучить хотя бы один иностранный язык. У некоторых это в жизни происходило само собой, в спецшколе или в семье. Некоторые, как я, уже в солидном подростковом возрасте вдруг решили, что английский язык — это интересно. Многих манила хорошая музыка из англоязычного мира. У меня это получилось даже без любви к западной музыке. Захотелось читать американские книжки в оригинале. Захотелось понимать «Би-би-си», которую на английском не глушили.

Было еще просветление. Сидел я на балконе под ярким южным солнцем, глотал уличную пыль и читал украинский перевод романа Ирвина Шоу «Ночной портье». Там одна из второстепенных героинь жалуется на жизнь: ничему её полезному в жизни не научили, только вот говорить на трех языках... Я подумал: что за дурочка? Три языка — это же так полезно. И одновременно я понял, что, когда человек изучает языки, у него появляется редкая возможность получить настоящие знания, а не искусственную их модель для внутри-

советского пользования. Это ведь были советские времена.

Потом были частные уроки, чтение узколобых газет американских коммунистов (а больше никаких в киоске у центральной почты не было), и пришло осознание того, что основы грамматики английского языка можно освоить, как простое математическое правило. Быстро. Что самое смешное, так я эти основы быстро вкратце и освоил на всю жизнь, хотя с математическими формулами никогда не дружил. Сейчас я понимаю, что это был слишком краткий курс, пытаюсь совершенствоваться, но в то время сработало отлично.

Последние летние каникулы перед выпускным классом преподнесли мне подарок, который я тогда и не осознал толком. Моя учительница английского языка нашла себе работу на лето — преподавать русский язык и переводить арабам, приехавшим стажироваться на местном металлургическом заводе. Она же устроила на такую же работу дочку местного партийного начальника, решившую попрактиковаться в английском. Выяснилось, что сам начальник ничего об этом не знал, и накануне вечером он решительно запретил дочке выходить на работу. Испугался чего-то, наверное. Счет шел на часы, никого на замену не находилось, меня попросили заткнуть брешь. Настоящий мужчина не бросит шанс в урну. Я взял учебник английского языка, учебник русского языка, достал из шкафа белую рубашку, почистил туфли и поехал рисковать.

Когда я увидел эту тихую кучку скромных арабов, я понял, что никуда не денусь. Впервые в жизни перед тобой иностранцы, пусть и зачуханные, и говорить надо по-иностранному. И просто заговорил. Говорят, должен быть барьер. Не было. Было жаль, что знаний не хватает. Бросало в жар, что летом на Украине неудивительно. Барьера точно не было. Я понял, что говорить буду, было бы на чем говорить.

Потом знания давали в институте, где иностранным языкам обучали профессио-

нально. Я доставал и читал книги Дика Френсиса и Артура Хейли, лелеял и перечитывал прошлогоднюю «Таймс», листал по делу и без дела словарь Хорнби и слушал передачи Би-би-си до одури. А еще был букинистический магазин на улице Качалова, где можно было купить американские и британские книжки, но он мне не очень нравился. Мне больше пришелся по душе второй этаж «Академкниги» на Пушкинской. Там замечательный продавец неопределенного джентльменского возраста, в вечном своем твидовом пиджаке, принимал и выставлял отличные иностранные книги.

Словари, преподаватели, радио, а также легкомысленные книжки сделали свое дело. Мой английский стал похож на общепринятый. Я улавливал джазовый ритм романов Доктору и продирался сквозь горбатые комплексы Джона Фаулза. Языковой барьер исчез ещё в школе, не появившись. Всё равно, мне хотелось заняться чем-то спокойным, переводить что-то достойное в тихом уголке, а вечерами читать великих американцев. Остальные великие — слишком серьезная нагрузка для уставших вечерних мозгов.

Но жизнь бросала меня в дебри устной работы. В основном, всё получалось. Лениво хотелось большего. В конце восьмидесятых я решил поступить в группу синхронного перевода, получить второе высшее образование. Не то чтобы я так хотел быть синхронистом. Меня манили туда соображения, похожие на те, которые приводят в свое оправдание нынешние студенты групп экстремального вождения. Навыки могут и не пригодиться, но учиться занятно, результат приводит к самоуважению, колдобины больше не страшны.

Половина практикующих синхронистов училась в группах, подобных моей, а также на советских курсах ООН. Другая половина училась на своих первых клиентах. О тех, кто попал в Штаты и там объявил себя синхронистами, говорить не буду, так как мало что знаю. Там, как впро-

чем, и в Москве, представлен весь спектр знаний и умения: от высочайшего профессионализма до полной безграмотности. Деньги как за профессиональные чудеса, так и за их отсутствие, берут одинаково приличные, так что заказчик в Москве и в Вашингтоне за свои доллары может легко получить полные уши ахинеи. О других городах и поселках городского типа даже не говорю. Очень по-разному там бывает. Не всегда плохо, просто по-разному.

Навык синхронного перевода позволил мне зарабатывать на хлеб в начале девяностых. Потом был год учёбы в Америке, год без перевода и без телевизора, когда я доказал себе и окружающим, что могу неплохо учиться в американском университете, выживать на мелкие деньги, вступить в массу книжных клубов и вернуться домой. Вернулся я с горсткой долларов в кармане и массой книг в багаже.

Надо было жить дальше, работать, теперь уже используя и американский опыт. Я бы с удовольствием сел в уголке, тихо и прибыльно переводил скучные тексты, а вечерами читал бы. Правильно, великих американцев, чтобы мозги не напрягать. Не удалось. Лукавое американское начальство в московском офисе прознало о моем умении переводить синхронно и пыталось заставить меня делать это за скромную зарплату в качестве дополнительной нагрузки. Это всё равно, что заставлять секретаршу исполнять в обед стриптиз перед коллективом потому, что у неё ноги стройные. Стриптиз перед коллективом стоит совсем других денег, да и рабочий день у танцовщиц короче секретарского. Если всё равно синхронить, то лучше за деньги. Ушёл я с тихой работы. Опять на вольные хлеба. И мсла́, конечно...

Чем хорош синхронный перевод, кроме внутреннего удовлетворения и ощущения экстремальных нагрузок, это тем, что за него платят приличные деньги. Ты садишься в кабину, делаешь свое дело, желательное хорошо, и по ходу всего этого решаешь материальные проблемы.

Не в той роли, не в том наряде

Журналисты часто вводят читателей в заблуждение, но иногда им в этом «помогают» переводчики. Вот пример путаницы, в которой повинны и те и другие.

Переводы сказок американского писателя Фрэнка Баума впервые были опубликованы на русском языке лишь в 1991 году. До этого первая и самая известная из них – «Волшебник страны Оз» (1900) – была знакома русскому читателю лишь в пересказе преподавателя математики Александра Мелентьевича Волкова (1891–1977), который назвал книгу «Волшебник Изумрудного города», убрал из неё некоторые эпизоды и напечатал под своим именем, лишь мимоходом упомянув подлинного автора в послесловии.

В пересказе А.М. Волкова, хотя и довольно близком к оригиналу, были кое-какие отступления от него. В частности, из книги было выброшено название волшебной страны – Оз, а имя главного персонажа – девочки Дороти (Dorothy) – было изменено на Элли. Причины этого решения неизвестны. Возможно, переводчик счёл имя Дороти не очень эстетичным для русского уха. Потом Элли перекочевала и в другие сказки Волкова о волшебной стране, сочинённые им уже самостоятельно.

В том же 1939 году, когда в Советском Союзе Волков опубликовал свою версию «Волшебника...», в Соединённых Штатах вышла и имела триумфальный успех экранизация сказки Фрэнка Баума. Роль Дороти сыграла в фильме юная Джуди Гарланд, ставшая с тех пор кинозвездой. Спустя 66 лет в апреле 2005 года знаменитое платье Дороти, в котором снималась Джуди Гарланд, было выставлено на аукцион

Купить наряд Джуди из «Волшебника страны Оз»

Лондонский аукционный дом Bonhams & Butterfields выставил на торги платье Джуди Гарланд, в котором 17-летняя актриса сыграла роль Элли в фильме «Волшебник страны Оз».

Дороти. Ни в театральных постановках и представлениях, ни на рисунках, ни на частных костюмных вечеринках невозможно представить себе Дороти в одежде какого-то иного покроя или расцветки.

Редакторы «Известий», видимо, поленились искать нужную фотографию и вместо неё поместили изображение Джуди в каких-то воланчиках и оборках. А вдруг кто-то из наших богачей, соблазнившись фото из газеты, решил бы слетать в Лондон и прикупить этот нарядик для своей коллекции? Представьте, как он был бы разочарован, увидев там вместо него примитивный детский сарафанчик! Мог бы и газете иск учинить за недобросовестную информацию.

Исправляем эту недоработку и приводим изображение настоящего платья Дороти. Попутно сообщаем, что победитель аукциона выложил за него 140 тысяч фунтов стерлингов. Может, хоть этот довод побудит кое-кого поуважительнее относиться к американскому культурному наследию?

Именно этот сарафанчик Джуди Гарланд был продан на аукционе за огромные деньги.

Две современных девочки в костюмах Дороти на детском празднике.

Политико-переводческий алфавит, или Сентиментальное путешествие в недавнее прошлое

Рубрику ведет А.П. Чужакин

В

Военные переводчики

В эти дни — победные майские и трагические июньские — нельзя не вспомнить и о тех, кто сыграл важную, но не всегда заметную роль, — о военных переводчиках и о их alma mater — ВИИЯКА (переименовывавшийся позже в ВИИЯ, ВИМО, а ныне — в Университет МО).

Военный институт иностранных языков Красной Армии был основан в 1940¹ году для обеспечения армии переводческими кадрами в период подготовки к войне и собрал в своих стенах лучших преподавателей языка и перевода того времени. Разумеется, изучался в то время в основном немецкий язык. В большинстве своем здесь учились гуманитарии, которых обучали не только ведению спецпропаганды и допросу пленного, но и общей и военной подготовке. По окончании курсов присваивалось звание лейтенанта.

Началась война, и вместе с другими солдатами прошли военные переводчики по дорогам войны, дойдя не только до

¹ Вначале как военфак или 2-й МГПИИЯ, затем 28 августа 1941 г. при нем были созданы курсы военных переводчиков со сроком обучения три, четыре и шесть месяцев. Многие курсанты по окончании курсов сразу же отправлялись на фронт.

Берлина, но и до Нюрнберга и Токио. Первые выпускники ВИИЯКА участвовали в военных действиях в качестве фронтовых переводчиков, а затем лучшие из них переводили на суде над нацистскими и японскими военными преступниками. (Отрывок из воспоминаний об этом переводчицы Т. Ступниковой вы можете прочитать на страницах этого журнала.)

Военные переводчики помогали налаживать послевоенную жизнь в поверженной Германии в зоне советской оккупации. Пройдя боевое крещение на фронтах Великой Отечественной, уже много позже служили ВИИЯКовцы в период военных действий в Корее, Вьетнаме, Египте — причем в этой стране дважды, в 1956–57 гг. и в 1973 г., а затем — в Анголе, Мозамбике — в пекле тропической партизанской борьбы против антиправительственных группировок, поддерживаемых ЮАР.

Во многих переделках побывали военные переводчики, пробирались через саванну и джунгли, бывали в окружении, попадали в плен. Имена военных переводчиков есть и в числе павших в те годы.

Затем был Афган, а потом череда еще более бессмысленных братоубийственных межнациональных конфликтов после распада Советского Союза. И в разрешении этих конфликтов снова принимали участие ВИИЯКовцы. Были они и

среди миротворцев – от Абхазии до Косово, от Руанды до Приднестровья.

На протяжении десятилетий были военные переводчики там, где работали советские военные советники: в Никарагуа и на Кубе, в ГДР и на Кабо Верди. Сверхдержава США и ее военное присутствие в других странах требовало защиты и наших глобальных интересов – и везде были наши коллеги, в форме и без, военные переводчики.

И сегодня они служат своей стране: и в разведке, и в вооруженных силах, и в бизнесе... (что ж, таково знамение времени). «От А до Я – мы все ВИИЯ!» – говорят они с гордостью.

Г

Голоса лидеров, или На острие слова

Голоса лидеров... Они звучат на разных языках по всему миру, уже ставшему «глобальной деревней», и становятся понятным всем, либо благодаря прямому переводу (прежде всего для СМИ), иногда идущему прямо в эфир, либо с помощью последовательного перевода во время выступления оратора. Синхронный режиссер используется на высшем уровне, тем более при беседах с глазу на глаз, так как это требует специального оборудования – кабины, наушников и т.д. К тому же синхрон предполагает некоторую потерю информации – а каждое слово из уст лидера имеет вес. Здесь важно передать не только смысл, но и все формулировки, все оттенки значения. Особая статья – игра слов, шутки, сленг, юмор вообще, – в устном переводе все это зачастую либо пропадает, либо не производит должного впечатления, а то и вызывает обратный эффект. Легендарными стали «экспромты» Н.С. Хрущева вроде «и мы не ноздрями мух ловим» (об этом далее).

Но никто так внимательно не прислушивается к словам лидера, никто так глу-

боко не анализирует его (или ее) слова, как переводчик – некое «второе я», интеллектуальный оруженосец, даже доверенное лицо. Он видит своего лидера словно изнутри, порой в ситуациях, когда, казалось бы, третий лишний – но только не он, переводчик. Хотя формально он занимает не столь высокое положение, но во многом успех встречи зависит именно от его профессионализма, эрудиции и хладнокровия. В этом некий парадокс – он помогает творить историю, оставаясь на втором плане, и большинство людей его не видит и не слышит.

Этими качествами обладали В.М. Бережков (переводчик Сталина), В.М. Суходрев (переводивший Хрущева, Брежнева), П.Р. Палажченко (Горбачев), а также менее «засвеченные» синхронные переводчики, в основном работавшие в кабинетах: Р.Р. Миньяр-Белоручев, Г.В. Чернов, А.Д. Швейцер и многие другие блестящие представители советской школы перевода. Все они попадали «наверх» еще совсем молодыми, благодаря уникальному сочетанию способностей к устному переводу.

Переводчик нужен?

Интересно, что за всю историю XX – XXI вв. лишь два руководителя нашей страны сами могли справляться без переводчика – В.И. Ленин и вот теперь В.В. Путин. Однако все лидеры имеют в своем распоряжении, без преувеличения, лучших в мире специалистов-переводчиков.

Голоса лидеров – интеллигентное гортанное Ильича и старческое шамканье Ильича-П, вкрадчивая жесткость «дяди Джо» и «прононс» Б.Н., астматическое бормотание К.У. Черненко и ироническая бескомпромиссность Андропова, велеречивость Горбачева и интеллигентно суховатая речь нынешнего лидера...

На этом фоне, вероятно, особо выделялся экспансивностью, смачным «пейзанским» юмором и непредсказуемостью Мг. К. (Кукуруза?). Но у него был достойный партнер и толкователь – один из

самых выдающихся переводчиков XX в. В.М. Суходрев. И сейчас не забыты ни «кузькина мать», ни «мы вас похороним», ни башмак на трибуне ООН. Иногда Хрущев мог и «по матушке» публично послать — а потом огорчился. Как-то, будучи в США, он сказал своему доверенному лицу — переводчику: «Знаешь, Виктор, а ведь меня неправильно переводят... Говоря «кузькину мать», я хочу сказать, что мы им покажем то, что они никогда не видели». Не лукавил ли Н.С.? Ведь первую советскую водородную бомбу в Политбюро между собой называли «кузькой». По другой версии, на юге России «кузькой» кличут жучка, пожирающего зерно, — худшего врага земледельца... Что касается напугавшей весь Запад фразы «мы вас похороним» (там ее все поняли, или, точнее, предпочли понять в переводе «закопаем», «загубим»), то Мг. К. имел в виду, что капитализм сойдет со сцены, умрет своей естественной смертью, а социализм будет присутствовать на траурной церемонии.

Как вы там, наверху?

Специально (лишь для читателей «Мостов») откроем небольшой секрет: чем выше уровень переговоров, тем легче, как правило, переводить: обсуждаются самые общие темы, почти не употребляются сложные термины и т.д. Разумеется, это относится к «профи» — какой-нибудь семинар по нанотехнологиям намного более сложная задача.

Но при прочих равных, важно иметь опыт, хорошо знать шефа, сработаться с ним и всегда держать себя в руках. В общем, «не трудно быть богом» перевода, имея талант филолога, знания политолога, память феномена, артистизм и дикцию телеведущего.

Но пойдем хронологически.

Сталин. К своим переводчикам диктатор относился доброжелательно. Вероятно, будучи билингом, он понимал трудность передачи и смысла и формы оригинала на ином языке для носителей другой

культуры: ведь каждый язык по-своему моделирует реальную действительность, а мысли лидера, высказанные вслух, не должны быть искажены или огрублены.

Мастера переводческого цеха не любят тютчевское изречение «мысль изреченная есть ложь», они-то должны быть готовы предугадать, как «слово» их шефа «отзовется» в интеллектуальном теннисе (подача — отскок — удар), который и называется переговорами.

Расцвет устного перевода и трансформация переводчика в ключевого участника переговоров начался с В.М. Бережкова, чья карьера любимого переводчика и даже доверенного сотрудника Сталина была столь же блистательна, столь и коротка, — она прервалась, когда выяснилось, что его родители были на оккупированной территории.

Трон главного толмача страны пустовал, пока в середине 1950-х годов его по праву не занял В.М. Суходрев, переводивший (и переживший) Хрущева, Брежнева, Косыгина, а также многих их зарубежных партнеров. Его работа на самом верху началась с посольских приемов в Москве, куда неутомимый Н.С. таскал за собой чуть ли не все Политбюро: переводческая судьба бросала его то в США, то в Индию, то в Скандинавию — везде, где был нужен его блестящий английский, артистизм и даже апломб.

В.М. Суходрев, З.В. Зарубина и А.Д. Швейцер

Брежнев также не устоял перед обаянием и мастерством Суходрева, которое еще ярче проявилось в эпоху разрядки. Л.И. был уже стар, любил красивую жизнь, застолье, охоту. ... Где только не приходилось переводить: и у туши убитого кабана, и рядом с голливудской красоткой — и везде выручал переводчика опыт, умение быстро переключиться, знание предмета и эрудиция, находчивость, наконец.

«Наши» всегда были на высоте, и западные лидеры зачастую предпочитали их «своим», зная, что перевод будет выполнен превосходно.

Новые люди, новые лица

...П.Р. Палажченко впервые переводил для М.С. Горбачева в самом начале перестройки — это была беседа с Радживом Ганди, — и до сих пор он остается рядом с Горбачевым. П.Р. принес в сферу дипломатического перевода сдержанность и стал верным и испытанным соратником и советником. Есть мнение, что во многом благодаря мастерски преподнесенному переводу в том числе, Горбачев стал более популярен на Западе. Это лишний раз доказывает, как много зависит от перевода: во-первых, ответственный профессионал не будет смешать акценты, в результате чего может потеряться важный оттенок значения. Более того, переводчик сможет слегка отредактировать оригинал, адаптировать, снять повторы и шероховатости, построить фразу более логично, при этом сохранив стиль и особенности личности переводимого.

П.Р. Палажченко, М.С. Горбачёв, Р. Ганди

Ведь именно с личностями, которым ничто человеческое не чуждо, имеет дело переводчик, подмечая слабости и недостатки и корректируя — подчас подсознательно — в своем переводе обидные промахи... По контрасту с прежними лидерами, молодой энергичный Горбачев довольно быстро освоился и всегда выглядел достойно, не допускал ошибок и нелепиц, а вот переводчикам Б.Н. часто бывало не по себе с его словесными «рокировочками»...

Во времена Брежнева ходил анекдот: «Вчера в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума ВС СССР тов. Брежнев Л.И. принял... гвалупского посла за румынского и имел с ним дружескую беседу». В подобных случаях переводчику приходится выкручиваться, а иногда даже вмешиваться и раздувать ситуацию, чтобы спасти лицо не только шефа, но и всей страны...

Английская переводчица русского происхождения И. Кириллова рассказывает об интервью Ельцина корреспонденту газеты «Гардиан» во время его визита в Испанию аж в 1990 г. Вопросы были настолько по-английски изощренными и абстрактными, что лидер РСФСР просто замкнулся и замолчал. «Борис Николаевич, — вкрадчиво сказала Ирина, — поймите, очерк о вас все равно будет написан, но уже без вашего участия...» Б.Н. подумал, мотнул роскошной шевелюрой и сумел все-таки что-то выдать из себя.

Нынешнего президента переводить довольно просто — делает долгие паузы, говорит в целом просто, доступно, корректен и уважителен к переводчикам — видимо, самому приходилось переводить... Как говорят коллеги из МИДа, он не гнушается спросить совета, узнать мнение того, кто будет его переводить, а зачастую вообще готов общаться напрямую.

Мировые лидеры — тоже люди. Банальность? Но часто простые смертные понимают это лишь по некрологам вождей.

Но видеть «человеческую комедию» вблизи выпадает именно переводчикам.

Переводчик в эпицентре мировой катастрофы

Д. И. Ермолович

Среди многочисленных воспоминаний о ключевых событиях Второй мировой войны не последнее место принадлежит мемуарам Пауля Шмидта, переводчика германского министерства иностранных дел, бывшего с 1935 года личным переводчиком Гитлера. Свои воспоминания Шмидт опубликовал в 1949 году¹, через два года они были опубликованы по-английски в Лондоне², а ещё через пятьдесят лет вышли и в русском переводе³, сделанном почему-то не с немецкого оригинала, а с английского издания.

Свою книгу Пауль Шмидт построил в меньшей степени как личные мемуары, а в большей степени как анализ политики предвоенной и военной Германии и других стран Европы. Конечно, уникальные свидетельства Шмидта, с близкого расстояния наблюдавшего как немецких лидеров, так и другие важнейшие фигуры мировой политики и дипломатии, бесценны для историков двадцатого века. В том числе с помощью этих свидетельств исследователи пытаются понять, могла ли

история пойти по иному пути, существовала ли возможность избежать самой разрушительной войны XX столетия, и если существовала, то кем, когда и почему она была упущена.

Но оставим освещение этих вопросов политологам и военным историкам. Для читателей нашего журнала, я думаю, представляют особый интерес те детали в воспоминаниях Шмидта, которые непосредственно относятся к его переводческой работе и позиции. Надо, правда, сказать, что этим деталям Шмидт уделяет не очень много места и они разбросаны по книге мелкими крупинками. Поэтому здесь я попытаюсь свести вместе его чисто профессиональные воспоминания — это поможет нам лучше представить себе, как работал высокопоставленный дипломатический переводчик в ту мрачную и теперь уже далекую эпоху, составить психологический портрет этого человека, понять, какую линию профессионального и человеческого поведения он выбрал для себя, находясь, по сути дела, в очаге страшной мировой катастрофы.

Первое задание у Гитлера

Пауль Шмидт очень скупо рассказывает о раннем периоде своей жизни и карьеры. Из его книги мы узнаём лишь, что за плечами у него была Первая мировая война, на которой он воевал артиллеристом. Как профессиональный переводчик

¹ Schmidt, P. Statist auf diplomatischer Bühne, 1923–45. — Bonn: Athenaeum, 1949.

² Schmidt, P. Hitler's Interpreter. — L.: Heinemann, 1951.

³ Шмидт П. Переводчик Гитлера. / Пер. с англ. Шестогал Т.В. — Смоленск: Русич, 2001. Все цитаты в статье приводятся по этому изданию. В отдельных случаях в них внесена незначительная орфографическая и пунктуационная правка. Выражаю благодарность Александру Жукову, студенту МГЛУ, за помощь в подборе материала.

он с 1923 года работал в МИДе Германии и Лиге Наций в Женеве и переводил для целого ряда германских канцлеров и министров иностранных дел.

Впервые переводить для Гитлера Шмидту пришлось 25 марта 1935 года, когда на переговоры в Берлин прибыли британский министр иностранных дел Энтони Иден и секретарь министерства иностранных дел Джон Саймон. Присутствовали также Нейрат, министр иностранных дел Германии, и Риббентроп, бывший в то время специальным уполномоченным по вопросам разоружения. Шмидт пишет:

Я удивился, когда получил приказ присутствовать. <...> Гитлер недолюбливал министерство иностранных дел Германии и всех связанных с ним. В предыдущих беседах между ним и иностранцами переводом занимались Риббентроп, Бальдур фон Ширах или кто-то ещё из национал-социалистов. Наши официальные лица в министерстве иностранных дел пришли в ужас, когда услышали, что Гитлер не позволил присутствовать даже государственному секретарю фон Бюлову на этих чрезвычайно важных переговорах с Саймоном и Иденом. Пытаясь обеспечить присутствие хотя бы одного представителя министерства иностранных дел, кроме Нейрата, они решили выдвинуть меня как переводчика. Когда Гитлеру сказали, что я долгое время хорошо справлялся с работой в Женеве, он заметил: «Если он был в Женеве, значит, ничего хорошего из себя не представляет — но что касается меня, мы можем взять его на испытательный срок».

Гитлер, по словам Шмидта, довольно приветливо принял его в своем кабинете. Начались переговоры с Иденом и Саймоном. С чисто языковой точки зрения переводить выступления Гитлера оказалось несложно:

Его фразеология была самой обычной. Он выражался чётко и прямолинейно, был явно очень уверен в своих аргументах, его легко можно было понять и нетрудно переводить на английский язык. Казалось, всё, что он хотел сказать, очень ясно складывалось в его мозгу. На столе перед ним лежал чистый блокнот для записей, который остался неиспользованным на протяжении всех переговоров. Он не делал там записей. Я пристально наблюдал за ним, когда время от времени он делал паузу, задумываясь о том, что сказать дальше, поэтому у меня была возможность поднять глаза от моего блокнота. <...> Единственной не-

обычной особенностью в нём была продолжительность его речи. Во время всего утреннего заседания говорил практически он один, Саймон и Иден лишь время от времени вставляли замечание или задавали вопрос. Иногда Гитлер, казалось, замечал, что их интерес ослабевал, они, конечно, не понимали многого из того, о чем он говорил. Тогда он, обычно с интервалами в пятнадцать-двадцать минут, давал мне знак переводить.

Перевод длинными отрезками

Из сказанного выше можно заключить, что задача Шмидта была всё-таки не из простых. Он переводил выступления огромными отрезками, продолжительностью до 20 минут. Пока говорил оратор, переводчик запоминал и записывал то, что слышит, и затем должен был точно воспроизвести сказанное. Для такого режима работы у него, впрочем, была необходимая тренировка: ведь в те времена в международных организациях (а Шмидт ранее много работал в Женеве) выступления также переводились либо после произнесения их полностью, либо очень крупными частями.

Согласно правилам последовательного перевода, выработанным переводчиками Лиги Наций, переводчик не имел права перебивать оратора. Г.В. Чернов в своей книге «Теория и практика синхронного перевода» (М., 1978) упоминает, со ссылкой на Эдмона Карн, пример перевода речи Андре Франсуа Понсе, которая продолжалась два с половиной часа и затем столько же переводилась. В наши дни тоже встречаются мастера последовательного перевода, способные точно и подробно перевести длинную речь, но в целом ситуация изменилась, и прежнее правило «не перебивай» уже не действует. Во-первых, на переговорах с последовательным переводом сами ораторы говорят намного более короткими периодами. А во-вторых, переводчики в наше время уже не стесняются перебивать говорящего, если он забывается и говорит слишком долго.

Навык качественного последовательного перевода длинных периодов речи

встречается сегодня гораздо реже. Хорошо это или плохо? Думаю, огорчаться по поводу такой ситуации не стоит. Всё-таки главное предназначение переводчика – переводить точно и грамотно, а не демонстрировать чудеса мнемотехники или скорописи. По-видимому, и теперешние ораторы в среднем усвоили определённую культуру выступлений под перевод. Большинство из них понимает, что аудитории интереснее слушать выступление короткими отрезками, чем зевать в течение четверти часа или более, покуда докладчик не соизволит сделать паузу для перевода. При коротких периодах лучше воспринимается и точнее накладывается на перевод эмоциональный настрой оратора, его мимика и жесты.

Сказав это, я всё же не могу не отдать должное мастерству Пауля Шмидта: он терпеливо ждал знака от выступающего, а затем выдавал полный и высококачественный перевод сказанного. Оценили его работу и участники переговоров. По окончании первой встречи Гитлер обернулся к переводчику и, пожимая ему руку, сказал:

«Вы великолепно справились со своей работой. Я не имел понятия, что можно так переводить. До сих пор мне всегда приходилось останавливаться после каждого предложения, чтобы его перевели».

Иден, знакомый со Шмидтом по многим трудным совещаниям в Женеве, тоже сделал ему комплимент: «Вы сегодня были в хорошей форме».

Обстановка под контролем

Хотя Шмидт терпеливо дожидался паузы в речи оратора, но, начав перевод, он не давал даже высокопоставленным персонам перебивать себя.

Мне удавалось восстанавливать порядок, указывая Гитлеру или какому-нибудь другому оратору, в запальчивости прерывавшему меня, что я ещё не закончил перевод.

Во время Мюнхенской конференции 1938 года (той самой, что санкционирова-

ла раздел Чехословакии) Шмидт работал на четырех языках – немецком, английском, французском и итальянском. Участники конференции часто вступали в споры и пытались что-то сказать, не дожидаясь окончания перевода.

Во время этих споров между Гитлером, Чемберленом и Долодье меня часто прерывал тот, к кому я обращался, переводя сделанное для него заявление на одном из трех языков конференции – немецком, английском и французском. «Я должен немедленно сказать об этом», – перебивал меня один из них, но каждый раз я просил разрешения закончить перевод, так что остальные участники не упустились из виду.

Шмидту, обладавшему большим опытом проведения конференций, было хорошо известно, что получается невероятная путаница, если из-за прерванного перевода кто-то из участников больше не может следить за спором. И переводчик брал в свои руки бразды правления совещанием, добиваясь того, чтобы речи и ответные реплики переводились полностью и в должном порядке.

Друзья, наблюдавшие за заседанием Большой четверки [Гитлера, Муссолини, Чемберлена и французского премьера Долодье – Д.Е.] через стеклянные двери, рассказывали мне, что когда я добивался того, чтобы мой перевод был услышан, то был похож на школьного учителя, пытающегося навести порядок в недисциплинированном классе. После этого мы стали называть конференции Большой четверки кодовым названием «класс», особенно во время кризиса 1939 года. Даже моя «клиентура», например Геринг, пользовалась этим названием.

Как есть, где сидеть

Несмотря на свою опытность в работе на переговорах, Шмидт не сразу приобрёл полезные навыки в переводе официальных банкетов. Вот что он рассказывает о первом ужине, на котором ему пришлось работать в качестве переводчика Гитлера:

Я сидел рядом с Гитлером, но вынужден был всё время говорить, тогда как самые лакомые блюда уносили нетронутыми, и в результате я встал из-за стола голодным. Тогда я ещё не овладел приемами, позволяющими одновременно есть и работать: когда мой клиент прекращал есть, чтобы дать мне свой текст, я должен был бы есть, а затем переводить, пока он ест.

Такая процедура была признана *chefs de protocole*, начальниками протокола, изобретательным решением для переводчиков на банкетах.

Этот прием неплохо взять на вооружение и современным переводчикам — в тех случаях, конечно, когда их сажают за стол. Иногда (обычно за рубежом) приходится сталкиваться с ситуациями, когда еда для переводчиков не предусмотрена и их либо сажают на стульчики за спинами главных клиентов, либо вообще где-нибудь в уголке с микрофоном.

В работе переводчика имеют значение многие малосущественные, на взгляд посторонних, детали. Например, занимаемое место. Шмидт отмечает в своей книге:

Если верно, что одежда определяет положение человека, то можно также сказать, что расположение стула определяет положение переводчика. В ходе переговоров по военно-морскому флоту [в здании британского Адмиралтейства — Д.Е.] я занимал доминирующее положение между двумя сторонами и благодаря выгодному пункту наблюдения ни разу не терял разговор даже в самых трудных технических вопросах, касавшихся типов судов, водоизмещения и так далее.

Нельзя не согласиться с Паулем Шмидтом. В данном случае он, возможно, и не выбирал свое место сам. Но часто бывает, что место переводчика заранее не определено и его выбор зависит от самого переводчика. Плох тот последовательный переводчик, кто, прибыв заранее к месту проведения переговоров, не подготовил себе места так, чтобы находиться в зоне оптимальной беспрепятственной досягаемости звука от основных его источников. Если кто-то из выступающих (особенно председательствующий и главные докладчики) расположится слишком далеко от переводчика, будет кем-то или чем-то загорожен, окажется спиной к переводчику или будет смотреть в сторону от него, то трудности перевода многократно возрастут. Даже незначительное ухудшение слышимости резко усиливает дискомфорт в работе, а тем самым создает для переводчика дополнительный стресс.

Переводчик-марафонец

Шмидт без возражений принимал на себя всю переводческую нагрузку, которую на него возлагали. Спешные переводы документов в самолете и гостиничном номере, ночная работа, переводческие марафоны во время многосторонних мероприятий — всё это рассматривалось им как неизбежный атрибут профессии. Так, во время Олимпийских игр 1936 года ему пришлось переводить сотни бесед для Гитлера, Геринга, Геббельса и других немецких лидеров, когда они встречались с иностранными гостями — королями, наследниками династий, политиками и прочими представителями почти всех стран мира. По словам Шмидта, запись этих бесед составила бы объемистую книгу.

Нередко ему приходилось буквально разрываться на части между официальными мероприятиями, где высшие чиновники рейха нуждались в его услугах:

Адъютант Геринга сказал адъютанту Гитлера: «Геринг склоняется к тому, чтобы пригласить Олимпийский комитет в Старый музей, только если заручится услугами старшего переводчика министерства иностранных дел». «Шмидт нужен самому Гитлеру, поэтому он не может работать с Герингом», — последовал ответ. «Я дам Вам полицейскую машину, которая проедет без задержек повсюду, — сказал Майснер⁴, который всегда находил выход из положения. — Тогда вы вовремя вернетесь в канцелярию».

В одиннадцать часов я произнес в микрофон заключительные слова приветствия Олимпийскому комитету в Старом музее. Как только я оказался вне поля зрения этого торжественного собрания, так перешел на несолидную рысь, устремившись к полицейской машине, и добрался до Канцелярии, как раз когда последняя из иностранных делегаций, приглашенных на прием к Гитлеру, входила в его кабинет. Майснер был прав, я успел как раз вовремя.

Помимо официальных речей и тостов, Шмидту приходилось переводить на приемах и банкетах и бесчисленные частные беседы, то есть, по сути дела, выполнять функции переводчика сопровождения — «линейки», как мы иногда это называем:

⁴ Государственный министр, главный церемониймейстер Гитлера.

На следующий день я ехал с красочного вечернего приёма в замке Шарлоттенбург на «Итальянскую ночь» на Павлиньем острове. Геббельс пригласил около ста человек, из которых более половины были иностранцы, на ужин на открытом воздухе. Над большим лугом в центре острова горели бесчисленные китайские фонарики. Ужин, танцы... и перевод. Речи после ужина, тосты и личные просьбы, вопросы: «О, герр Шмидт, помогите мне, я хотел бы поговорить с лордом Лондондерри», «Месье Шмидт, всего два слова с доктором Геббельсом», «Вы не знаете, где Геринг?» Один за другим. Я не охрип, так как не было недостатка в «подходящем лекарстве», чтобы смочить горло, но проспал два дня после того, как погасли олимпийские огни.

Можно просто поражаться работоспособности и выносливости Шмидта. Так, заключительный этап Мюнхенской конференции 1938 года длился почти тринадцать часов без перерыва, и переводить надо было в том числе за обедом и ужином. Шмидту постоянно приходилось переводить почти всё, что говорилось, на три языка. Он произнес в несколько раз больше слов, чем вся «Большая четвёрка» вместе взятая. Тут нельзя не отметить, что умение работать долго без заметной потери в качестве – черта, отличающая действительно высококлассных переводчиков.

Уважаемая обслуга

Уважение высокопоставленных «клиентов» к Шмидту сказывалось не только в их похвалах, но даже в определённой заботе о нем. Так, в мае 1935 года Шмидт получил указание отправиться с Герингом в Польшу на похороны маршала Пилсудского.

В то время будущий рейхсмаршал не путешествовал специальным поездом, а довольствовался тем, что его вагон прицепляли к обычному поезду. Только я удобно устроился в моём купе, чтобы послушать новости по моему портативному приемнику, как на пороге неожиданно появился Геринг. Я чрезвычайно удивился, когда он сказал: «Я должен извиниться перед Вами за то, что Вас разместили в этом тесном купе, обычно я более гостеприимный хозяин, но мои люди проявили небрежность. Виновный за это поплатится».

Я ответил, что не имею никаких жалоб относительно моего размещения и, разумеется, великолепно высплюсь. Но он со смешком указал, что меня поместили в кухонный отсек его вагона, искусно скрытый за задвигающейся панелью.

Ещё одним косвенным свидетельством уважения к профессионализму и эрудированности Шмидта было то, что Геринг в частной обстановке интересовался впечатлениями Шмидта о проведенных переговорах, задавал ему вопросы о политике и истории.

Впрочем, Шмидту не всегда сопутствовали комфортные условия в работе. Он вспоминает, как сопровождал Геринга во время визита в Италию:

После обеда вместе с Герингом я впервые вошёл в знаменитый дворец Венеция. Небольшой лифт, предназначенный лишь для двоих, забрал Геринга и итальянского начальника протокольного отдела, chef de protocole, на второй этаж, так что мне пришлось успешно подняться по исторической лестнице, шагая через две ступеньки, чтобы, запыхавшись, встретить своего начальника у двери лифта. Это представление мне потом пришлось повторять часто.

Шмидта неоднократно вызывали на работу из отпуска, высылая за ним специальный самолёт министерства иностранных дел. При этом Шмидт не забывает с иронией отметить, что для продолжения отпуска никакого самолёта уже не предоставляли. Пожалуй, похожая ситуация знакома и нам: если переводчики приглашаются на работу в другом городе, заказчик обычно организует их доставку от дома в аэропорт. Но вот на обратном пути о доставке из аэропорта до дома предоставляют беспокоиться уже только самим переводчикам. Что ж, по крайней мере теперь мы знаем, что и педантичные немецкие «клиенты», и наши отечественные недалеко ушли друг от друга.

Читая эти воспоминания, понимаешь, что Шмидт чётко осознавал и полностью принимал двойственный характер профессии переводчика. Как ни крути, переводчик имеет статус обслуживающего лица и не должен удивляться, когда ему приходится прыгать через две ступеньки по лестнице, чтобы вовремя оказаться там, куда участники переговоров поднимаются на лифте, или когда по окончании работы никто не везёт его домой. С дру-

гой стороны, готовность соответствовать своему статусу и добросовестность в работе сочетались в Шмидте с умением держать себя с большим достоинством – по крайней мере, такое впечатление сложилось у меня при чтении его книги.

Несомненно, это достоинство опиралось на осознание своего профессионализма, опыта, эрудиции и мастерства, но несколько не сопровождалось повышенным самомнением или зазнайством (ни тени таких качеств в книге не чувствуется). Думаю, что в том числе и это умение достойно держать себя помогло Шмидту заслужить не только уважение окружающих, но и сохранить определённую степень свободы в отношениях с лидерами.

Он даже позволял себе давать им иногда профессиональные советы. Например, многих удивляло, что Риббентроп, хорошо владевший английским языком, никогда не ведёт своих переговоров по-английски. Шмидт как-то поднял этот вопрос в разговоре с Риббентропом и даже посоветовал ему предварительно писать по-английски основные пункты своего выступления, если он желает говорить на переговорах по-английски.

«Я вполне мог бы сам вести переговоры на английском языке, – ответил он, – но я хочу полностью сосредоточиться на главном и не отвлекаться на английский синтаксис или фразы».

Данный эпизод говорит о том, что советы Шмидта воспринимались высокопоставленными персонами без раздражения.

Костюмы и мундиры

Независимость Шмидта проявлялась и в том, что он долгое время являлся на работу в штатской одежде, тогда как официальные чины нацистской Германии почти поголовно носили военную форму. Переводчик привлекал к себе особенное внимание фотографов и публики во время германо-итальянских встреч, где все должностные лица «Оси» были в мундирах, а он выделялся на общем фоне своей «плутократи-

ческой» шляпой и макинтошем. Шмидт, по его словам, чувствовал себя вполне комфортно в штатском костюме и не придавал значения привычным шуткам вроде «Вы похожи на президента республики» или «Вы похожи на владельца поля боя, оценивающего нанесенный его земле ущерб».

Однако в 1937 году Гитлер, увидев в прессе фотографии, сделанные в Мюнхене во время визита Муссолини, выразил недовольство внешним видом переводчика. Шмидту наконец сказали, что его костюм «невозможен» и что отныне он должен являться в форме, когда переводит для Гитлера в присутствии публики. Гитлер снабдил переводчика мундиром СС, а Геринг – униформой военно-воздушных сил.

Некоторое время спустя смущённый директор по личному составу министерства военно-воздушных сил спросил меня: «О чём только думал фельдмаршал, когда давал Вам униформу военно-воздушных сил? Официально это не разрешается».

Однако в дальнейшем Шмидт, по его словам, так и не надел формы, назначенной ему Гитлером. В 1938 году состоялся визит многочисленной (примерно из 500 человек) германской делегации в Италию, и специально к этому визиту для сотрудников министерства иностранных дел поши-

Пауль Шмидт (третий слева) с Чемберленом, Муссолини и Гитлером на Мюнхенской конференции 29 сентября 1938 г.

ли темно-синюю униформу, фасон которой был одобрен самой фрау фон Риббентроп. В этой форме Шмидт и отправился в Италию. Он рассказывает:

Когда итальянцы видели меня, то кричали: «А вот идет Amirante! [адмирал — Д.Е.]». <...> Кроме моего «адмиральского» обмундирования, я взял с собой полную форму военно-воздушных сил на случай, если придется работать только для одного Геринга.

Начальник по протоколу заранее расписал нам, какой костюм следует надевать в определённый час дня. На протяжении всего путешествия от одного итальянского города до другого нам приходилось постоянно менять форму на гражданскую одежду, потом на смокинги, затем на другую униформу с саблей или кинжалом в зависимости от ситуации, так что наши купе походили на актерские гримуборные. Самым изнурительным было надевание и стаскивание тяжелых сапог для верховой езды. «Никогда не думал, что придется путешествовать по Италии в гардеробе», — заметил один из моих коллег. «Вы неправильно надели ремень», — сказал один из адъютантов Гитлера, на которого я наткнулся на платформе.

Во время того визита Шмидту пришлось переводить сравнительно мало: праздничная программа, состоявшая из непрерывной череды дворцовых приёмов, официальных банкетов и других церемониальных мероприятий, практически не оставляла времени для переговоров. Отсутствие переводческой работы объяснялось тем, что Муссолини явно старался избежать любой серьёзной политической дискуссии. Визит превратился в шоу, и Шмидт иронически замечает:

Главной трудностью для меня и всех остальных была постоянная смена униформы. К концу поездки любой из нас мог бы получить работу в каком-нибудь среднем уровня мюзик-холле в качестве артиста жанра быстрого переодевания. Очень изнурительной была также необходимость по десять-двенадцать часов в день сохранять подобающее случаю торжественное, величественное или радостное выражение лица. При прохождении помпезных процессий по густонаселённым итальянским городам мы находились перед глазами внимательной публики, а на приемах элита критически поглядывала на «варваров с севера».

Позднее, когда Шмидт работал на переговорах с Герингом, ему пришлось надеть и форму военно-воздушных сил, из-за

чего итальянцы обращались к нему «Colonello» (полковник).

Нейтральный статус и его отмена

На переговорах и встречах государственных лидеров Шмидт часто был единственным переводчиком и переводил «во все стороны», то есть со всех рабочих языков на все остальные. Современный протокол двусторонних переговоров на подобном уровне предполагает участие переводчиков с каждой стороны, при этом каждый переводит «для своих». Однако в те времена высокие гости из других стран вполне полагались на работу немецкого переводчика, причём не только на его устный перевод, но и на составляемые им по итогам переговоров отчёты.

Это свидетельствует о том, что они воспринимали переводчика Шмидта (а возможно, и переводчиков вообще) как нейтрального участника переговоров, от которого никто не ожидал никаких подтасовок или искажений, вызванных влиянием на него политики или идеологии его страны либо продиктованных ему начальством.

В сентябре 1938 года, во время чехословацкого кризиса, британский премьер-министр Невилл Чемберлен потребовал, чтобы Гитлер принял его в Германии для срочных переговоров. На встрече в Берхтесгадене Чемберлен спросил, желает ли Гитлер говорить с ним наедине или хочет воспользоваться поддержкой своих советников.

«Разумеется, герр Шмидт должен присутствовать как переводчик, — сказал Гитлер, — но как переводчик он нейтрален и не входит ни в какую группу».

Таким образом Шмидт получил ещё одно подтверждение своего нейтрального статуса. Как уже отмечалось выше, обе стороны по переговорам одинаково доверяли ему и составление письменных отчётов.

Как всегда после таких дискуссий, тем же вечером я продиктовал отчёт. Гендерсон [посол Великобритании в Германии — Д.Е.] постоянно навевался в мой номер и спрашивал, как идут дела, потому что Чем-

XX век — глазами переводчика

берлен хотел получить документ по возможности в ту же ночь, чтобы подробно отчитаться перед своим правительством на следующий день. В подобных случаях, само собой разумеется, я всегда давал второй стороне, участвовавшей в переговорах, копию отчёта, если она этого хотела. Впервые я сделал это на Гаагской конференции 1929 года, когда передал Артуру Гендерсону английский перевод моего отчёта о переговорах между министрами иностранных дел Германии, Франции, Великобритании и Бельгии. Меня всегда интересовали дополнения, которые пожелали бы сделать иностранцы, — иногда чисто стилистического характера. Никто никогда не высказывал возражений по существу вопроса. Исправления, вносимые Гитлером и Риббентропом, обычно состояли в устранении некоторых абзацев их заявлений, но их корректировка также никогда не вносила никаких существенных изменений.

Однако именно в тот вечер ситуация изменилась. Риббентроп, рассерженный тем, что Гитлер фактически отстранил его от участия в переговорах, явился в номер к переводчику и заявил:

«Вы всё ещё думаете, что находитесь в Женеве! Тогда любые секретные документы свободно раздавались всем подряд. У нас в национал-социалистской Германии так не делается. Этот отчёт предназначен только для одного фюрера».

Перед Шмидтом встала неприятная задача сообщить Гендерсону и Чемберлену, что он не сможет предоставить им свой отчёт. Пришлось воспользоваться не вполне убедительным предлогом, что предоставление письменного отчёта противоречило бы конфиденциальному характеру бесед, о котором условились стороны. Чемберлен подчёркнуто выразил свое недовольство и заявил, что в таком случае на следующую встречу ему нужно будет привезти своего собственного переводчика или по крайней мере того, кто составит для него отчёт.

Впервые я оценил, каким знаком доверия было то, что никто из иностранцев, для которых я переводил, от Эррио и Бриана до Гендерсона, Макдональда и Лавалля, за все эти годы ни разу не привёз своего переводчика, всегда пользовались моими услугами. <...>

Впоследствии у меня постоянно возникали трудности с Риббентропом относительно передачи моих отчётов о таких беседах иностранцам. Даже Муссолини каждый раз приходилось выпрашивать мои отчёты. Дуче никогда не находил огрехов в моей рабо-

те — даже часто поздравлял меня с тем, как точно мне удалось передать его слова.

В дальнейшем Риббентроп внедрил практику составления двух вариантов отчёта, причём обоих за подписью Шмидта — одного для внутреннего, а другого для внешнего потребления. По словам Шмидта, в дальнейшем он в большинстве случаев мог различить их, лишь сравнивая с оригинальными документами, продиктованными с рукописных записей переводчика. Для иностранного собеседника готовился сокращённый вариант, а ещё одна копия корректировалась Риббентропом для немецких архивов.

Переводчик-дипломат

Во время переговоров Гитлера и Чемберлена по Чехословакии, состоявшихся в 1938 году в Годесберге, роль Шмидта как переводчика довольно естественным образом переросла в дипломатическое поручение. В ответ на письмо Чемберлена Гитлер продиктовал письмо на четырёх или пяти страницах и, так как времени для письменного перевода не было, дал Шмидту указание вручить это письмо лично Чемберлену и перевести его устно. После перевода с листа Шмидт задержался, чтобы дать дополнительные устные разъяснения. Между тем у входа в отель, где находились англичане, собралась толпа журналистов.

Чтобы избежать расспросов журналистов, осаждавших вестибюль, я вызвал нашего начальника протокольной службы Фрайхерра фон Дернберга и прикрепился несколькими каплями «верного средства», чтобы устоять при «прорыве» внизу. Потом приступил к тому, что скоро превратилось в настоящее бегство. У меня было так много друзей среди журналистов, что ускользнуть от их вопросов я мог, только побежав так, что только пятки сверкали.

Как уже упоминалось, по итогам бесед, которые переводил Шмидт, ему затем приходилось составлять отчёты о них. Он хорошо понимал, что наряду с другими документами они станут материалом, на основе которого историки составят свое мне-

ние о событиях. Видимо, у него это получалось настолько хорошо, что ему стали поручать составление отчётов даже по тем переговорам, которые он сам не переводил. Впервые это случилось в 1939 году.

Я получил указание лететь в Москву с Риббентропом, чтобы присутствовать на его встрече со Сталиным. В этом случае я ехал не в качестве переводчика, так как я не говорил по-русски. В мои функции входило составление отчёта о ходе переговоров и запись любых соглашений, которые могут быть достигнуты. Этого я ожидал меньше всего. Переводчик по сути своей профессии вряд ли не найдет слов, но в этом случае все слова вылетели бы у меня из головы, если бы я попытался выразить свое изумление.

Иногда Шмидту приходилось даже замечать высокопоставленных дипломатов. Так, после вторжения Германии в Польшу, положившего начало Второй мировой войне, в ночь на 3 сентября 1939 года английский посол Гендерсон запросил о встрече с Риббентропом, чтобы передать ему ноту английского правительства. Риббентроп заявил Шмидту:

«На самом деле Вы вполне могли бы принять британского посла вместо меня <...> Просто спросите англичан, устроит ли их это, и скажите, что министр иностранных дел не может принять их в 9 часов». Англичане согласились, и я получил указания принять Гендерсона наутро, то есть через пять часов, так как было уже 4 часа утра.

После напряженной работы последних дней Шмидт едва не проспал эту встречу – ему пришлось взять такси, чтобы добраться до министерства иностранных дел. Пересекая площадь, он видел, как Гендерсон входит в здание. Шмидт воспользовался боковым входом и ровно в 9 часов стоял в кабинете Риббентропа. Войдя в кабинет, Гендерсон обменялся со Шмидтом рукопожатиями и зачитал британский ультиматум об объявлении войны в случае невывода германских войск из Польши.

Закончив чтение, Гендерсон передал мне ультиматум и попросился со словами: «Мне искренне жаль, что я должен вручить такой документ именно вам, так как вы всегда старались помочь как можно лучше».

(Приводя эту цитату, оставляю на совести русского переводчика книги выражение «помочь как можно лучше»).

Нюансы перевода

Стремление Шмидта к точности не мешало ему исправлять в переводе стилистические огрехи, случавшиеся в выступлениях германских лидеров. Об этом свидетельствует, в частности, его ироничный рассказ о переговорах Риббентропа в Англии в 1935 году:

Риббентроп по праву гордился успехом своих переговоров. Его неловкость в общении с англичанами сменилась почти дружескими отношениями, к которым я привык на международных встречах. Комплекс неполноценности, который он пытался преодолеть нарочитой резкостью, теперь исчез, проявляясь лишь в ошибках. Например, к концу переговоров, когда англичане случайно спросили его, как долго продлится это соглашение, он напыжился и с самым торжественным выражением лица произнес только одно слово: «Ewig» (вечно).

Мой коллега Кордт усмехнулся, заметив мое изумление. Высказывание Риббентропа в переводе на английский можно было бы лишь пропеть под аккомпанемент церковного органа. Я задумался, как можно было бы перевести это, избежав комического эффекта. Но вскоре нашёл выход. «Это будет постоянное соглашение», – перевёл я с облегчением, и эта фраза вошла в текст соглашения.

Вскоре после начала Второй мировой войны Шмидт поступил в распоряжение Риббентропа, где ему пришлось заниматься не тонкой нюансировкой, а «прагматической адаптацией» сказанного с немецкого на немецкий:

Выговоры министра второму секретарю в Берлине вроде «Скажите этому быку...» следовало перевести по телефону на более приемлемый язык. Поток негодующих восклицаний «труссы», «лентяи», «болваны» и «люди, которые, кажется, не знают, что идет война» изливался из вагона министра, и ему следовало придать другой вид, прежде чем он достигнет места назначения. Всё это очень выматывало.

Шмидт, судя по его воспоминаниям, успешно справлялся с выпадавшими на его долю трудностями перевода и сам вроде бы не совершал ошибок. Однако не все переводчики работали так же безупречно.

В своих воспоминаниях Шмидт рассказывает о любопытном переводческом курьёзе. В начале 1943 года Рузвельт и Черчилль запланировали провести встречу в Касабланке (Марокко), и это намерение держалось, конечно, в секрете от Германии. Тем не менее немцы получили по своим каналам сообщение о предстоящем совещании. Однако, переводя это сообщение, переводчики германского МИДа допустили волеющую ошибку.

Они не поняли, что Касабланка — название города, и перевели его правильно, но не к месту как «Белый дом». Наш оратор министерства иностранных дел похвалялся по этому поводу на пресс-конференции, что нам известно о предстоящей в скором времени встрече Рузвельта и Черчилля в Вашингтоне. Для нашего пресс-секретаря стало неприятным сюрпризом начало той конференции в Касабланке несколько дней спустя.

Переводчик вне политики, но не вне морали

В предвоенный период, по словам Шмидта, он отчётливо понимал, какую угрозу создаёт для мира курс Германии, и то, насколько неадекватной была во многих случаях политика западноевропейских держав. Он сочувствовал любым дипломатическим усилиям по предотвращению войны, но его возможности внести в них какой-то вклад были, естественно, очень малы. Тем не менее он видел и, по его словам, пытался использовать такие возможности, заключающиеся в акцентах, налёках и других нюансах работы и поведения переводчика.

Перед визитом в Германию министра иностранных дел Италии Чиано в августе 1939 года у Шмидта состоялся разговор с итальянским послом Аттолико, которого Шмидт называет «другом мира»:

«Помяните моё слово, — сказал мне Аттолико, — Англия и Франция решились вступить в войну, если Германия выступит против Польши, как она это сделала в отношении Чехословакии». Я согласился без колебаний: «Меня в этом не нужно убеждать. Если ваш министр иностранных дел выразит это мнение в своем разговоре с Гитлером, можете положиться на

меня — я переведу то, что он скажет, самым убедительным образом и очень подчеркнутым».

Впрочем, даже попытки Шмидта «убедительно» перевести предупреждения Гитлеру вряд ли достигли бы результата: нападение на Польшу было уже предпринято.

Для отвода глаз Гитлером были составлены некие предложения Лиге Наций по урегулированию польского вопроса. На встрече с английским послом Гендерсоном Риббентроп зачитал их по-немецки, но потом последовал настоящий сюрприз. На вопрос Гендерсона о том, может ли он получить текст этих предложений для передачи своему правительству, Риббентроп ответил отрицательно и швырнул документ на стол со словами: «Он просрочен, потому что польский представитель не появился».

Как пишет Шмидт, это был один из редких случаев, когда у него возникло сожаление, что он как переводчик не может вмешаться в разговор.

Говорить что-либо от себя лично является смертным грехом для переводчика. Так он может создать путаницу. И мне не оставалось ничего иного, кроме как сидеть, скрипя зубами, в то время как шанс добиться мира преднамеренно саботировался у меня на глазах.

И все же Шмидт, по его словам, попытался как-то повлиять на ситуацию. Он стал пристально глядеть на Гендерсона, стараясь дать понять послу Англии, что тому следует попросить английский перевод предложений Германии.

Едва ли Риббентроп смог бы отказать ему в этом, а я стал бы переводить так медленно, чтобы Гендерсон успевал делать заметки. Но британский посол никак не реагировал, и мне не оставалось ничего иного, как поставить толстую красную отметку в моем блокноте в том месте, где я кратко записал отказ Риббентропа как знак того, что в этот час был сделан выбор в пользу войны.

Конечно, искренность утверждений Шмидта о его внутреннем стремлении помочь делу мира невозможно проверить. Нельзя исключать, что он писал эти строки отчасти и для того, чтобы лишний раз

дистанцироваться от лидеров нацистской Германии. Но я вполне допускаю, что, рассказывая о своем молчаливом пацифизме, Шмидт не лукавил.

Как просвещённый и космополитичный интеллеktуал-полиглот, Пауль Шмидт вряд ли позитивно воспринимал фанатичную идеологию геополитического господства, которой были одержимы фюрер и его подручные. Кто как не переводчик способен трезво оценить разумность высказываний и поведения тех, кого он переводит? Да и тот факт, что Шмидт, несмотря на свое особое положение, не вступал в нацистскую партию до 1943 года (когда он был вынужден сделать это под нажимом), тоже подтверждает его слова.

Двадцать пять лет Шмидт провел как очевидец на дипломатической сцене и хорошо разобрался в том, что происходит за её кулисами. В этом, по его словам, ему помогли некие универсальные принципы:

Я имею в виду законы морали, которые родители и учителя внушали каждому представителю моего поколения: уважение к личности человека, его жизни, мыслям и собственности, а из этого уважения проистекало естественное право народа на независимость, <...> а также социальная и политическая справедливость. Выполняя свою работу, я видел, как отход от этих принципов привёл и государственных деятелей, и народы к крушению.

* * *

Работа Пауля Шмидта в министерстве иностранных дел закончилась с капитуляцией Германии 8 мая 1945 года. Он был подвергнут временному аресту американской контрразведкой и выступал свидетелем на Нюрнбергском процессе. В его собственных действиях суд не нашёл никакой вины. В послевоенный период он продолжал работать переводчиком – уже не на дипломатической арене. Но этот период жизни и работы автор оставил за рамками своей книги.

Дальше, пожалуйста

(Продолжение. Начало см. стр. 59, 65)

На всякий случай я все-таки решил проверить свое предположение про секцию. И после недолгих поисков был ошарашен четким определением. «Секционные дома, многоквартирные жилые дома, составленные из примыкающих друг к другу т. н. секций – поэтажно повторяющихся групп квартир, объединенных вокруг лестнично-лифтовых коммуникаций». Любимый Rambler здесь дает ссылку через Russ Portal Company на Большую Российскую энциклопедию (2001). Дальше – проверить по сайтам риэлторских компаний, где выяснилось, что они действительно пользуются искомым термином и для наглядности демонстрируют те самые дома, которые мы уже давно и неверно называем рядными. Как, впрочем, и некоторые переводчики с латышского или болгарского на русский.

Виталий БЕЛОБРОВЦЕВ

Об авторах

Алексеев Сергей Анатольевич – переводчик, журналист, редактор. Аспирант кафедры теории, истории и критики перевода МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГЛУ.

Берди Мишель – письменный и устный переводчик, специалист по межкультурной коммуникации. Автор рубрики "Word's Worth" в газете "Moscow Times".

Бересневич Анатолий Петрович – переводчик-синхронист. Окончил переводческий факультет и факультет переводческого мастерства МГЛУ, учился в школе журналистики Университета Миссури (США).

Линн Виссон – синхронный переводчик с русского и французского на английский в ООН. Училась и получила докторскую степень в Гарварде, а затем была профессором русского языка и литературы в Колумбийском и др. университетах США. Давний участник научных и культурных обменов между Россией и Америкой, автор ряда книг и статей, посвященных сравнительному изучению культуры двух стран.

Ермолович Дмитрий Иванович – синхронный и письменный переводчик, лингвист и лексикограф. Защитил диссертацию доктора филологических наук. Профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Работает в международных организациях. Автор научных работ по лингвистике и теории перевода, учебных пособий и словарей.

Зайцева Мария Ильинична – письменный и устный переводчик. Кандидат философских наук. Окончила Московский институт новых языков. Ветеран войны. Полковник запаса.

Иовенко Валерий Алексеевич – профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук. Доктор филологических наук, профессор. Окончил ВИИЯ. Автор учебников и научных работ по теории и практике перевода.

Квасюк Игорь Владимирович – доцент кафедры перевода английского языка МГЛУ. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Военный институт иностранных языков и МГУ имени М.В. Ломоносова. Работал военным переводчиком в составе контингента советских военных советников и специалистов в странах Ближнего Востока. Преподавал в ВИИЯ. Автор опубликованных рассказов, стихов, воспоминаний.

Ланчиков Виктор Константинович – переводчик художественной литературы, кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор ряда теоретических работ.

Масловский Евгений Константинович – переводчик и редактор научно-технической литературы. Окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Автор, редактор и соавтор ряда тематических и научно-технических книг и словарей. Член правления Союза переводчиков России, руководитель секции научно-технического перевода и специальных словарей.

Фролкова Юлия Анатольевна – переводчик и преподаватель английского и испанского языка, а также русского как иностранного. Окончила филфак РУДН. Автор ряда научных статей.

Цвиллинг Михаил Яковлевич – кандидат филологических наук, профессор МГЛУ. Один из ведущих теоретиков устного перевода.

Чужакин Андрей Павлович – преподаватель МГЛУ, консультант ряда политических и финансовых структур. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза и Академию общественных наук. Автор учебной серии «Мир перевода».

Bridging the Communication Gap

2(5)/2005

Bridges

Translators and Interpreters' Journal

Last words of a master: *V.N. Komissarov* on false friends in English linguistic structure

***E.K. Maslovsky* unearths gold and coal in technical translations**

***V.A. Iovenko* Don Quixote and translation**

***M.A. Berdy* Lincoln's Gettysburg Address: The Song of Abraham**

***V. Lanchikov* on revealing the monument behind the veil of language**

as well as

theory, practice and useful information for translators, teachers and students from top professionals

ISBN 5-93439-170-4

9 785934 391707